

Камиль Яшен

ДИЛЯРАМ

Драматическая поэма

Перевод С. Северцева

*Народной артистке СССР,
моей дорогой спутнице
Халиме Насыровой
посвящаю эту поэму*

ПЕРВЫЙ АКТ

Ясный весенний день. У подножья зеленых, горящих алыми маками холмов стоит шатер падишаха Бахрама. Здесь, в живописных окрестностях своей столицы, пирует с друзьями и придворными молодой падишах, отдыхая после охоты. На берегу голубого озера, под сенью могучей раскидистой чинары, на расстеленных коврах расселись гости. Чуть поодаль, в углублении огромного плоского камня, пылает священный огонь, два жреца изредка подкладывают в него связки хвороста. А тем временем проворные слуги разносят угощения, молодые рабыни помогают им. Красивые юноши и виночерпии наливают в чаши вино. Веселье в полном разгаре. Захмелевшие гости поют заздравную песню в честь своего государя. Но сидящий на почетном месте, перед низеньким столиком с угощениями молодой падишах неподвижен и молчалив, брови его мрачно нахмурены. Вот он облокотился на столик, погрузился в раздумье, словно позабыв о шумящем вокруг него веселом пиршестве.

Хор гостей

Непобедим наш Бахрам-падишах,
Слава державы — в надежных руках!
Меч его грозен, тверд его щит,
В битве любого врага сокрушит!

Словно огонь на святых алтарях,
Ярко он светит над краем родным,—
Непобедим наш Бахрам-падишах!
Непобедим!
Непобедим!

Неустрашим наш Бахрам-падишах,
Зорок, могуч, как орел в облаках,
Грозен, как буря, отважен, как лев,
Словно гроза — его праведный гнев!

Недругов злых повергнет во прах,
Замыслы вражьих развеет, как дым,—
Неустрасим наш Бахрам-падишах!
Неустрасим!
Неустрасим!

Неколебим наш Бахрам-падишах,
Крепче твердынь на родных рубежах!
Разум его — ослепительный клад,
Сердце его — закаленный булат!
Слава его не померкнет в веках,—
Небом храним и державой любим,
Неколебим наш Бахрам-падишах!
Неколебим!
Неколебим!

Слуги приносят на огромном подносе целиком зажаренного джеирана. Гости встречают новое угощение веселыми возгласами.

Г о л о с а

- Ну и красавец!
- А рога какие!..
- Сам государь стрелой его пронзил...
- На всем скаку!..
- Богатая добыча...
- А запах-то какой!..
- На части режьте...
- Да, уж теперь от нас ему не убежать!

Гости снова принимаются за еду. Слышатся шутки, слуги едва успевают подливать в чаши вино. И лишь молодой падишах продолжает хранить сумрачное молчание. Стоя в стороне, начальник шахской стражи Сархас и молодой придворный Ардашер негромко переговариваются, поглядывая в сторону государя.

С а р х а с

Смотри, опять угрюм наш повелитель...
Все веселятся — он один молчит.

А р д а ш е р

Чего ему на свете не хватает?
Все у него — богатство, власть, любовь...

С а р х а с

Гляди, как хмурится...

А р д а ш е р

Что за недуг
С недавних пор ему терзает душу?

С а р х а с

А ты хоть раз его припадки видел?

А р д а ш е р

Нет, не пришлось...

С а р х а с

Тогда увидишь скоро

А р д а ш е р

Ты думаешь?..

С а р х а с

Ох, страшен гнев его!

Пир продолжается. Снова звучит громкая заздравная песня.

Х о р г о с т е й

Непобедим наш Бахрам-падишах,
Слава державы — в надежных руках!
Меч его грозен, тверд его щит,
В битве любого врага сокрушит!

Мир повергает он в трепет и страх,
Солнцем сверкает над краем родным,—
Непобедим наш Бахрам-падишах!
Непобедим!
Непобедим!

Блестя пестрыми, дорогими нарядами и украшениями, на краю сцены появляются две шахские любимицы — арабская красавица

Наима и индийская красавица Амрита. Кокетливо охорашиваясь, они украдкой поглядывают из-под своих легких, полупрозрачных покрывал на весело пирующих придворных.

А м р и т а

Смотри, в разгаре пир...
Мы вовремя пришли!

Н а и м а

Все пьяны, веселы...

А м р и т а

Теперь для них станцуем?

Н а и м а

Да только не робей, как в прошлый раз,—
Понравится старайся государю.

А м р и т а

Постой... Взгляни-ка на него...

Н а и м а

А что?

А м р и т а

Смотри, какой он хмурый, невеселый...

Н а и м а

Наверно, выпил лишнего?

А м р и т а

Боюсь я...

Н а и м а

Не бойся, милая!

Его развеселим!..
Эй, музыканты!..

Грянула, полилась быстрая, увлекательная мелодия. Под звон струн, под гулкие удары дойры закружились перед гостями две красавицы под легкими, струящимися покрывалами.

Г о л о с а

- Ай да красавицы!..
- Как пляшут хорошо...
- Давно не видел я такую пляску!..
- Как птицы райские порхают...
- Так и вьются!..
- Быстрее, милые, еще быстрее!
- В былые дни и я сплясал бы с ними...
- Сиди-ка, друг... Ты слишком стар для них!..
- А как красивы!
- Сердце так и жгут...
- Спасибо вам, чудесницы, спасибо!..

Музыка смолкает. Танцовщицы низко склоняются перед Бахрамом, потом усаживаются по обе стороны от него, ластятся к своему господину, что-то лукаво ему нашептывают, стараясь рассеять его сумрачное настроение. Тем временем придворные снова запевают хвалебную песню в честь великого падишаха.

Х о р г о с т е й

Неколебим наш Бахрам-падишах —
Крепче твердынь на родных рубежах!
Разум его — ослепительный клад,
Сердце его — закаленный булат!

Словно огонь на святых алтарях,
Ярко он светит над краем родным!
Неколебим наш Бахрам-падишах!
Неколебим!
Неколебим!

Внезапно Бахрам резко поднимается с места. Ударом ноги опрокидывает он стоящий перед ним столик с яствами. Лицо его искажено, губы кривятся, как от мучительной боли. Голоса и пение мгновенно смолкают. Все застывают, не сводя испуганных глаз с искаженного злобой лица падишаха.

Бахрам

(яростно взмахнув рукой)

Довольно!..

Убирайтесь с глаз моих!..

Льстецы и подхалимы!

Лизоблюды!

Безмозглый, пьяный сброд!..

Вы ненавистны мне!

Как возле падали расселись вы, шакалы!..

Доколь мне вас терпеть?

Доколь на вас глядеть —

На ваши сытые, угодливые лица,

Тупой, дурацкий смех,

тупые шутки слушать?..

Прочь с глаз моих, обжоры и лжецы!..

Две красавицы пытаются успокоить падишаха.

Наима

Что с вами, государь?

Амрита

Хоть нас не прогоняйте!..

Наима

Пускай они уйдут... Останемся втроем...

Амрита

Споем для вас...

Наима

А захотите — спляшем.

Амрита

Увидите — скучать вам не дадим!..

Бахрам

(отталкивая их)

Прочь от меня!..

И вы мне ненавистны!

Я знаю, знаю вас:

все та же лесть и ложь...

Да отцепитесь же, продажные создания,—

Вас видеть не хочу!..

(В отчаянье хватается за голову.)

О всеблагой Хурмуз!

Зачем, зачем живу на этом свете?

Кругом — один обман...

Продажность и обман!..

(Надвигаясь на замерших от страха придворных.)

Что ж вы застыли, изваянья лжи?

Бегите!.. А не то... Мой меч расшевелит вас!

Всех уничтожу, всех,— святым огнем клянусь!

Прочь!.. Прочь!..

Бахрам выхватывает из ножен изогнутый клинок. Теснясь и толкая друг друга, придворные, воины, жрецы, слуги в смятении разбегаются. Берег озера опустел. У подножия чинары, на месте внезапно прерванного пиршества, остается один Бахрам. Вложив клинок в ножны, он медленно отходит к самому краю берега и останавливается спиной к зрителям. Сархас и Ардашер, задержавшись на другом краю сцены, вполголоса обмениваются тревожными фразами.

Сархас

Вот видишь? Я с утра еще боялся...

Подумай только — уж в который раз!

Ардашер

И с каждым разом все страшней припадок?

Ужель и вправду исцеленья нет?

С а р х а с

Уж если в душу впился Ахриман,
Врачи и знахари помочь не могут...

А р д а ш е р

Да, легче тело исцелить, чем душу...

С а р х а с

Пойдем!.. Увидит нас...

А р д а ш е р

Ты прав... Пойдем...

С а р х а с уходит. Ардашер делает вид, что собирается уйти следом за ним, но украдкой задерживается. Прячась за кустами, он зорко следит за одиноко и сумрачно стоящим на берегу озера падишахом.

А р д а ш е р

Хотелось бы мне знать:

его душевных мук

Не одиночество ли тайная причина?

Он горд.

Он нелюдим.

Но в глубине души

Без друга верного страдает и томится.

Вот если бы сейчас

приблизиться к нему —

Утешить и помочь,

в доверие втереться,

Змеею скользкою украдкой заползти

В больную душу...

Как бы это сделать?

Охваченный мрачным раздумьем, Бахрам начинает медленно расхаживать по сцене, размышляя вслух о гнетущих чувствах, безрадостных мыслях, томящих сейчас его страдающую душу. Вот он нагнулся, поднял упавшую ветку с высохшими листьями, задумчиво смотрит на нее.

Бахрам

Что значит жизнь?

Лишь молния, мгновенье!..
Вот ветка яблони,—еще совсем недавно
Она росла, цвела...

Душиста, молода,
Шепталась с легким мимолетным ветром
И улыбалась солнцу...

А теперь —
Не воскресить... Мертва... Нежданный вихрь
Вдруг налетел, рванул ее, сломал —
И наземь бросил.

И она погибла..
Вот так — по воле злого Ахримана —
Мгновенна, брэнна вся земная жизнь.

(Отбрасывает прочь сухую ветку.)

Ардашер

(прячась за кустами)

О чем он сам с собою говорит?
Какая мысль его томит и гложет?..

Бахрам

(продолжает)

Подумать только:

каждый человек —
Любой ремесленник, кузнец, башмачник,
Дехканин жалкий,

даже раб ничтожный,—
Все могут жить с надеждою в душе,
Мечтать о чем-то или ждать чего-то..
А я?..

Великий шах,
вершитель дел земных
Бедней, ничтожней, чем любой из них!..
Всё, всё мое:

и трон, и власть, и слава,

Богатство, женщины — к моим услугам,
Мне нечего желать,—
я всем владею
По непонятной прихоти судьбы!..

(Медленно шагает вдоль берега.)

Я получил в наследство целый мир,
Спешил насытить радостями душу,
Но понял я бесцельность наслаждений,
И быстро мне наскучили они.
Я книгу изучил великого Зардушта —
И понял ясно: жизнь земная — ложь,
Богатство — ложь,
власть — ложь,
и слава — ложь,
Любовь красавиц — лжива и продажна...
Чему же верить
и к чему стремиться,
Когда весь мир — бессмысленный обман?..

(После короткого молчания.)

«Жизнь хороша!»—
так нам твердят глупцы.
«Жизнь коротка!»— так мудрецы толкуют.
А что же мне сказать?..
В свой век недолгий
Я словно десять жизней уместил.
Мне возраят:
«Ты молод!
Сколько новых
Чудес и радостей еще сулит судьба!..»
А мой ответ:
«Я все богатства мира
Успел познать. И ничего не жду...»
Глухой пустыней,
мертвенной, бесплодной,
Мне кажутся грядущие года,
И ни один мираж меня не тешит,
И ни звезды вдали —
сплошная тьма!

Но, если эта жизнь
 так ненавистна,
Полна лишь обольщений да обманов,
И так несносна цепь ночей и дней —
Не лучше ли порвать,
 покончить с ней?..

*(Бахрам продолжает шагать по сцене, потом
останавливается перед священным огнем, пылающим
на плоском камне, вблизи которого прячется
за кустами, словно зверь в засаде,
насторожившийся Ардашер.)*

Дай силы мне, огонь, святой огонь!..
Решенье принято!..
 И буду жалким трусом,
Когда от этой цели откажусь!

А р д а ш е р

(тихо, взволнованно)

«Решенье принято!» — так он сказал...
О если бы подслушать,
 что решил он,
Проникнуть в тайный замысел его!..

Бахрам поднимается на прибрежную скалу, нависающую над водой.
Прячась за кустами, Ардашер быстро и бесшумно проскальзывает
следом за ним к подножью скалы.

Б а х р а м

(стоя на скале)

Как безмятежна,
 как чиста, ясна
Прозрачного залива глубина!
Как девушка невинная,
 беспечно
На солнце улыбается волна.
Но лжет волна:
 она светла на взгляд,

А эти струи мрак и смерть таят.
И все же эта смерть
 легка, безбольна —
Не то, что петля, лезвие иль яд!..

(Задумчиво продолжает.)

Где эти строки я читал?
 Не помню...
Но сколько правды в них!..
 Как хорошо
Покинуть мир таким весенним утром,
В хрустальную прохладу погрузясь,
А не в пылу бессмысленного боя,
Среди проклятий,
 скрежета мечей,
И уж конечно — не на душном ложе
Предсмертных мук!..
 Да, стоит сделать шаг —
Всего один!—
 навстречу светлой влаге
Шагнуть вперед бестрепетно и мудро —
И упадешь в прозрачную лазурь,
Уйдешь от всех забот,
 от всех усилий,
Коварную судьбу перехитришь —
Сеть разорвешь
 ее жестокой власти!..

(Подходит к краю скалы.)

Упасть отсюда...
 Разомкнутся волны —
И снова сдвинутся...
 Мой меч тяжелый
Меня на дно пучины увлечет —
Улягусь плавно
 на песчаном ложе.
И будет солнечная зыбь играть
Над головой моей,
 как нежный полог
Над колыбелью мирной,
 и с улыбкой

Спать буду, спать я — непробудным сном!..

*(Смотрит, как замороженный, в голубую
глубь.)*

Да, только шаг один!..

И вечный сон
Дарует мне желанное забвенье —
Освобожденье,

безмятежность,
отдых
От всех страданий и от всех тревог...
Как близко,

как доступно
это счастье,—
Ужели я его не заслужил?..

Тем временем Ардашеру удалось незаметно подкрасться еще ближе. Бахрам по-прежнему не замечает его, зато из своей засады Ардашер может слышать каждое его слово.

А р д а ш е р

О чем он говорит?..

Б а х р а м

(медленно оглядываясь вокруг)

Прощай, земной простор,
лазоревый, цветистый,
Прощай, весенний, вольный кругозор,
И вы, ковры долин,
и вы, твердыни гор,
И ты — золотого солнца лик лучистый!..

А р д а ш е р

(напряженно прислушиваясь)

Вздыхает... Стонет... Тяжело ему!..
Но с кем решил проститься?

Не пойму...

Бахрам

Прощай, весь бранный мир!
Ты с виду щедр и ярок,
Но суть твоя — жестокость, ложь и тьма.
Быть может, для других —
ты радостный подарок,
А для меня — угрюмая тюрьма.
Прощай...
Не упрекай в печальной укоризне
Того, кому лишь миг остался в этой жизни!..

Ардашер

(в лихорадочном напряжении)

Да!.. Он решил покинуть мир земной...
Я должен помешать... Любой ценой!..

И Ардашер, крадучись, затаив дыхание, осторожно приближается к
стоящему на краю скалы падишаху.

Бахрам

(молитвенно подняв руки)

О вечный судия!
Внемли мольбе последней—
Будь милостив, Хурмуз!
Души моей скорбящей
Перед тобой развернут мрачный свиток:
Все думы,
все страданья,
все дела...
Прости, что нарушаю твой закон:
Себя убить — преступно и греховно...
Так пусть потом в обители молчанья
Орлы степные
плоть мою пожрут!..
Ты видишь сам:
нет выхода иного

Для утоления моих мучений,
А если я неправ —
прости меня!..

*(Делает решительный шаг вперед, но вдруг
отшатывается, отступает.)*

Нет... страшно!..
Что со мной?
Ведь все решил я...
Но почему так страшен этот шаг?
Кто объяснит?..
О этот страх презренный —
Последний враг, оставшийся при мне!
Я задушу его...
Я должен, должен
Убить — сперва свой страх,
потом себя!
И чем скорей — тем лучше!..
Ну, Бахрам
Ты человек — иль призрак человека?..

Молодой падишах готов броситься со скалы в глубокий залив, но подкраившийся сзади Ардашер успевает схватить его за плечо.

А р д а ш е р

Постойте, государы!..

Б а х р а м

(резко обернувшись)

Кто ты такой?..

А р д а ш е р

Ваш друг.

Б а х р а м

(в бешенстве)

Несчастный!..

Кто тебе велел

Подглядывать за мной?..

А р д а ш е р

Пойдемте, здесь опасно.

*(Пытается силой отвести падишаха от
гибельного края скалы.)*

Б а х р а м

(яростно вырываясь)

А-а, наглый раб!..

Как ты посмел?.. Уйди!..

А р д а ш е р

Нет, государь...

Я здесь вас не оставлю!..

Бахрам и Ардашер борются на краю скалы.

Б а х р а м

(задыхаясь)

Будь проклят, дьявол!..

Прочь!..

Откуда ты явился?..

А р д а ш е р

Я друг ваш, друг!..

Б а х р а м

Убью тебя, убью!..

А р д а ш е р

(крепко держа его)

Очнитесь, государь!..

Я вам помощь хочу...

(Озирается, громко зовет.)

На помощь!

Эй, на помощь!..

Все сюда!

Б а х р а м

(продолжая бороться с Ардашером)

Не смей кричать, мерзавец!..

Убирайся!..

(Рвется к краю скалы.)

Пусти, пусти меня!..

Услышав громкие выкрики, на берег выбегают воины во главе с начальником стражи.

С а р х а с

Спасайте государя!

На шаха покушение!..

Да скорей же!

Хватайте изверга!..

Воины хватают Ардашера.

Б а х р а м

(ослепленный яростью)

А-а, подлый раб!

Убийца гнусный! Тварь!..

Посмел проклятый

Меня последней радости лишить?..

(Шатаясь, отходит в сторону.)

С а р х а с

Вы ранены, мой падишах?

Бахрам

Нет-нет...

Молчи... Не спрашивай!..

*(В изнеможении опускается на ковер,
у подножия чинары.)*

Сархас

Хвала Хурмузу!

Наш повелитель жив и невредим!..

*(Задыхаясь от гнева, поворачивается
к схваченному Ардашеру.)*

А, негодяй, предатель!..

Как ты мог?..

Я доверял тебе... а ты?..

Ты поднял руку —

И на кого же?.. На святыню нашу...

На падишаха!..

Ардашер

Погоди, Сархас!

Послушай!..

Сархас

Что?.. Убийца! Смерть тебе!..

Ардашер

Но ты не видел ничего...

Сархас

(в ярости)

Не видел?..

Презренный лжец! Вот... Вот тебе за это!..

(Бьет его по лицу.)

Ардашер

Ты бьешь... А я ни в чем не виноват.

Сархас

Кто подослал тебя?

Ну?.. Отвечай!..

(Снова бьет Ардашера.)

Ардашер

Не смей, глупец!.. Иначе пожалеешь!..

(Тщетно пытается вырваться из рук могучих воинов.)

Сархас

Ха-хха!..

Еще грозится эта тварь!..

Ну, погоди, злодей!

Неслыханную казнь

Тебе сейчас наш государь назначит...

(Направляется к падишаху.)

Тем временем усевшийся возле чинары Бахрам дрожащей рукой наливает себе вина, осушает чашу и поникает в угрюмой задумчивости, обесиленный только что пережитым потрясением. В голосе его глубокая горечь и усталость.

Бахрам

(смотрит на пустую чашу)

Все выпито до дна...

Как дальше жить?

Последняя надежда обманула...

С а р х а с

Мой шах! Что делать с этим негодяем?

Б а х р а м

(даже не взглянув на него)

Что хочешь, то и делай...

Все равно...

Оставьте, наконец, меня в покое!..

(Опять погружается в свои мрачные думы.)

С а р х а с

(подойдя к Ардашеру)

Ну, нечестивец, жди теперь расплаты,

Тебе сумеем развязать язык!

Понюхаешь огня,

споешь под плетью —

Расскажешь нам, кто подкупил тебя.

Да, не завидую тебе, предатель,—

Час своего рожденья проклянешь!

С тобою так пошутим,

так помучим,

Что страшно станет грешникам в аду!..

Убрать его!..

Воины тащат прочь отчаянно сопротивляющегося Ардашера. Ему удается вырваться — и он, задыхаясь, бросается к ногам падишаха.

А р д а ш е р

Великий... Заступись!..

С а р х а с

(своим воинам)

Чего глазеете?

Схватить мерзавца!..

Вонны бросаются к Ардашеру. Но Бахрам повелительным жестом останавливает их.

Бахрам

Не трогайте его!

Вонны отступают. Шах пристально смотрит на Ардашера.

Так это ты?.. Тот самый,
Что удержал меня?.. Там... На скале?..

Ардашер

(не поднимаясь с колен)

Да, государь!

Бахрам

Однако ты отважен...

Ардашер

Сто раз погибнуть за тебя готов!

Бахрам

Ты это доказал.

Ардашер

А если надо будет —
Я снова докажу!..

Бахрам

Встань. Подойти поближе.

Ардашер поднимается с колен, приближается к шаху.

Гляди в глаза.

И отвечай: ты кто?

Ардашер

Один из тысяч верных слуг твоих!

Бахрам

(зорко взглянув на него)

О, ты не только смел.

Ты и умен.

Запомни:

О том, что было, никому ни слова...

Ардашер

На тайну тайн навешу сто замков!

Бахрам

(снимая с пальца большой перстень)

Хвалю тебя за верность.

Вот, возьми!

(Кидает ему перстень. Ардашер ловко ловит его.)

Возьми — и убирайся!..

Ардашер

(снова падает на колени)

О пресветлый!

Благослови Хурмуз твой каждый шаг!..

Сархас

(стоя в стороне)

Глазам своим не верю!

Шахский перстень!

За что негоднику такая честь?

А р д а ш е р

(молитвенно воздевая руки)

Какой великий день!
Мой самый светлый день!
Да разве мог, ничтожный, я мечтать...

Б а х р а м

(нетерпеливо)

Ступай-ступай!..

Ты мне уже наскучил...

Поспешно встав с колен и низко склонясь, Ардашер отступает.

С а р х а с

(подойдя к нему)

Ну, покажи-ка, друг...

(Жадно разглядывает перстень).

Вот это яхонт!
Так и горит... Наверно, сто динаров,
Нет, больше,— полтораستا, двести стоит!
Ты, брат, теперь богач...

(Вполголоса.)

За что ж, любезный,
Тебя так щедро наградил Бахрам?

А р д а ш е р

Узнай у государя — если сможешь.

(Круто повернувшись, отходит.)

С а р х а с

(спешит вслед за ним)

Куда ты, Ардашер?

Послушай... Не сердись...

Откуда мог я знать...

Бахрам хлопает в ладоши. Сархас подбегает к падишаху.

Б а х р а м

А ну-ка, погляди —

Кто приближается по той дороге?

Сархас поспешно взбирается на прибрежный уступ, смотрит вдаль.

С а р х а с

Мой государь,

со стороны столицы

К нам приближается Нугман почтенный,

С ним слуги, свита...

Б а х р а м

(поспешно вставая)

А, Нугман-ата?

Рад повидаться буду с ним.

С а р х а с

(продолжая вглядываться)

А рядом —

Какой-то странник, не знакомый мне.

Б а х р а м

Посмотрим, что за странник.

Ну-ка, живо,

Зови обратно всех, кого прогнал я,—

Пускай встречают дорогих гостей.

Сархас бросается исполнять приказание. Поспешно собираются придворные, засуетились слуги, готовясь к встрече новых гостей. И вот на краю сцены появляется группа почтенных вельмож, во главе их — старый наставник падишаха, величавый седо-

бородый Нугман. Вместе с ними входит незнакомый странник в скромной дорожной одежде. Двое слуг несут его поклажу. Опираясь на свой высокий резной посох, почтенный Нугман неторопливо направляется к священному огню, молитвенно простирает руки, а затем поворачивается к молодому шаху. При виде своего наставника Бахрам радостно идет ему навстречу. Они обмениваются приветствиями.

Н у г м а н

Приветствую тебя, о мой великий шах,
Да берегут твой трон владыки неба!

Б а х р а м

Приветствую тебя, наставник мудрый.
Твое прибытие — радость для меня.
Садись, учитель. Как твое здоровье?

(Бережно усаживает Нугмана, садится рядом с ним.)

Н у г м а н

Хвала Хурмузу, сын мой.
Хоть и стар я,
Но ходят ноги по ковру земли
И очи не померкли:
видят мир,
Украшенный святыми чудесами.

Б а х р а м

Да ниспошлют тебе владыки неба
Еще десятки долгих, светлых лет.
Ты должен знать:
твоя святая мудрость
Нужна и мне, и всей моей стране.

Н у г м а н

Благодарю тебя, мой добрый сын.
Вся жизнь моя — служение престолу
И нашему народу.

Не один я

На этот раз пришел к тебе:

со мною

Почтенный гость, прошедший полземли.

(Указывает на стоящего поодаль странника.)

Бахрам

Кто он такой?

Нугман

О нем уже не раз
Я говорил тебе:
Художник несравненный,
волшебник кисти,
дивный мастер,
Чья слава покорила весь Восток.
Сейчас ты вспомнишь,
как его зовут:
Так радуют глаза его творенья,
Что и султан,
и многие раджи
Его просили при дворе остаться.
Но тщетно!
Он, как истинный мудрец,
Всем благам жизни,
почестям,
богатствам
Предпочитает страннический посох
И ходит по земле —
из края в край,—
Как солнце, озаря всех людей
Лучами несравненного искусства!..

Бахрам

Его зовут — Мани?..

Нугман

Ты угадал.

Бахрам

(взволнованно)

Тот самый чародей,
художник мудрый,
Чье имя чтит весь просвещенный мир?..

Нугман

Да, сын мой.
Он вчера в столицу прибыл,
И привести его с собой решил я,
Чтоб, как великий чародей, предстал он
Перед твоим лицом.

Бахрам

(глядя на странника)

В простой одежде,
В плаще дорожном, с посохом в руке?..
Мани?.. Не может быть!

Нугман

Да, дорогой Бахрам,—
Подобен он светильнику из глины,
В котором свет божественный горит.

Бахрам

(взволнованно встает)

Так пригласи его сюда скорее!..

Нугман

Сейчас, мой сын.
С почетом встретить его.

Нугман медленно поднимается с места, приближается к страннику, подводит его к молодому падишаху. С достоинством склоняется прославленный художник перед Бахрамом.

, Бахрам

Привет тебе,
 мудрец и чародей,
Чье мастерство пьянит сердца людей!
Не раз о чудесах твоих я слышал,
Тебе желаю много светлых дней.

Мани

Благодарю тебя, великий повелитель,
За честь, звучащую в твоих словах.
Не я достоин этих слов хвalebных —
Небесный дар, что мне творец вручил.

Бахрам

Ну полно, добрый гость!
 Премудр творец:
Достойного он выбрал из достойных,
Чтоб смертному вручить
 свой дар бессмертный,
А потому почетным гостем будь.

Мани

(снова склоняется перед ним)

Благодарю за честь, великий шах.

Бахрам, Нугман и Мани садятся. По знаку падишаха слуги приносят угощения. Собравшиеся на сцене придворные сначала почтительно держатся в стороне, а затем, заинтересованные рассказом Мани, подходят ближе, столпясь позади падишаха.

Бахрам

Почтенный гость! Что привело тебя
В мою столицу?

Мани

Путь, что сам избрал я,—
Давно скитаюсь я из края в край,
Весь мир — мой дом.
 Нет для меня чужбины.

Люблю людей — дивлюсь разнообразью
Их языков,
 обычаев,
 одежд,
Но горьким заблуждением считаю
Народов недоверье и вражду,
Весь род людской — одно большое братство,
Весь мир — мой дом,
 все люди мне родня.

Н у г м а н

Да, только избранным такой удел дарован!

Б а х р а м

Как хорошо, что нас ты посетил,
Премудрый гость!
 Жду от тебя рассказа
О чудесах земли,
 о дальних странах,
О всем, что ты в скитаньях повидал.
Пусть твой рассказ,
 свободный и правдивый,
Нас отвлечет от суетных забот,
От мрачных мыслей,
 тяготящих разум...
Сам властелин небес тебя ко мне прислал!

М а н и

Великий шах! Мудры твои слова!
Ты угадал:
 я слышал голос с неба,
Меня к тебе пославший.

Б а х р а м

Слышал голос?...

М а н и

Дозволь, я по порядку расскажу.

Толпа придворных подвигается ближе к рассказчику.

Не собирался я в твою страну —
Меня манило сердце к берегам
Реки великой — Нила.

Там, в Египте,
Еще не довелось мне побывать.
Но труден путь туда:

через потоки,
Через хребты, солончаки, пустыни
Я долго шел

со слугами моими,
Покуда не осилил треть пути.
Но вот однажды...

Ночевал в степи я,
Под сенью звезд...

И вдруг услышал с неба
Зов громогласный:

— Встань!

Стопы направь
В далекий край — к Бахраму-падишаху!..
— Зачем?— я спросил.

А мне в ответ:
— Ступай, ступай к Бахраму-падишаху
И расскажи ему о чуде...

Б а х р а м

(негромко восклицает)

Чуде?..

М а н и

О чуде, что в Хорезме я видал.

Слушатели подвигаются еще ближе.

Г о л о с а

— Слышал?..

— О чуде хочет рассказать..

— Видать, немало в жизни испытал он...

Дороже всех —
жемчужина живая:
Ее приемной дочерью зовет он,
Хоть и слышал я,
что простой рабыней
Была она в лачуге рождена
И за бесценюк продана...

Бахрам жадно слушает.

Клянусь я,
Что всех алмазов мира драгоценней
И всех чудес чудесней
это чудо —
Красавица, чье имя — Дилярам.

Бахрам

(негромко повторяет)
Какое имя!..
Звонкое, как струны,
И нежное, как песня:
Ди-ля-рам!..

Мани

С младенчества,
как редкостный цветок,
Она росла и в роскоши, и в неге,
Училась петь,
читать,
играть на чанге,
Стихов немало помнит наизусть.
А знаешь сам:
когда с таким умом
Сливается девическая прелесть,
Еще светлей,
еще неотразимей
Становится земная красота...

Бахрам напряженно слушает.

Лишь перед избранными из гостей
Всего на миг отец ей разрешает

Поднять покров, скрывающий лицо,—
Всего на краткий миг...

Но этот миг
Слепительней, чем солнце на рассвете!
Я помню,

как на праздничном пиру
Она движеньем легким подняла
Прозрачный шелк,
лицо ее скрывавший,
Как дымка серебристая — луну,
И был я ослеплен...

Лишь миг блистала
Передо мной живая радость рая —
И хорошо, что только миг...

Иначе
При виде красоты ее волшебной
Я разума лишился бы навек!..

Г о л о с а

- Виденье райское?..
- Поверить невозможно!..
- Быть может, не краса, а колдовство?..

Мани на мгновение смолкает. Все ждут, затаив дыхание.

Б а х р а м

Что ж ты умолк, почтенный?
Продолжай!..

М а н и

Мой шах!
Не знаю,
смог ли я достойно
О чудном облике ее поведать,
Но главного еще не рассказал я
Об этой чаровнице Дилярам:
Не только красотой,
подобной блеску
Чистейших звезд, владеет эта пери,

Но и к тому же —
 дивным даром пенья,
Игры на чанге дивным мастерством.
В густом саду,
 под сенью кипарисов,
Отец беседку для нее поставил
Из благовонного сандала.

 Скрыта
Завесами из дорогих шелков
Со всех сторон
 узорная беседка,
И, ярче вешней радуги играя,
Расцвечены узором из рубинов
И жемчугов,
 легки,
 полупрозрачны,
Под свежим ветром
 зыблются завесы,
Как ароматный дым над алтарем.
А дева нежная
 сидит в беседке,
Незримая для взоров посторонних,
Перебирает струны...
 И поет!..

Б а х р а м

И ты... ты слышал пенье этой девы?

М а н и

Да, государь.

 И знай:
 до самой смерти
Забуть мгновений этих не смогу!

Б а х р а м

Так хорошо поет?

М а н и

 Не выразить в словах
Очарованья этих дивных песен!

Бахрам

Да неужели?..

Мани

Можешь мне поверить.
Немало слышал я певич искусных
Не только в Индии — в садах Ширази,
В Багдаде,
в Персии...
Арабских чаровниц
И хрупких китайнок слушал...
Нет,
Клянусь тебе, что ни одна из них
С прекрасной хорезмийкой не сравнится!

Бахрам

Но чем же лучше пенье Дилирам?

Мани

Когда она запела,
чуть касаясь
Ласкающими, гибкими перстами
Звнящих струн,
в уме моем тогда
Былых годин проплыла череда...
Забыл я сразу
о земных тревогах,
Утратах горьких,
тягостных дорогах,
Унесся вновь к блаженным берегам —
К младенчеству,
к таинственным годам.
Улыбка матери,
лицо ее святое
Передо мной явилось — как живое...
И, не стыдясь, я волю дал слезам...

(украдкой вытирает слезы.)

Вот как прекрасно пенье Дилярам!

Все молчат, словно замороженные.

Бахрам

(чуть слышно)

О силы неба!..

Если б мне хоть раз
Такое счастье испытать!..

Мани

Слышал я,
Что к ней по праздникам больных приводят —
Припадочных,
безумных,
одержимых,—
И все болезни тела и души,
Как будто чудотворною рукою,
Она снимает —
пеньем несравненным
Любой недуг способна исцелить.

В толпе слушателей — взволнованное движение.

Голоса

— Да кто ж она?
— Колдунья иль святая?..
— Не снадобьями — пеньем исцеляет!..
— Уж не коварною ли силой Ахримана
Творит она такие чудеса?..

Нугман

(украдкой наблюдая за падишахом)

Бахрам взволнован...

Лучше бы мой гость
О чем-нибудь другом ему поведал!..

Б а х р а м

(стараясь сдержать волнение)

Послушай... >

Если точен твой рассказ,—
Хотя и трудно точным оставаться
В пылу восторга,—
если ты сумел
Ее достоинств не преувеличить,
Тогда... тогда...

М а н и

Ты знаешь, государь:
Когда святое чудо созерцаешь,
Огонь восторга зорче и точней,
Чем холод разума.

Б а х р а м

(обуреваемый сомнениями)

Ты прав, конечно...
И все ж... не в силах разум примириться
С подобным чудом!..
Ты не думай, друг,
Что я в твоём рассказе сомневаюсь,—
Хотел бы верить я...
Но вечный спорщик —
Упрямый разум — верить не дает!..

М а н и

(с тонкой улыбкой)

Нетрудно мне понять твои сомненья,
Мой государь...

Б а х р а м

(прерывает его)

Когда бы мог мой разум

Сам увидеть, проверить, оценить —
Воочью убедиться...

М а н и

О мой шах!
Послушай, что на это я отвечу.

Бахрам напряженно смотрит на него.

Предвидел я,
 что, мой рассказ услышав,
В нем поневоле усомнишься ты,
Предвидел я,
 что лучших слов не хватит,
Чтоб ты поверил чуду из чудес,—
Нет слов,
 чтоб выразить живую прелесть
Весны ее пятнадцатой,
 нет слов,
Чтоб описать игру бровей и глаз,
Ума блистанье,
 взгляд неотразимый
Прекрасной Дилярам!..
 А потому,
Заранее готовясь к нашей встрече,
Воспользовался я своим умением —
Тончайшей кистью
 на нежнейшем шелке
Чудесницы портрет нарисовал.

Б а х р а м

(взволнованно)

Ее портрет?..
Он при тебе?

М а н и

(неторопливо встает)

Конечно.
Хоть и по памяти его нарисовал я,
Но, думается, сходства я достиг.

Бахрам

О-о, покажи скорее!..

Мани осторожно достает спрятанную на груди, под халатом, шелковую ткань, бережно, почти благоговейно разворачивает ее и передает двум слугам. На шелковой ткани портрет удивительной красавицы. Мани почтительно приближается к Бахраму. За художником следуют его слуги, держа развернутый портрет.

Мани

Взгляни, великий шах!

Бахрам

(быстро поднимаясь с места)

Не может быть!..

(Не сводит горящего взгляда с изображения красавицы.)

Голоса

- Вот это чудо!
- Красота какая!..
- Я в жизни красоты такой не видел!..
- А мастерство!..
- Смотрите: как живая!..
- В глаза глядит... Как радуга, горит...
- А сколько нежности...
- И сколько благородства!..
- Не может быть, что дочь простой рабыни...
- Нет, дева райская!..
- Глазам не верю...
- Такая жить не может на земле!..

Все теснятся позади шаха, чтобы тоже поглядеть на портрет. Возгласы и жесты изумления и восторга. Молодой шах стоит, словно околдованный, неотрывно глядя на чудесный лик красавицы. Даже старый, мудрый Нугман глубоко взволнован.

С а р х а с

О-гоо!.. Пожертвовал бы целым войском,
Чтоб пленницу такую захватить!..

А р д а ш е р

Хотя бы день владеть чудесной пери —
А через день... и умереть не жаль!..

Н у г м а н

(задумчиво качая головой)

О, как губительна,
но как и животворна
Власть женской красоты!..
Подумать можно,
Что силы мрака с солнечною силой
В союз вступили,
чтоб ее совдаты!..

Только две шахские наложницы не разделяют общих восторгов,
усмехаясь и пожимая плечами, они обмениваются насмешливыми
замечаниями.

Н а и м а

Подумаешь!.. Сурьмы не пожалела —
Вот и большими кажутся глаза.

А м р и т а

А брови — погляди-ка! — синей краской
Нарочно удлинила до ушей...

Н а и м а

Поджаты губки — на бутон похожи,
А как распустит губы, что тогда?..

А м р и т а

На все уловки, хитрая, пустилась —
Ведь так легко обманывать мужчин!..

Бахрам продолжает неподвижно стоять, не сводя пылающего взгляда с чудесного портрета. Взоры окружающих устремлены теперь не на портрет, а на молодого падишаха. Все удивлены и взволнованы необычным выражением его лица.

Н у г м а н

О силы неба, что с моим Бахрамом?
(Спешит подойти к нему.)

Мой сын...
Довольно, хватит!.. Не гляди
На этот образ...
Он тебя погубит!..

П р и д в о р н ы е

(обступая падишаха)

— Не надо, государь...
— Мы просим вас...
— Опасно вам глядеть на этот образ!..

Б а х р а м

(отталкивая их)

Уйдите!..
Не мешайте!..

Придворные поспешно расступаются.

Н у г м а н

(в большой тревоге)

Мой Бахрам...
Послушайся меня...
Прошу, художник:
Хоть ненадолго — убери портрет!..

Бахрам

(вскрикивает)

Нет-нет...

Оставь!..

Мой дорогой Нугман,
Ты только погляди:
ее изображение
Не колдовством пленяет — чистым светом
Небесной радости!..

(Словно в опьянении, глядит на портрет.)

Ее глаза —

Они в глаза мои с улыбкой смотрят...
Их ясный взгляд —

он озаряет душу

Лучами ослепительной надежды!..

Ее лицо —

пленительней, нежнее

Нет на земле!..

Скажи, скажи, художник:

Как эту перь встретить наяву?

Как отыскать ее?..

Не буду счастлив,

Пока ее моей не назову!..

Нугман

Так я и знал!..

Мани

Внемли, мой падишах:

Уж если так пленен ты этой девой —

Тогда поторопись!

Никто не знает,

Что может завтра же произойти...
Сегодня птицей райской эта перь

Сидит, поет —

в резной своей беседке,

А завтра, завтра... Ждал пятнадцать лет
Скупой богач, чтоб цену подороже
За этот перл назначить...
И быть может,
Ее уже не встретишь... не найдешь...

Бахрам

(исступленно вскрикивает)

Что?.. Не найду?.. Что ты сказал, несчастный?..

(Вне себя от волнения, хватая Мани за ворот халата.)

Скажи скорее — как ее добыть?
Скажи — но только правду!.. И запомни —
Вся жизнь твоя висит на волоске!..
Какие горы должен одолеть я,
Какие страны должен покорить,
Какие племена мне уничтожить,
Твердыни взять
и города спалить,
Пролить какне реки слез и крови,
Чтоб ею завладеть?..
Ну?.. Отвечай!..

(Яростно трясет его.)

Нугман

Бахрам, опомнись!..
Силам Ахримана
Не дай своей душою завладеть!
Опомнись, сын мой!..

Двое слуг поспешно свертывают портрет красавицы.

Н у г м а н

Напрасно я художника привел —
Как бы теперь несчастья не случилось!

Б а х р а м

(продолжая обращаться к Мани)

Прости, художник...

Виноват не я —

Портрет волшебный твой всему виною...
Ты сам... Ты сам поверг меня в безумье —
Сам и найди спасенье от него!..
Как девой завладеть?

Скажи скорее

Во имя всех святых!..

М а н и

Сперва ты должен

Свой пламень усмирить,
мой падишах.

Б а х р а м

Не успокоюсь я, пока не скажешь!..

М а н и

Все расскажу. Но наберись терпенья.

Б а х р а м

Терпенья?..

Но взгляни — моя душа

Подобна морю под порывом бури!..
Нет-нет, не морю...

Пламенной пустыне,

Пылающей от жажды —

в ожиданье

Целебного дождя твоих речей!..

Садись сюда, мой друг, — со мною рядом...
Я слушаю тебя.

Падишах и художник снова садятся возле столика с угощениями. Старый Нугман продолжает задумчиво стоять чуть поодаль, опершись на свой резной высокий посох. Придворные продолжают украдкой прислушиваться к беседе государя и его почтенного гостя.

М а н и

Мой падишах,
Взволнованное сердце успокой:
Она — еще ничья.
Не опоздал ты.
Старик-богач — отец ее приемный
Хитер и скуп
и вовсе не спешит
С жемчужиной своею расставаться.
Как в драгоценной раковине,
блещет
Она в его чертогах расписных
Под зоркою охраной.
Много было
Желающих бесценный перл купить,
Средь них немало знатных и богатых,
А старый плут все ждет:
как видно, хочет
Товар чудесный подороже сбыть.
Но если ты,
великий из великих,
Пошлешь немедля сватов к старику,
Улуг-ходжа,
владелец этой пери,
Конечно, не посмеет отказать...
Одно лишь затрудненье.

Б а х р а м

Затрудненье?..
Какое?..
Говори!..

М а н и

Мне даже стыдно
Тебе сказать об этом, падишах,—

Как жалок этот мир
и как ужасен
Наш век торгашеский!..
Горит душа
От омерзенья и негодованья
При мысли,
что такое чудо может
Служить предметом
купли и продажи —
Как и любой товар...

Б а х р а м

Какую ж цену
Торгаш назначил?..
Нет таких сокровищ,
Что я не отдал бы за Дилярам!..

Амрита и Наима явно встревожены.

Н а и м а

Да он и впрямь купить ее собрался!

А м р и т а

А что же ожидает нас с тобой?..

М а н и

(после короткого молчания)

Мне стыдно отвечать на твой вопрос —
И даже страшно...

Ведь такую цену
Он заломил,
что и тебе, мой шах,
Она, пожалуй, будет не под силу...

Б а х р а м

Да быть того не может!..

М а н и

Государь...

За Дилярам купец назначил выкуп —
Громадный выкуп,
равный полной дани,
Что весь Хорезм,
цветущий и богатый,
В твою казну, великий, уплатил
За семь последних лет...

Б а х р а м

Что?.. За семь лет?..

Дань со всего Хорезма?..
Спятил, что ли,
Иль нагло насмешается торгаш?..

М а н и

Что хочешь думай, государь...

Но знай:

Упрям ее отец — цены не сбавит,
Другой жемчужины такой на свете нет!..

Молодой шах вздрагивает, склоняет голову, задумывается.

Г о л о с а

— Дань со всего Хорезма?..
— За семь лет!..
— Неслыханно!..

С а р х а с

Да ведь за эти деньги
Семь городов больших построить можно!

А р д а ш е р

И все ж увидишь — согласится он!..

Н у г м а н

Любой ценой его я должен образумить —
Иначе всю казну опустошит!..

Бахрам

(медленно поднимает голову)

Не знаю, что сказать...

Позволь, великий мастер,

Еще хоть раз лицо ее узреть.

По знаку Мани его слуги опять разворачивают портрет. Бахрам снова резко поднимается с места, снова пронзительным взглядом смотрит на изображение чудесной красавицы.

Ардашер

(не спуская глаз с падишаха)

Он согласится...

Да, он согласится!..

Быть начеку я должен...

Этой страстью

Воспользуюсь — во что бы то ни стало...

Смелее, Ардашер,

свой час не упусти!..

Внезапно Бахрам, словно слепленный молнией, закрывает лицо ладонями. Он качается, как будто под порывами невидимой бури... Испуганный Мани поспешно машет слугам рукой, и те торопливо свертывают портрет. В толпе придворных слышатся негромкие встревоженные возгласы.

Голоса

- Что с падишахом?
- Словно обезумел...
- Лицо закрыл...
- Вот-вот лишится чувств!..
- Художник этот — чародей, колдун...
- Наслал недуг на душу падишаха!..

Не отнимая ладоней от лица, молодой шах медленно, словно обесилев, опускается на ковер, произнося вполголоса имя поразившей его красавицы.

Бахрам

(повторяет, как в бреду)

Дилярам... Дилярам... Дилярам!..
О небо и земля!..

Как сладко это имя!..

Журчит оно, звенит,

как голубой ручей,

Переливается, как пенье соловья!..

Дилярам... Дилярам... Дилярам...

Никто не решается приблизиться к Бахраму, страшась нового приступа его гнева.

Нугман

(подойдя к Мани)

Прости, но и пойми, великий мастер,—
Тебя прошу уйти.

(Протягивает ему кошель с деньгами.)

Прими мой скромный дар
И с миром продолжай свою дорогу.

Мани

(пристально глядя на него)

Благодарю тебя, почтенный старец,
Но денег не возьму,

не обижайся.

Ты просишь, чтоб ушел я?

Что ж, уйду.

Отправлюсь дальше — в новое скитанье.
Я сделал все,

что требовало небо:

Поведал шаху о чудесной деве,

Лик этой пери показал ему,—

И пусть судьба решает остальное!

Прощайте.

Ухожу...

Низко склоняясь на прощание, Мани со своими слугами собирается уйти. Но не успевает он отойти и на несколько шагов, как Бахрам внезапно приходит в себя, вскакивает на ноги, озирается.

Бахрам

Постой... Не торопись!..
Куда уходишь ты?..
Постой, неожиданный вестник
Мучения и счастья моего...
Не покидай меня!..
Согласен я, согласен
Любой ценой красавицу купить!

В толпе придворных — жесты и возгласы изумления и тревоги.

Нугман

(становясь перед шахом)

Мой сын, остановись!
Проверь свои слова
Весами мудрости.
Сперва мужей старейших,
Вельмож испытанных, визирей собери —
И выслушай совет.

Голоса

— Ты прав, Нугман почтенный!..
— Собрать совет!
— Обдумать!
— Подсчитать!
— На это всей казны, наверное, не хватит!..

Молодой падишах отводит в сторону своего наставника.

Бахрам

(задыхаясь от волнения)

Учитель мой...
Пойми мое смятение...

Пойми — и помоги!..

Тебе ли объяснять,
Каким мучением — тоской неисцелимой —
Больна моя душа...

Еще сегодня утром
На дело страшное я был уже готов,
Но, видно, сам владыка наших судеб
Решил меня спасти!..

Рассказывать не стану,
Но верь — над краем пропасти стою!..
А эта пери...

В ней — моя надежда,
Последняя, быть может!..

Ты же слышал,
Что самых одержимых и недужных
Она способна пеньем исцелять —
Своим чудесным пеньем...

Н у г м а н

(кладет ему руку на плечо)

Ты поверил
Затейливому вымыслу, Бахрам?
О, как доверчив ты!..

Еще совсем ребенок..
Конечно, этот гость достоин уваженья —
Художник он прекрасный, но и мастер
Придумывать такие небылицы,
Что лишь глупец поверит...

Б а х р а м

А портрет?
Такой красавицы придумать невозможно —
Ведь как живая!

Н у г м а н

(сурово и резко)

Лжет ее портрет!..
Не верь, мой сын, лукавому искусству.

Слышал я,
 что не светлые ахуры,
А дайвы хитрые — исчадья тьмы —
Внушают людям силу колдовскую
Лик человеческий изображать.
Как сожалею я,
 что хоть на миг позволил
Тебе взглянуть на этот лживый образ —
Кошунство допустил!..

Б а х р а м

 Нет-нет, Нугман-ата...
Прошу, не упрекай себя...
 Весь мир
Казался мне до этого мгновенья
Одною ложью мерзостной...
 И вдруг —
Впервые в жизни — я не ложь увидел,
Увидел истину прекрасную!..
 Судьбою
Мы друг для друга созданы, отец,—
Я это понял с первого же взгляда!..
Ты улыбаешься?..
 Ну, как мне объяснить?
Как доказать тебе?..
 Я верю:
 в этой пери —
Пускай она богатств несметных стоит —
Спасение мое!..
 Ужели я не вправе
Любой ценою счастье обрести?..

Н у г м а н

Ты заблуждаешься...
 Имеешь ли ты право
На прихоть расточать отцовскую казну?
Опомнись!
 Голову свою не подставляй
Под острый меч
 мгновенной этой страсти!..

Бахрам

Нугман-ата...

Прошу...

Не спорь, не возражай!..

Прошу, молю тебя —

во имя всех святых:

Будь моим сватом!..

Нугман

Сватом?..

Чтобы гибель

Тебе сосватать, сын мой?..

Никогда!..

Бахрам

(продолжает уговаривать его)

Возьми любых советников, визирей
И свиту пышную.

Верблюдов нагрузи

Чудесными дарами...

Триста слуг,

Четыреста рабынь возьми в подарок

И стражу из могучих храбрецов —

И в путь!..

Скорее в путь!

За этой дивной девой!..

Нугман

Нет, сын мой, ни за что.

Бахрам

(с мольбою в голосе)

Прошу тебя...

(Не получив ответа, упрямо сдвигает брови.)

Я — властелин страны.

Могу и приказать.

1-й придворный

Бахрам колеблется... Опомниться пора...

2-й придворный

Ужель решится он казну опустошить?

1-й придворный

Один Нугман его способен образумить...

2-й придворный

Наставника всегда он уважал...

Ардашер

(стоя в стороне)

Что ж медлю я?..

Одно мгновенье может

Всю жизнь мою решить:

взлечу ли, как орел,

Или, как жалкий крот,

в грязи копаться буду?

(Решительно направляется к падишаху.)

Бахрам

(в мучительном сомнении)

Казну ли разорить?

Иль сердце ввергнуть в пропасть?..

Колеблются весы...

(Резко оборачивается — смотрит на Ардашера.)

Ну?.. Что тебе?..

Ардашер

(вполголоса, вкрадчиво)

Мой шах!..

Дозволь ничтожному рабу
Сказать два слова...

И помочь, быть может...

Бахрам

(гневно нахмурясь)

Ты смеешь мне советовать?..

Ардашер

(поспешно)

О, нет!..

Конечно, мудр наставник твой...

Но стар...

Да, слишком стар,

чтоб оценить, понять

Святые чувства сердца молодого...

Бахрам

(остро глянув на него)

Ты думаешь?..

Так. Продолжай, смельчак...

Стоящие поодаль придворные тщетно пытаются прислушаться к
негромкому, взволнованному разговору шаха и Ардашера.

Ардашер

Жизнь наша коротка.

Не вечен этот мир.

Так веселись и радуйся, мой шах!

Кто свой счастливый миг

не схватит на лету,

Потом всю жизнь раскисваться будет.
Как хороша она!..

А наяву, конечно,
Еще прекраснее, чем на портрете!
Такой волшебницей владеть...

За это счастье
И полдержавы не беда отдать!..

Б а х р а м

(жадно внимая его словам)

Да?.. Ты так думаешь?..

А р д а ш е р

(продолжает все настойчивей)

Увидишь, государь:
Твоей усладою она желанной станет,
В шатре и на пиру,
в садах и на охоте
С тобою рядом будет день и ночь!
Ты весел — улыбается она,
А загрустишь —
на струнах заиграет
И сладостную песню запоеет...

Б а х р а м

(взволнованно)

Быть с нею... неразлучно...
Вот блаженство!
Но как нам этого добиться?..

А р д а ш е р

Ты могуч.
И ты богат, мой шах. А для богатства
И власти — нет преград.

Бахрам

Но мой наставник...
Как убедить его смогу?..
Он возражает,
А с ним и все вельможи заодно...

Ардашер

А ты его не слушай.
Кто властитель?
Ты — или этот дряхлый аксакал?..
Давать советы любят наши старцы,
А в юности грешили больше нас!

Бахрам

(в сильном волнении)

Да-да!..
Ты прав!..
Тысячекратно прав!..
Лишь ты один сумел меня понять,
Благодарю тебя..
И все-таки кого же
Послать за ней?

Ардашер

Мой добрый государь —
Пошли меня!..

Бахрам

Тебя?..

Ардашер

А почему бы нет?
Иль думаешь, не справлюсь с порученьем?
Не все ль равно купцу,
кто будет сватом,—
Ему богатства лишь бы получить!

А я...

Ты видел преданность мою —
Ради тебя пойти на смерть готов я!
Поверь,

в душе моей
нет большего желанья,
Чем жар твоих желаний утолить!..

Бахрам

Но ты ведь молод...

Молод, как и я...

А сват — посланец важный падишаха —
Почтенным мудрецом,

вельможей должен быть —
Обычай так велит!

Ардашер

Пустое!..

Дай мне сотню

Отчаянных джигитов... И, клянусь,
Мы для тебя добудем эту перь!

Бахрам

Сумеете добыть?..

Ардашер

(вполголоса)

Пускай она от всех
Запрятана хоть за семью стенами,
Ее похитим мы —

и привезем к тебе...
И никакого выкупа не нужно!

Бахрам

Ха-хха!..

Ты хорошо придумал! Но...
Нет, так нельзя.

Я дам тебе не сотню,

А сотни три джигитов...
Дам рабынь,
Верблюдов нагржу богатыми дарами,
Достойными невесты падишаха.
Но если заупрямится купец...
Тогда...
Тогда, мой друг...

А р д а ш е р

Клянусь: или умру,
Или тебе жемчужину достану!

Окончив молиться священному огню, мудрый Нугман степенно,
неторопливо приближается к молодому падишаху.

Н у г м а н

Послушай, сын мой:
вижу, что в смятенье
Твоя младая, пылкая душа...
Послушай, что скажу...
И будь уверен,
Что, как всегда, добра тебе хочу.
Художника ты щедро награди,
Пускай портрет,
тебе смутивший душу,
Возьмет с собою он —
так будет лучше —
И с миром продолжает прежний путь.

Б а х р а м

(угрюмо потупясь)

Прости, Нугман-ата...
Позволь на этот раз
Мне обойтись без твоего совета.

Н у г м а н

(вздвигнув от неожиданности)

Как ты сказал?..
Да что с тобой, Бахрам?

(Повернувшись к Ардашеру, громко приказывает.)

Эй, Ардашер!

Тебя ведь так зовут?

В путь за красавицей немедля отправляйся!
Сархас!

Начальник стражи подбегает к нему.

Три сотни лучших удальцов
Ты Ардашеру под начало выдашь!
Мой казначей, сюда!

Казначей быстро подходит.

Ты пять верблюдов,
Нет, десять, лучшими дарами нагрузи —
Из всех моих хранилищ отбери
Алмазы, яхонты и редкостные ткани,
И жемчуг, и парчу...

(Указывая на Ардашера.)

Тебе поможет он...

Скорей, мой Ардашер!

Спешу собраться в путь!

Сопроводить его согласен ты, художник?

М а н и

(низко склонясь)

Благодарю за честь.

Я рад тебе служить,

Великий падишах.

В толпе придворных — взволнованное движение.

Н у г м а н

О боги всеблагие!..

Коварный Ахриман ему вселился в душу!..

Ардашер

Позволь ответить мне.

Напрасно горячишься,
Премудрый старец!

Знаешь сам: он болен.
Быть может, лишь любовь способна исцелить
Его болезнь...

Нугман

Любовь?..

Еще один недуг
Добавить хочешь ты к его недугам?..

Ардашер

Ты счастья не желаешь государю?

Нугман

Да есть ли совесть у тебя, наглец?..

Придворные поспешно становятся между Нугманом и Ардашером, разводят их в разные стороны. Из толпы доносятся возбужденные голоса.

Голоса

- Неслыханно!..
- Ослушаться Нугмана?
- С наставником премудрым в спор вступить?..
- Потратить полказны!
- Что за безумье?
- В портрете этом скрыто колдовство...
- А слышали, кого назначил сватом?
- Безвестного, безродного...
- Мальчишку!..
- Ему несметные сокровища доверил!
- И чем он заслужил такую честь?..

Тем временем Амрита и Нанма бросаются к ногам повелителя, в слезах зывают к нему.

А м р и т а

Слаще — во сто раз!..

Б а х р а м

(нетерпеливо отталкивая обеих красавиц)

Прочь убирайтесь!..

(Обращаясь к Ардашеру.)

Что стоишь и медлишь?

Не хочешь ли, чтоб я послал другого?

Могу и передумать...

Эй, художник,

Ты тоже в путь готов?

М а н и

Великий государь,

Я говорил, что слышал зов небесный,

Теперь из уст твоих

я слышу зов земной —

Отныне повинуюсь им обоим.

Б а х р а м

Ты хорошо сказал.

Да берегут вас боги.

Берите все, что надо, — и в дорогу!

Вернетесь с девушкой —

золотом осыплю,

А не сумеете исполнить порученье —

Не жить вам больше!

Под землей найду!..

Ступайте же!..

Низко склоняясь перед молодым падишахом, Мани и Ардашер собираются уйти... Но в это мгновение слышится громкий голос старого Нугмана: охваченный тревогой и возмущением, ядвяв свой посох, стоит величавый, седобородый старец, пылая решимостью предотвратить грядущее несчастье.

Н у г м а н

(грозым, повелительным голосом)

Стой!..

Стойте оба!..

Все замирают в испуге и смятении.

Слушайте меня!

(Не сводя глаз с молодого падишаха.)

В последний раз внемли мне, шах Бахрам,—

Страшусь недаром твоего решения,

Страшусь я,

что ворота распахнешь ты,

Откуда хлынет бедственный поток.

Не о любви,

наш молодой властитель,

О всей державе думай,

если хочешь,

Чтоб цвел наш край —

и чтоб от грозной бури

Не пошатнулся древний твой престол!..

(В пророческом озарении.)

Я вижу...

Боже правый!..

Ясно вижу —

Там, за туманами грядущих дней,

Встают густые тучи...

Пламя блещет...

Вот рухнул с неба ливень грозовой...

А вот... О боже!..

Дрогнула земля...

Разверзлась...

И на вздыбленном коне

В кровавую трясиину погрузился

Безумный всадник...

Это ты — Бахрам!..

(Воздевая руки к небу.)

Молю тебя, Хурмуз!

Да не свершится

Все, что сейчас в грядущем я увидел...

Да не свершится!..

А р д а ш е р

(громким, дерзким голосом)

Хватит, аксакал!

Крикливые угрозы прекрати,
А то и впрямь накликаешь несчастье!

Н у г м а н

Я все сказал,

что сердце мне велело,

Теперь судьба — в твоих руках, Бахрам!..

И мудрый старец, устало опираясь на свой резной посох, медленно отходит в глубину сцены. Все молчат, глубоко потрясенные его пророческими словами. Бахрам продолжает стоять в стороне, стараясь побороть свое душевное смятение. Заметив его колебания, Ардашер снова подходит к нему.

Б а х р а м

(вполголоса повторяет)

В кровавую трясину погрузился
Безумный всадник...

Страшные слова!..

Как их теперь забуду?

А р д а ш е р

Что случилось,

Наш славный государь?

Не может быть,

Чтоб, как ребенка, напугал тебя

Вздор этот старческий!..

Б а х р а м

(в ярости обернувшись к нему)

Да как ты смеешь?..

А р д а ш е р

(бесстрашно)

Я смею!.. Да!..

Убейте!..

Прикажете
Казнить за дерзость верного раба,
Но правду я скажу!..

Б а х р а м

Какую правду?..

А р д а ш е р

(дерзко)

Мой добрый падишах,
кому из аксакалов
Не хочется прослыть святым пророком?
Одни лишь бедствия
предсказывают старцы,
А много ль предсказаний их сбылось?..

Б а х р а м

(в раздумье)

Да... Ты, пожалуй, прав...
И все же... Ты слышал?..
Ужасные слова он произнес —
От холода так и застыло сердце!..

А р д а ш е р

(снова становясь вкрадчивым)

А знаешь ли, мой шах,
зачем с таким упорством
Тебя пугает он — грозит бедой?

Б а х р а м

(нетерпеливо)

Ну?.. Почему?..

А р д а ш е р

Лишь потому, что хочет
Власть над душой твоею сохранить.

Бахрам

Ты думаешь?

Ардашер

Сейчас ему уступишь —
Тогда по-прежнему игрушкой послушной
В его руках останешься...

Бахрам

(вспылив)

Игрушкой?!.

(В гневе хватает его за плечо.)

Его игрушкой меня считаешь ты,
Презренный раб?..

Ардашер

А разве сам не видишь?..

Бахрам

(задыхаясь от гнева)

Что ж... Хорошо!..

Я всем вам покажу!..

Тебе, ему и всем!..

Увидите воочью,

Кто повелитель здесь!..

*(Оттолкнув Ардашера, резко поворачивается
к своему наставнику.)*

Благодарю, Нугман,
За бескорыстную заботу обо мне
И о державе нашей.

Но отныне

Сам принимаю я решения — запомни!
Как я сказал — так будет!

(Обращаясь к Ардашеру и Мани.)

Вы слышали
Приказ державный мой? Скорее в путь!
В путь — за красавицей!..

(Остальным придворным.)

Седлать коней!
Немедля возвращаемся в столицу!..
*(Быстрыми шагами уходит.
Придворные спешат за ним.)*

В ы к р и к и

(за сценой)

— Коней седлайте!
— Эй, убрать шатры!..
— Скорее!.. Возвращаемся в столицу!..

Звуки труб, конское ржание. Торопливо мечутся слуги.

Н у г м а н

(выйдя на авансцену)

Так...

Все решилось...

Он горяч, упрямы —

Впервые он не внял моим словам...

*(Старый мудрец снова приближается
к священному огню. Два молчаливых жреца
низко склоняются перед Нугманом.
С горячей мольбой простирает он руки
к неугасимому пламени.)*

О всеблагой Хурмуз!

Храни наш край от бедствий!

С пути добра да не свернет Бахрам!

ВТОРОЙ АКТ

Яркими утренними лучами весеннего солнца озарены ряды высоких башен, зубчатые стены, бесчисленные плоские кровли старинного города — столицы шаха Бахрама. На краю широкой мощеной площади вздымаются величавые разноцветные громады шахского дворца. Сверкают позолотой, блестят небесно-голубой глазурью его башни и купола. По обеим сторонам высоких дворцовых ворот видны громадные каменные львы с грозно раскрытыми пастьями. У ворот и у лестницы, ведущей на мраморную дворцовую террасу, неподвижно застыла стража с бердышами и копьями.

А на другом конце площади пестреют торговые ряды, в окнах лавочек, на прилавках, на земле — повсюду расставлены и разложены товары. Шумит, суетится, толпится народ. Кого только здесь не увидишь — и богатых купцов, и паломников, и бродячих акробатов, и рабов, и ремесленников, и водоносов... В толпе горожан мелькают то белые бурнусы арабов, то пестрые тюрбаны индийцев, то красные фески турок... Со всех сторон слышатся веселые, разногласные выкрики: это торговцы наперебой заывают покупателей — стараясь перекричать друг друга, расхваливают свои товары.

Торговцы

— Кому тюбетейки?

Кому халаты?

Цена небольшая, а вид богатый!..

— Ножи, кетмени!

Серпы, топоры!

Смотрите-ка: будто стекло, остры!..

— А вот пиалы!

Расписные блюда!

Славится всюду моя посуда!..

— Ширазский шелк!

Атлас, бекасам!

Сорок локтей за динар отдам!..

— Жемчуг индийский!
Эмаль, самоцветы!
Ну-ка, примерьте эти браслеты!..
— Амбра и мускус!
Румяна! Сурьма!
Любую красотку сведут с ума!..
— Лепешки, лепешки!
С маком, с корицей!
Вкусней не найдете во всей столице!..
— Свежий кебаб!
Горячий шашлык!
Сочный, душистый — проглотишь язык!..

На краю сцены появляются несколько дехкан: за плечами у них дорожные котомки, в руках — посохи; сразу видно, что они проделали далекий путь, пока добрались до шахской столицы. Впереди шагает высокий седобородый старец Шамсур-бобо, за ним — его сын, статный, плечистый молодой парень Мехридот.

Ш а м с у р - б о б о

Вот и пришли...
Дай бог, чтоб не напрасно
Проделали мы этот длинный путь.

М е х р и д о т

(озираясь по сторонам)

Народу-то, народу!..
Даже страшно...
Кричат, спешат... Как муравьи, кишат!..

Ш а м с у р - б о б о

А город — он и впрямь как муравейник...

М е х р и д о т

Как только люди здесь с ума не сходят?

Ш а м с у р - б о б о

Привыкнуть можно ко всему, сынок.

Мехридот

(глядя с восхищением)

Ну и дворец!

Так и блестит — как в сказке!..

Шамсур-бобо

Здесь шах живет.

Мехридот

Один — во всем дворце?
Зачем же дом ему такой громадный?

Шамсур-бобо

Э-э, ты не знаешь богачей, сынок...

Мехридот

(указывая на львов у ворот)

Гляди, какие каменные звери!
Дозволь поближе посмотреть, отец...

Шамсур-бобо

(удерживая его)

Стой, Мехридот.

Ты первый раз в столице.
Еще не знаешь — здесь народ недобрый.
Помалкивай. И осторожней будь.

(Повернувшись к остальным дехканам.)

Что ж, земляки,

садитесь, отдыхайте,—

Кто знает, сколько ждать еще придется,
Пока прошение сумеем передать.

Кому погадать?
Кому полезный совет подать?
Все, что случится за сорок лет,
Могу предсказать —
за пару монет!..

Шамсур-бобо и Мехридот смотрят в сторону дворца.

Ш а м с у р - б о б о

Вот здесь и будем шаха сторожить —
И день, и два, а может, и неделю...

М е х р и д о т

И ты уверен, что великий шах
К нам снизойдет, прошение наше примет?

Ш а м с у р - б о б о

Семь дней молились мы огню святому.
Хурмуз все милостив —
помочь нам должен,
Ведь мы за справедливостью пришли.

М е х р и д о т

Но кто такие мы?
Простые бедняки...
А шах Бахрам — властитель всей державы!

Ш а м с у р - б о б о

Он, сказывают, весь — в покойного отца:
Такой же мудрый, смелый, благородный...

М е х р и д о т

Вчера ты слышал в караван-сараяе,
О чем скиталец старый говорил?

Ш а м с у р - б о б о

О том, что болен был наш государь
Какой-то непонятною болезнью?

М е х р и д о т

Я не о том... Ты слышал ли, отец,
Кто вылечил его?

Ш а м с у р - б о б о

Сказать ты хочешь
Про эту хорезмийку — Дилярам?
Навряд ли это правда...

М е х р и д о т

Почему же?

Ш а м с у р - б о б о

Чтоб исцелять красавица могла?
Такого, сын мой, сроду не бывало...

М е х р и д о т

Но ведь рассказывал старик почтенный,
Что соловьиным пеннем своим
Она сумела исцелить владыку —
Изгнать его мучительный недуг!

Ш а м с у р - б о б о

Ты знаешь, говорить я не люблю
О том, чего не видел и не слышал.
А что она красива — нет сомнений,
Шах некрасивых в жены не берет...

Мехридот

Все говорят про эту Дилярам...
Эх, поглядеть бы хоть одним глазком
На эту удивительную пери!

Шамсур-бобо

Довольно глупости болтать, сынок...

Сопровождаемые слугами, важно и неторопливо проходят двое богатых горожан в парчовых халатах. И сразу же со всех сторон к ним бросаются бойкие, крикливые уличные торговцы — толкая друг друга, окружают обоих богачей, наперебой предлагая свои товары.

Торговцы

— Взгляните, любезный:
какая парча!
Как раз для такого, как вы, богача!..
— Дамасский кинжал...
В резьбе, в позолоте...
Такого, клянусь, нигде не найдете!..
— Платки из Кашмира...
Как пух, нежны...
Вам уступлю их за полцены!..
— Зеркальце!..
Зеркальце для красавицы!..
Самой капризной жене понравится!..
— Мазь от морщин!
Целебный бальзам!
Совсем недорого вам отдам!..

Слуги с трудом прокладывают дорогу своим хозяевам сквозь толпу сбежавшихся отовсюду торговцев.

Мехридот

(глядя вслед богачам)

Какие важные!
Ишь брюхо отрастили!..
За что судьбой богатства им даны?

Ш а м с у р-б о б о

Творец был мудр:
всех равными создал,
А дьявол разделил на бедных и богатых.

Сложив руки на груди и подобострастно кланяясь, обращается к
одному из богачей старый рыжебородый ювелир.

Ю в е л и р

Сто лет живите,
богач почтенный,
Есть у меня товарец отменный —
Индийский алмаз...
Блестит, как живой...
С большую горошину величиной!..

П о ж и л о й т о р г о в е ц

Не верьте ему,
это старый мошенник,
Жалко, почтенные, ваших денег!
Клянусь небесами,
обманет вас:
Это — стекляшка, а не алмаз!..

Ю в е л и р

Бесстыдная ложь!..

(Обернувшись к торговцу.)

Замолчи, негодяй!

Т о р г о в е ц

А ты покупателей не надуй!

Ю в е л и р

Мерзавец!.. Пошел отсюда, пошел!..

Торговец

Сейчас проучу тебя, старый козел!..

Со злобными выкриками вцепились друг в друга два старика. Их с трудом разнимают. Двое богатых горожан тем временем уходят.

Торговец и ювелир

(продолжают браниться)

- Пес шелудивый!
- Ворюга плешивый!
- Отца зарежешь ради наживы!..
- Всем о делишках твоих расскажу!..
- Убью!.. Опозорю!..
- В тюрьму посажу!..

Мехридот

(с удивлением глядя на эту сцену)

Как им не стыдно, старикам, браниться?

Шамсур-бобо

Видать, не поделили барышей...
За эти дни, сынок,
насмотришься такого,
О чем в селенье ты и знать не знал...

(Задумчиво смотрит вокруг.)

Да, вот уж двадцать лет,
как я в столице не был,
Красивей, многолюдней город стал.
Вот видишь эти две высоких башни —
Их раньше не было...

Мехридот

(указывая на проходящего негра)

Смотри, смотри, отец:
Кто это, кто? Сюда идет...

Негр проходит мимо. Юноша испуганно попятился.

Ш а м с у р-б о б о

(улыбнувшись)

Не бойся!..
Не дьявол он, тебя не съест, сынок,—
Такой же человек, как мы с тобою.

М е х р и д о т

Так почему же черный он, как ночь?

Ш а м с у р-б о б о

А он из южных стран — там все такие.

Юноша продолжает жадно разглядывать прохожих.

М е х р и д о т

А это кто?

Ш а м с у р-б о б о

Видать, купец из Рума.

М е х р и д о т

А это, это кто?

Ш а м с у р-б о б о

Факир индийский.
Таких уже случалось видеть мне,
Он все умеет:
и кинжал глотать,
И прыгать на канате... Даже змеи
Послушны пенью дудочки его.

Мехридот

Как много на земле чудес, отец!..
Пройти бы по земле — от края и до края —
Да поглядеть на мир и на людей!

Шамсур-бобо

А как же мать, твой младший брат, сестренки?
Неужто бросишь их?

Мехридот

(вздыхнув, опускает голову)

Ты прав, отец...

Внезапно на плоской кровле одной из ближайших лавочек появляется странная, зловещая фигура: одетый в грязное рубище, долговзый, тощий безумец. Дергаются его длинные, худые руки, трясется копна косматых волос, дрожит все его тощее, изможденное тело, едва прикрытое гнилыми лохмотьями. Пронзительным, горящим взглядом обводит он запруженную толпою площадь. Крики, торговля, суета сразу же прекращаются. Все взгляды обращены на святого безумца.

Голоса

- Смотрите — Рахиб!..
- Рахиб появился снова!..
- Скорее сюда!.. Услышим пророка святого!..

Рахиб

Эй, люди несчастные! Знаете вы меня?

Голоса

Знаем!.. Знаем!.. Знаем!..

Рахиб

Эй, твари презренные! Слышите вы меня?

Г о л о с а

Слышим!.. Слышим!.. Слышим!..

Р а х и б

(поднимая трясущуюся руку)

Гляньте наверх!

Видите небо? Видите солнце?

Г о л о с а

Видим!.. Видим!.. Видим!..

Р а х и б

(все громче, пронзительней)

Ничего вы, слепцы, не видите!

Ничего вы, глупцы, не знаете!..

Жалко на вас смотреть, ничтожные души!..

Торгуете да блудите,

А в небеса поглядите:

Вижу над городом меч Зардуста —

Близится суд грядущий!..

Часть народа сгрудилась возле лавочки, где стоит на кровле иступленно кричащий Рахиб. Как видно, это наиболее суеверные из горожан. Остальные держатся поодаль, с любопытством, а иные даже с насмешкой глядя на громко вопящего, машущего руками безумца

Г о л о с а

— Опять объявился этот кликуша...

— Чего его слушать...

— Оглохнут уши!..

— Гоните его!

— Только мутит народ...

— Людям спокойно жить не дает!..

Владелец лавки — старый торговец — пытается согнать Рахиба с кровли. Толпа суеверных горожан отвечает на это взрывом ярости.

Торговец

(грозя безумцу кулаком)

А ну, убирайся с крыши моей!

Толпа

- Не смей его гнать!
- Обижать не смей!..
- Он оскорбил святого провидца!
- Старый безбожник!
- Бей его! Бей!..

Замелькали кулаки, старого торговца повалили наземь... Но тем временем безумец уже успел ловко перепрыгнуть на другую кровлю, потом на третью — и толпа фанатиков хлынула вслед за ним, оставив лежащего на земле избитого в кровь старика.

Рахиб

(продолжает бесноваться)

Гляньте, несчастные!
Небо трясется!
Знаки кровавые вижу на солнце!
Плач не поможет,
Мольбы не спасут,
Близится суд — беспощадный суд!
В гневе Хурмуз!
Ожидают ваш город
Землетрясенье, усобица, голод,
Гром будет с неба,
Огненный град —
Рухнет столица в крошечный ад!..

Толпа

(с нарастающим волнением)

- Слышали?
- Знаки увидел пророк!
- Близится суд... Наступает срок...

- Эй, люди, просите!..
- Просите святого!
- Молите его, чтобы нам помог!..

Р а х и б

(в исступлении простирая руки)

Солнце — в крови!..
 В трясину обмана
 Ввергли вас полчища Ахримана:
 Ныне пришел ваш последний час...
 Все я сказал...
 Ухожу от вас!..

(И безумец делает шаг назад, широким взмахом руки словно отстраняя от себя все, что видит вокруг.)

Т о л п а

(охваченная смятением)

- Постой!..
- Не бросай нас!
- Куда ты?.. Постой!..
- Не дай нам погибнуть, провидец святой!..
- Скажи, что делать?
- Спаси наш город!..
- Смилуйся!
- Сжалесь над нашей бедой!..

Р а х и б

Горе вам, горе!
 Слепцы, нечестивцы!
 Ваша вина никогда не простится!
 Терпите вы,
 Что властитель страны
 Любится с дочерью сатаны!
 В шахском дворце поселилась блудница —
 Пьет, воровжит,
 Над жрецами глумится,—
 Требуйте, люди,

Чтоб наш государь
Выдал вам эту бесстыжую тварь!..

Т о л п а

(взбудораженная его словами)

- Он прав!
- Пусть ее только выдадут нам!..
- Хватит терпеть этот грех и срам!..
- Казнить ее надо...
- Побить камнями!..
- Смерть нечестивице Дилярам!

Безумец прыгает с крыши. Трясая и размахивая руками, призывает он за собой распаленную яростью толпу фанатиков.

Р а х и б

За мной, слепцы!
За мной, нечестивцы!
К холму священному —
В старый храм!
Огню-очистителю будем молиться,
Чтоб спасся от дьявола шах Бахрам!..

Т о л п а

(подхватывая его слова)

За нашего шаха будем молиться!
— Слава Бахраму!
Смерть блуднице!
— Да сгинет проклятая Дилярам!..

И с этими криками, торопясь и толкаясь, взбудораженная толпа устремляется вслед за безумцем в соседний проулок. Издалека еще несколько раз доносятся громкие возгласы Рахиба и его приверженцев.

Г о л о с а

- За мною! Скорее!.. В старый храм!..
- Смерть блуднице!
- Да славится шах Бахрам!..

Народу на площади заметно поубавилось. Уже не видно бойкой торговли, уже не слышны веселые выкрики продавцов. Люди стоят отдельными группами, негромко обсуждая только что разыгравшуюся сцену. Старого торговца, избитого фанатиками, уводят под руки. Встревоженно, растерянно озираются стоящие в стороне дехкане.

М е х р и д о т

(потрясенный увиденным)

Отец, да что ж это?..

Откуда столько злобы?

Ты тоже веришь этому, отец?

Ш а м с у р - б о б о

Не знаю, что сказать...

Но если это правда —

Тогда ужасных дней не миновать!

М е х р и д о т

Но ведь безумец он!.. В нем ничего святого!

Как злобный демон он — жестокий, бесноватый...

А все поверили — убить ее хотят!..

Ш а м с у р - б о б о

Молчи, когда не знаешь!..

М е х р и д о т

Нет, я знаю!..

Все это — ложь... Слепая, злая ложь!

(Задыхаясь от волнения.)

Не может быть она служанкой Ахримана —
Она чиста, отец!..

Она добрее всех...

Красивей и добрее всех на свете...

Когда бы мог и ты

глаза ее увидеть,

О ней бы то же самое сказал!..

И, внезапно опомнившись, Мехридот резко смолкает, опускает голову, словно уже раскаиваясь в этих нечаянно вырвавшихся словах... Подозрительно прищурясь, глядит на него старый отец.

Ш а м с у р-б о б о

Э-э, подожди-ка, брат...

Я что-то не пойму...

Когда и где ты мог ее увидеть?

(Начиная сердиться.)

Что опустил лицо?

А ну-ка, признавайся —

Решил немножко прихвастнуть, сынок?..

М е х р и д о т

(угрюмо потупясь)

Не спрашивай меня...

Ш а м с у р-б о б о

(все больше возмущаясь)

Солгать отцу родному!

Что ж ты молчишь, бесстыдник?

Отвечай!

М е х р и д о т

(запинаясь от смущения)

А ты... не будешь... надо мной смеяться?

Ш а м с у р-б о б о

Не буду... Говори.

М е х р и д о т

(чуть слышно)

Она... приснилась мне...

В оркестре возникает тихая, певучая мелодия.

Уснул я перед самою зарею —
С чего же сон мой светлый начался?..

С новой силой звучит в оркестре певучая, тоскующая мелодия. Юноша снова прикрывает ладонью глаза, стараясь связать ускользающие обрывки своего сновидения.. Он не видит, не замечает, что вокруг него собирается все больше людей, привлеченных его странным видом, его негромким, прерывающимся от волнения рассказом.

Г о л о с а

- О чем он говорит?
- Он вещий сон видал...
- Слыхали? Дилярам ему приснилась!..
- Приснилась Дилярам?
- Еще один безумец?
- Да нет, он на безумца не похож...

Ш а м с у р - б о б о

Не слушайте его... Он заболел в дороге..
Довольно, Мехридот!..

Г о л о с а

- Да не мешай ему!
- Пускай, пускай рассказывает дальше!..

Снова нарастает, как весенняя волна, протяжная, тоскующая, словно зовущая куда-то вдаль, плавная мелодия. И как будто подхваченный этой певучей волною, юноша порывисто шагнул вперед — теперь он стоит на самой авансцене.

М е х р и д о т

Вот!..

Вспомнил наконец!..

Была звезда...

Она спускалась с утреннего неба...

И опустилась перед нашим домом —

Туда, где на пороге я стоял...

И дивно было, что она — звезда.

А до того понятная, простая,
Как девушка из ближнего селенья,
Что в гости заглянула по пути!..
Жаль, что лица увидеть я не мог —
Она была под белым покрывалом,
И лишь глаза приветливо светились,
Как светит луч из легких облаков.
Еще я помню, — руку протянула,
И словно не рука меня коснулась,
А молодая ветка миндаля,
Когда еще бутоны не раскрылись...
Что ж было дальше?..

Музыка медленно замирает.

Плакал я?.. Не помню...

Потом ты разбудил меня, отец..
И все погасло!..

Но теперь я знаю:

Она — чиста...

Она звездой была...

А люди, люди... Злобные... слепые...
Ее бранят, срамят... убить хотят!..
Убить звезду!..

Скажите мне, скажите:

Да разве можно убивать звезду?..

И юноша обводит горящим, вопрошающим взглядом собравшихся вокруг него горожан. Но никто не успевает ответить — глухие удары барабанов, внезапно донесшиеся со стороны дворца, заставляют всех оглянуться, насторожиться. Что-то происходит возле дворца: из раскрытых ворот появляется вооруженная стража и выстраивается у подножья мраморной террасы. На фоне нарастающего гула барабанов слышатся отдельные встревоженные возгласы.

Г о л о с а

— Смотрите, смотрите...

Открылись ворота...

— А вон из ворот появился кто-то...

— Стражники вышли...

— Тише! Тише!..

— Сейчас какой-то приказ услышим!..

На высокой мраморной террасе появляются два глашатая и барабанщики. Вслед за ними, сопровождаемый несколькими придворными, важно и неторопливо выходит одетый в сверкающий золотом халат, с крупной жемчужиной на тюрбане молодой вельможа — смуглый, сухошавый, горбоносый, похожий на хищную птицу Ардашер.

Г л а ш а т а и

- Слушайте, жители нашей столицы!
Слушайте!..
— Все, кто святому огню поклоняются,
Слушайте!..
— Да славится наш падишах великий!
Слушайте волю Бахрама-владыки!
Слушайте!..

Два торговца негромко переговариваются.

Т о р г о в ц ы

- Ты помнишь Ардашера?
— Как не помнить...
— Смотри, каким он гордым, важным стал!
— А той весной атлас мой покупал —
За каждую монету торговался!..
— Подумать только: года не прошло —
И вот уже богач, любимец шаха...
— Еще бы!
Это он для государя
Красавицу хорезмскую достал!..

Снова гудят барабаны, слышатся зычные выкрики глашатаев.

Г л а ш а т а и

- Слушайте, жители нашей столицы!
Слушайте!..
— Все, кто святому огню поклоняются,
слушайте!..
— Могуч, справедлив падишах великий!
Слушайте волю Бахрама-владыки!
Слушайте!..

Барабаны смолкают. Ардашер выступает вперед.

А р д а ш е р

Внимайте все, кто слышит!
С доброй вестью
К вам обращаюсь, жители столицы:
Наш государь,
Премудрый и пресветлый,
Великой чести удостоил вас!
Да будет всем и каждому известно:
Наш государь — великий шах Бахрам —
Сегодня высочайше соизволит
Свой город достославный осмотреть.
А посему приказ строжайший дан,
Чтоб всюду был порядок образцовый,
Чтоб не было ни шуму, ни торговли,
Ни ссор, ни драк, ни прочей суеты.
А тех, кто нарушать порядок станет,
Хватать, вязать — и выдавать властям!
Благословен Хурмуз — владыка неба,
Благословен наш падишах Бахрам!

Г л а ш а т а и

Тысячу лет живи,
Наш падишах Бахрам!
Тысячу лет царствуй на радость нам!

А р д а ш е р

Слава нашему государю!

Г л а ш а т а и

Слава!.. Слава!.. Слава!..

Ардашер, придворные и глашатаи уходят. Гулко стучат барабаны. Засуетился народ на площади: торговцы поспешно убирают товары, запирают свои лавчонки. Разносчики, водоносы, нищие, городские зеваки — все спешат скрыться в соседних проулках. Чувствуется, что народ недоволен и встревожен.

Г о л о с а

— Вот вам и день базарный!..
— Зря приехал!..

- Эх, ничего продать-то не успел!..
- Зато увидим нашего владыку...
- Ты, может, в гости пригласишь его?..
- Что вздумалось ему?
- Сидел бы во дворце...
- Другого дня не мог он выбрать, что ли?
- А ну, быстрее убирай товары!
- Сейчас прогонят...
- Лавку запирай!..

Ш а м с у р-б о б о

Ну, кажется, нам повезло, друзья,—
 Пришли мы в самый раз.
 Давай сюда прошение.

Мехридот бережно достает из-за пазухи свиток.

Нам лишь бы подстеречь,
когда владыка выйдет,—
 И сразу в ноги бросимся ему.

М е х р и д о т

Наверно, стражей будет окружен...

Ш а м с у р-б о б о

Уж как-нибудь попробуем пробиться.

М е х р и д о т

Ну, силы у меня на это хватит!

Ш а м с у р-б о б о

Смотри не горячись. Все дело не испортить.

(Обращаясь к остальным дехканам.)

Молитесь всемогущему Хурмузу
 И всем небесным божествам — ахурам!

М е д н и к

Ой!.. Смилуйтесь!..

Вот лучший мой кувшин...

Понравится — возьмите!..

С а р х а с

(весело подмигивает своим воинам)

Ишь пройдоха!

Ну, ладно, помогите старику.

А эти два подноса и кувшин,

Пожалуй, от тебя приму в подарок

М е д н и к

(униженно кланяясь)

С великой радостью, мой господин...

Площадь словно вымерла. Лишь на самом краю сцены, надеясь не попасться на глаза стражникам, продолжают стоять Шамсур-бобо и его друзья. Один из воинов указывает на них Сархасу. Поигрывая плеткой, начальник стражи направляется к дехканам. Тем временем на другом конце сцены появляется старый мудрец Нугман. В простом полосатом халате он с виду похож на обычного горожанина — о его знатности можно судить лишь по длинному резному посоху, украшенному самоцветами. Стоя в стороне, почтенный Нугман молча следит за разговором Сархаса с дехканами.

С а р х а с

Эй, кто такие?

Ш а м с у р - б о б о

(с достоинством приветствует его)

Будь здоров, почтенный.

Мы — люди мирные.

Пришли в столицу

С прошеньем к государю своему.

С а р х а с

С прощением пришли?

(Нагло смеется.)

Иль думаете вы,
Что станет государь — храни его всевышний —
Прошенья ваши глупые читать?

(Грозно повышает голос.)

Вы что?

Или не знаете приказа,
Что нищим вход в столицу запрещен?

Ш а м с у р-б о б о

Помилуй, господин,— да разве мы похожи
На попрошайек жалких?

Мы — дехкане.

Ваш хлеб, и плов, и все, что вы едите,
Добыли мы для вас вот этими руками...

С а р х а с

(насмешливо)

И что ж, за это кланяться тебе?
Ступай, старик, покуда кости целы!..

Дехкане растерянно переглядываются.

Ш а м с у р-б о б о

Зачем кричишь, начальник?

Все мы знаем,

Как добр наш благородный государь —
Прошенья наше примет, вот увидишь.
И по какому праву гонишь нас?

С а р х а с

(перебивая его)

Да ты еще о праве рассуждаешь?

(Подносит к его лицу плетку.)

Вот право!.. Понял?..

Убирайся прочь!..

И, грубо схватив старика за плечо, Сархас с силой отталкивает его. Дехкане подхватывают под руки едва не упавшего наземь Шамсура. Молодой вспыльчивый Мехридот, не сдержав своего возмущения, бросается вперед.

М е х р и д о т

Не тронь отца!..

С а р х а с

(с презрительным удивлением)

Откуда ты, щенок?

М е х р и д о т

Как ты посмел ударить аксакала?..

С а р х а с

(с усмешкой обернувшись к воинам)

Слыхали?

Он учить меня собрался!..

Да знаешь ли, что сделаю с тобой?

Ш а м с у р - б о б о

Сынок, опомнись!..

Не сердись, начальник...

Он молод, глуп еще... Прости его...

Мехридот

(задыхаясь от возмущения)

Не унижайся перед ним, отец!..

Я все ему скажу...

(Шагнув к Сархасу.)

Судьба тебя накажет!
Ты злой... ты нехороший человек!..

Сархас

(насмешливо)

Злой? Нехороший?

Ты не так-то глуп.
Еще узнаешь ты, какой я нехороший...

(Небрежно указывает на него своим воинам.)

Возьмите-ка его.

Шамсур-бобо

Беги, сынок, беги!..
Убьют тебя, убьют!..

Мехридот

Еще посмотрим...

Два стражника кидаются на Мехридота, пытаются схватить его, но молодой богатырь одним движением отбрасывает их прочь.

Сархас

Ах, вот ты как?..

Шамсур-бобо

Беги, сынок, спасайся!..

С а р х а с

(остальным воинам)

Эй, все сюда!

Хватайте бунтаря!..

С двух сторон надвигаются стражники на молодого смельчака. Но в это мгновение раздается спокойный, властный голос, и старый вельможа Нугман, опираясь на свой резной посох, неторопливо приближается к Сархасу. Воины в растерянности отступают.

Н у г м а н

Не горячись, Сархас.

Оставь его в покое.

С а р х а с

Мой господин, он — вор и бунтовщик.

Н у г м а н

Ты ошибаешься.

Ни в чем не виноват он.

С а р х а с

Но вы не видели...

Н у г м а н

Я видел все, Сархас.

С а р х а с

Он первым начал спор...

Ослушался приказа...

Н у г м а н

Ступай, Сархас.

С ним сам поговорю.

С а р х а с

Не смею возражать...

Эй, воины, за мною!

(Уходя, грозит Мехридогу.)

Ну, попадись еще — узнаешь у меня!..

Раздосадованный Сархас быстрыми шагами удаляется, стражники спешат следом за ним. Дождавшись их ухода, старый мудрец поворачивается к дехканам.

Н у г м а н

Мир вам, почтенные.

Д е х к а н е

Здоров и счастлив будь!
Благодарим тебя, почтенный старец!

Ш а м с у р - б о б о

Сам всемогущий к нам тебя прислал,—
От всей души благодарим за помощь!

(Повернувшись к сыну.)

А ты чего молчишь, упрямая башка?
Чуть всех не погубил.

А ну, проси прощенья!

Н у г м а н

Не гневайся, почтенный, на него —
Он молодец, что за отца вступился.

Ш а м с у р - б о б о

Не знает жизни он...

В столице — в первый раз.
Вот и осмелился с властями спорить...

Н у г м а н

Не будем больше говорить об этом.

Скажи мне, аксакал:

вы из каких краев?

Ш а м с у р-б о б о

Пришли мы из Гиссара, господин.

Н у г м а н

Красивые места.

Я там бывал когда-то...

Ш а м с у р-б о б о

Увы, мой господин, теперь их не узнаешь:

Жестокой засухой наш край опустошен.

Н у г м а н

С каких же это пор?

Ш а м с у р-б о б о

Тому уже три года,

Как мы не видели ни капельки дождя,

Иссохли пастбища,

колодцы истощились,

Земля измученная всходов не дает.

Налог с нас требуют,

а чем платить налоги?

Рис не родится вот уж третий год,

Весною нынешней

кой-где взошла пшеница —

Так и ее пожрала саранча.

Нехорошо роптать,

когда беда — от бога,

Но горько от людей терпеть беду!

Ты — добр...

И не боюсь сказать тебе открыто:

Посланцы шахские страшнее саранчи.

Нет жалости у них —
по всем селеньям рыщут,
Как волки жадные, врываются в дома —
Последнюю козу,
последнюю лепешку,
Последние лохмотья с нас дерут!..
Вот мы и собрались,
старейшины селений,
Чтоб шаху нашему прошение написать:
Пускай хоть год иль два
не требует налогов,
Чтоб нам оправиться — несчастье пережить.
А что мы видели
за сорок дней тяжелых,
Пока в столицу шли, —
нет слов, чтоб рассказать!..
Спасаясь от беды,
места родные бросив,
По всем дорогам беженцы бредут —
С детьми, с пожитками
бредут на юг, на запад,
А сколько гибнет по пути — не счесть!..

Н у г м а н

(глубоко взволнованный)

Довольно, аксакал!..

Ш а м с у р-б о б о

(не в силах остановиться)

Давно живу на свете,
А бедствия такого не видал!..
Повсюду плач и стон,
} разор и запустенье,
Шакалы селятся в заброшенных домах,
Пируют коршуны...
В канавах придорожных
Тела непогребенные гниют!..

Н у г м а н

Довольно, аксакал!..
Нет больше силы слушать...
Дай мне прошение — попробую помочь.

Ш а м с у р-б о б о

Но ведь прошение — на имя государя...

Н у г м а н

Не беспокойся, друг.

Я сам его вручу.

(Берет у Шамсура свиток.)

Ш а м с у р-б о б о

Да будет трижды милостив всевышний
К тебе за это доброе деянье!..

Д е х к а н е

Здоров и счастлив будь!..

Ты — добрый наш заступник!

Не знаем, как тебя благодарить!..

Ш а м с у р-б о б о

Дозволь узнать, наш благодетель: кто ты?
Как звать тебя?

Н у г м а н

Ты слышишь звуки труб?

Сейчас появится наш молодой властитель.

Увидишь, как он горд и недоступен,

Какой надменной свитой окружен.

А я его еще ребенком помню —

Доверчивым, пытливым, простодушным.

Нугман-ата — меня он звал в те годы,

Я был тогда наставником его...

Снова и снова слышатся торжественные звуки труб, гулкие удары больших барабанов, возвещающих о скором появлении шаха Бахрама. Всюду чувствуется напряженное ожидание. Из соседних проулков появляются горожане, желающие увидеть великого ладишаха. Начальник стражи Сархас быстрыми шагами обходит ряды своих воинов, торопливо отдавая приказания. Часть страж-

ников становится на краю площади, сдерживая нарастающую, взволнованную толпу, остальные войны выстраиваются у подножья дворцовой террасы,

На высокую террасу неторопливо выходят жрецы с горящими факелами, зажигают священный огонь в больших каменных чашах. Слуги проворно расстилают ковры, быстро устанавливают ярко-алый, узорный балдахин над мраморной скамьей, предназначенной для властителя. Один за другим на дворцовую террасу важно и неторопливо выходят пышно разодетые вельможи, встают в ряд, замирают в почтительном поклоне, ожидая появления своего государя.

Торжественные звуки труб и барабанов становятся все громче — и внезапно обрываются. На террасе появляется шах Бахрам. Его молодое, красивое надменное лицо обрамлено короткой курчавой бородкой. Зорко и властно взирает он из-под выгнутых, словно тонкие крылья, черных бровей. На нем белый, расшитый золотом халат, по-юношески стройный стан стянут золотым кушаком, на голове высокий тюбан, украшенный алмазами и жемчугами.

Медленно проходит молодой шах вдоль длинного ряда низко склонившихся перед ним почтенных вельмож и садится под узорным балдахином, на устланную коврами мраморную скамью. Снова звучат трубы, над площадью разносятся громкие приветственные возгласы г л а ш а т а е в. «Слава! Слава!» — откликается на каждый их возглас толпа придворных.

Г л а ш а т а и

Тысячу лет живи,
Наш падишах Бахрам,—
Меч справедливости, мудрости светлый храм!

П р и д в о р н ы е

Слава! Слава! Слава!

Г л а ш а т а и

Небо храни твой трон,
Наш падишах Бахрам,—
Царствуй на радость нам и на страх врагам!

П р и д в о р н ы е

Слава! Слава! Слава!

Г л а ш а т а и

Солнцем над нами сияй,
Наш падишах Бахрам,
Милостив будь к верным своим рабам!

Придворные

Слава! Слава! Слава!

Глашатаи

Властвуй и побеждай,
Наш падишах Бахрам,—
Мир да повержен будет к твоим стопам!

Придворные

Слава! Слава! Слава!

Смолкли приветственные возгласы. Все взоры устремлены на молодого падишаха. Задумчивым взглядом обводит Бахрам залитую ярким полуденным солнцем панораму своей столицы. Потом подает знак,— и, опережая других придворных, к нему тотчас же приближается его любимец Ардашер.

Бахрам

Какой чудесный день,
Как щедро солнце светит,
А воздух на вино душистое похож!
Как хорошо отсюда любоваться
На славный город наш,
на древнюю столицу,—
Не правда ль, Ардашер?

Ардашер

(подобострастно)

О да, мой государь,
На всей земле столицы нет красивей.

Стоя рядом с отцом на краю сцены, изумленный Мехридот не сводит глаз с блистающего роскошным нарядом, надменного молодого шаха, а затем, не утерпев, трогает своего отца за рукав.

Мехридот

(вполголоса)

Какой он молодой...

Совсем такой, как я!..

Шамсур-бобо

Кто?..

Мехридот

Падишах Бахрам...

Шамсур-бобо

(сердито)

Не говори пустого!..

Тем временем двое придворных, стоящих на краю дворцовой террасы, тоже обмениваются негромкими фразами.

1-й придворный

Сегодня государь в отменном настроенье.

2-й придворный

Хвала всевышнему, недуг его прошел...

1-й придворный

Благодаря прекрасной хорезмийке...

2-й придворный

Любовь, как видно, всех лекарств сильнее.

Бахрам

(продолжая любоваться городом)

Как много выстроил покойный мой отец
Высоких башен и прекрасных храмов!
Не худо бы и нам рабов согнать побольше
Да башню выстроить еще одну
Во славу всемогущего Хурмуза —

Стоящие на дворцовой террасе вельможи молча переглядываются: как видно, даже им, привыкшим к утонченной лести, кажутся уж слишком бесстыдными и лицемерными слова Ардашера. А два стоящих с краю придворных вполголоса обмениваются короткими, неодобрительными репликами.

1-й придворный

Ну и лиса!

2-й придворный

Увертлив, как змея.

1-й придворный

Юлит и ластится...

2-й придворный

А под конец — ужалит!

Бахрам

(снимая с себя золотую цепь)

Поди сюда, мой добрый Ардашер,
За верность, за отменное усердье
Тебя вот этой цепью награждаю,—
Служи и впредь примером для других.

Ардашер

(с наигранным восторгом)

Источник радости,
за что такая щедрость?
Достоин ли я милости такой?..

Бахрам

Достоин, Ардашер.
Ценю твои заслуги.
Ты был начальником дворцовой стражи,

Теперь тебя визирем назначаю.
Знак благосклонности моей прими.

(Надевает на визиря золотую цепь.)

А р д а ш е р

Сто лет живи, благословенный шах,
Да крепнет и цветет твоя держава!
Да ширятся и власть твоя и слава,
Да будут в прах повергнуты враги!

П р и д в о р н ы е

Сто лет живи, наш мудрый государь,
Да крепнет и цветет твоя держава!

1-й п р и д в о р н ы й

Да, вот что значит — шаху угодить...

2-й п р и д в о р н ы й

Давно ли был он скромным, незаметным?

1-й п р и д в о р н ы й

Безродный выскочка!..

2-й п р и д в о р н ы й

Теперь визирем стал...

1-й п р и д в о р н ы й

Того гляди, наместником назначат!..

Придворные окружают и наперебой поздравляют шахского любимца.

Ш а м с у р - б о б о

Смотри, сынок:

одна такая цепь

Дороже сотни наших урожаев.

Как можешь допустить,
чтоб скопища бродяг
На твой алмаз сверкающий глазели?

(Указывает на площадь.)

Сам погляди, мой шах:
вон сколько их толпится—
Бесстыдных оборванцев и зевак!
Не лучше ль было б, государь...

Бахрам

(нетерпеливо)

Довольно!
Мне дела нет до этой глупой черни.
Ты слышал мой приказ?
Ступай и передай,
Что я прошу ее пожаловать немедленно.
Ступай же.

Ардашер

Слушаю и повинуюсь.

(Склоняется перед шахом, уходит.)

Стоящие на краю сцены дехкане продолжают напряженно следить за происходящим на дворцовой террасе. Взволнованный Мехридот снова дергает отца за рукав.

Мехридот

Где ж покровитель наш?

Шамсур-бобо

А вон стоит в сторонке.

Мехридот

Чего ж он ждет?

Ш а м с у р - б о б о

Ему видней, сынок.

М е х р и д о т

Смотри, смотри!..

Воспользовавшись уходом Ардашера, старый седобородый Нугман отделяется от группы почтительно стоящих поодаль придворных,— опираясь на свой резной посох, он неторопливо приближается к сидящему с высокомерно-скучающим видом шаху Бахраму и медленно, с достоинством склоняется перед ним.

Н у г м а н

Приветствую тебя, наш государь.
Рад за тебя: ты снова в добром здравье.

Б а х р а м

А, это ты, почтеннейший Нугман?
Я что-то много дней тебя не видел.

Н у г м а н

Стар становлюсь.
Блеск твоего двора,
Пиры да праздники мне больше не под силу.

Б а х р а м

Есть просьба у тебя?

Н у г м а н

Да, государь.
Но, как всегда, не за себя прошу,
А ради блага твоего народа.

Б а х р а м

Похвально...
В чем же дело? Говори.

Ш а м с у р - б о б о

Здоров и счастлив будь,
наш государь великий,
Хурмуз да бережет тебя и твой престол,—
От наших земляков
из кишлаков далеких
Земной поклон тебе передаем.
Мы — люди мелкие,
простые земледельцы,
Красиво не умеем говорить,
Но к правде наших слов
прислушайся, владыка,
О наших горьких бедствиях узнай.
Был щедрым до сих пор
наш благодатный край,
Все подати усердно мы платили,
А ныне засуха —
уже три года кряду,
Оголодали, обнищали мы.
Вели хоть год иль два
с нас не взимать налогов,
Отдай приказ, великий государь,—
Иначе вымрет люд,
поля пустыней станут
И будет весь наш край опустошен!..

С надменным, скучающим видом слушает молодой шах взволнованные слова старого дехканина. Он рассеянно рассматривает свои драгоценные перстни и почти не удостоивает взглядом горячо обращающегося к нему Шамсура. Как видно, он считает ниже своего шахского достоинства вступать в разговор с простым дехканином. И когда Шамсур-бобо смолкает в ожидании ответа, шах небрежным движением подзывает к себе своего старого наставника Нугмана.

Б а х р а м

О чем он просит? Так и не пойму...

Н у г м а н

(протягивая шаху свиток)

Вот их смиренное прошение, государь.
Благоволи прочесть.

Твой долг священный —
Помочь несчастным поданным своим.

Шах небрежно разворачивает свиток.

Б а х р а м

Ох, до чего же длинное посланье —
Терпения не хватит прочитать...
Скажи мне лучше на словах, Нугман,
Да только постарайся покороче.

(Возвращает свиток Нугману.)

Н у г м а н

Неурожай их край опустошил,
И просят добрые твои дехкане
Налоги отменить —
Хотя бы на год, на два —
Чтоб край от голода и гибели спасти.

Б а х р а м

(с презрительным удивлением)

Налоги отменить?..
Не хочешь ли сказать,
Что и свою казну я сам считать обязан?
А для чего мои визири, казначей
И в каждой области —

наместники мои?

Пусть разбирают жалобы и просьбы,
Налоги назначают — им видней.

А дело шахское —

сражаться, побеждать,

Границы расширять,

Народы покорять,
Во прах повергнуть недугов упрямых —
Великие деянья совершать!

Н у г м а н

Но, государь...

Б а х р а м

(нетерпеливо)

Я знаю, что ты скажешь —
Опять начнешь корить да поучать!..
Всю жизнь ты покровительствовал бедным,
За это в рай, конечно, попадешь.
Лишь одного боюсь:
Коль встретимся в раю,
Меня и там ты поучать захочешь,—
Не так ли, мой наставник дорогой?

(С усмешкой похлопывает по плечу Нугмана.)

Скажи дехканам:
Пусть уходят с миром,
Я прикажу в их просьбе разобраться
И — так и быть — беднякам помогу.

Н у г м а н

(склоняясь)

Благодарю за мудрое решение.

Б а х р а м

Еще им передай:
В знак милости моей
Дарю каждому по золотой монете.

Бахрам, не глядя, протягивает ладонь. Один из придворных, поспешно подбежав, высыпает ему на ладонь несколько золотых монет, и надменный шах небрежным движением кидает эти монеты вниз — стоящим у подножья террасы дехканам.

Молодые дехкане бросаются подбирать монеты, а старый Шамсур снова воздевает руки, чтобы воздать благодарность повелителю.

Ш а м с у р - б о б о

(взволнованно)

Будь славен, государь,
 премудрый и могучий,
Ты спас от гибели и разоренья нас!
И мы, смиренные,
 и наши дети, внуки
Всю жизнь молиться будем за тебя!..

Б а х р а м

(Нугману)

Скажи, чтоб убирались наконец!..

Держа в руке свиток с прошением, Нугман подает знак дехканам, чтобы те поскорей отошли в сторону. Низко склонясь, дехкане снова отступают на край сцены.

Тем временем на террасе появляется Ардашер; острым взглядом окидывает он толпу придворных, стараясь понять, что произошло за время его отсутствия, а затем приближается к шаху Бахраму.

А р д а ш е р

Твое желание исполнено, владыка.
Звезда Хорезма явится сейчас.

Б а х р а м

Отлично!

 Очень кстати ты вернулся --
Возьми вот этот свиток у Нугмана
И мне свое решенье доложи.

Н у г м а н

Прости, мой государь,
 прошенье я отдам
Кому угодно, но не Ардашеру.

Среди придворных — взволнованное движение.

Б а х р а м

Но почему, Нугман?

С сегодняшнего дня
Его своим визирем я назначил.

Н у г м а н

Есть у тебя, мой шах,

и три других визиря.
Они и опытней, и старше, и мудрее —
Уж лучше им прошение передай.

Б а х р а м

(слегка повышая голос)

Ты что, почтенный?

Признавать не хочешь
Вернейшего из верных слуг моих?

А р д а ш е р

(опережая ответ Нугмана)

Дозволь узнать, мой шах: о чем прошение?

Б а х р а м

Налог дехкане просят отменить.

А р д а ш е р

Да разве можно отменять налоги?
Так может скоро опустеть казна.

Н у г м а н

А разве можно тех, кто кормит всю державу,
На голод и на гибель обрекать?

Затаив дыхание, следят придворные за разгорающимся спором. С волнением смотрят на дворцовую террасу и стоящие поодаль дехкане.

Мехридот

Что происходит там?

Шамсур-бобо

И сам я не пойму...

Мехридот

Какой-то спор...

Шамсур-бобо

Чему же удивляться —

Бывают споры и у богачей...

Нугман и Ардашер продолжают горячо убеждать шаха.

Ардашер

Не слушай, государы!

Почтенный твой наставник

Так щедр, что разорить тебя готов!

Нугман

Народ измучен, шах!

Дай людям передышку —

Иначе вспыхнут смута и мятеж!

Ардашер

Народ держать в узде железной надо —

Строптивому скоту ярмо и плеть нужны.

Нугман

Народ в отчаянье от бедствий и нужды —

Хотя бы на год отмени налоги!..

Бахрам

(топнув ногой)

Довольно!..

Прекратите этот спор!

(Ардашеру.)

Возьми прощение — и поступай, как знаешь.
Об этом больше слышать не хочу!

Ардашер протягивает руку, чтобы взять свиток, но почтенный Нугман, не сдержав своего возмущения, отталкивает его.

Нугман

Прочь от меня!..

Ардашер

Ты слышал приказанье?

Давай сюда!..

(Вырывает свиток из рук Нугмана.)

Нугман

(с нарастающим гневом)

Да как тебе не стыдно!
Коварный, наглый, жадный негодяй!..
Отдай, отдай сейчас же!..

(Гроза поднятым посохом, надвигается на Ардашера.)

Бахрам

(резко поднимаясь с места)

Прекратите!

Все вокруг застывают в напряженном молчании.

А р д а ш е р

Мой шах... За что меня он оскорбил?..

Мрачно сдвинув брови, смотрит молодой шах на старого непокорного Нугмана.

Б а х р а м

(медленно, с затаенной угрозой)

Я с детства уважал тебя, Нугман,
Ты был моим учителем когда-то,
Ты первым был, кто предо мной раскрыл
Святой Авесты мудрые страницы,—
Вот почему так долго я терпел
Твое упрямство, дерзость, вольнодумство,
Но чаша переполнилась сегодня —
Конец пришел терпенью моему.

Н у г м а н

(глухо)

Опомнись, государь...

Б а х р а м

(грозно повышая голос)

Ни слова больше —
Сегодня все границы преступил ты!
Лишь знатный род да прежние заслуги
Тебя еще спасают от беды.
Но если ты грозу навлечь не хочешь
На голову безумную свою,
Не появляйся во дворце отныне,
Не попадайся больше на глаза!..

Опустив седую голову, слушает почтенный Нугман холодные, жесткие слова молодого шаха. Словно только теперь осознал старик всю тщетность своих благородных, но безуспешных усилий. Глубокой горечью и печалью проникнуты его прощальные фразы.

Н у г м а н

Я уйду... Прощай...

Будь счастлив, шах Бахрам...

Теперь меня ты долго не увидишь.

Но знай: в жестокий час

не раз меня припомнишь

И убедишься в правде слов моих.

О, если б с нами был

великий твой отец,

Тогда бы многих бедствий не случилось!..

Прощай... Еще поймешь,

кто прав, а кто неправ,—

Боюсь, что это слишком поздно будет!..

(Старик поворачивается, чтобы уйти, но внезапно, снова обернувшись к шаху, громко, со слезами в голосе восклицает.)

И помни, шах Бахрам:

тебя всегда любил я,

Да и сейчас ты мне дороже сына!..

Тебе еще, быть может, пригожусь...

Сгорбась, тяжело опираясь на длинный посох, почтенный Нугман медленно удаляется. Все глядят ему вслед. Тягостное молчание. Бахрам стоит, угрюмо понурясь, как видно, уже раскаиваясь в своем бессердечии. Выждав несколько мгновений, Ардашер подходит к повелителю,— между ними происходит короткий, негромкий разговор.

А р д а ш е р

Напрасно, государь, о нем жалеешь.

Б а х р а м

Я так его любил в былые дни!..

А р д а ш е р

Однако он — опасный вольнодумец...

Бахрам

Он слишком стар, чтобы опасным быть.

Ардашер

Но может укусить и старая змея.

Бахрам

(взглянув на него)

Ты думаешь?

Ардашер

Мне вот что рассказали...

(Наклоняется к шаху, что-то шепчет ему.)

Бахрам

Не может быть!

Ардашер

Я знаю очевидцев...

Бахрам

Следи за ним и дальше, Ардашер.

Тем временем короткий разговор происходит и между дехканами, продолжающими стоять в ожидании на краю сцены, с надеждой и беспокойством следя за всем, что происходит на дворцовой террасе.

Шамсур-бобо

Что там? Взгляни, сынок,— глаза твои моложе...

Мехридот

Заступник наш ушел...

Шамсур-бобо

И взял с собой прошение?

Мехридот

Другому, кажется, наш свиток передал.

Шамсур-бобо

Теперь, наверное, ответ узнаем скоро...

Мехридот

(с внезапным волнением)

Смотри, смотри, отец!..

В оркестре возникает ясная, певучая лирическая мелодия, предвещающая появление прекрасной Дилярам. Придворные заволновались, расступились, почтительно склонились в ожидании шахской любимицы. Сопровождаемая тремя служанками, закутанная в легкое, длинное белое покрывало, на дворцовую террасу плавно и неторопливо выходит Дилярам. Ее строгая, стройная, белоснежная фигура резко выделяется на фоне пышной пестроты придворных одежд.

Бахрам

(с радостной улыбкой)

А, наконец-то!

(Протянув руки, идет ей навстречу.)

Приветствую тебя,

волшебница моя,—

Как славно, что прийти ты согласилась!

В такой чудесный день —

и ясный, и нежаркий.

Тебе задумал я столицу показать.

Взгляни, душа моя:

Старинный город наш

Отсюда виден весь, как на ладони.

Не скрою от тебя:

горжусь столицей нашей —

Хочу, чтоб и тебе понравилась она...

Сняющий от радости Бахрам бережно усаживает на устланную коврами мраморную скамью свою стройную, будто хрупкий цветок,

возлюбленную. Три служанки становятся за ее спиной: две из них плавно взмахивают павлиньими опахалами на длинных позолоченных ручках, а третья держит сверкающий серебрянными струнами и самоцветами драгоценный чанг.

Сев рядом с Дилярам, молодой шах начинает указывать своей любимице на виднеющиеся вдали башни и храмы, то и дело наклоняясь к ней — что-то рассказывая и объясняя. А тем временем Дилярам сидит молчаливо и неподвижно, словно прекрасная, загадочная белая статуя. Лицо ее по-прежнему скрыто легким покрывалом.

Мехридот

(восхищенно глядя на нее)

Какая стройная!..

Как тополь молодой!..

Нет, как тюльпан!.. Еще нежней тюльпана!..

Шамсур-бобо

Неужто правда, что она — колдунья?

Не верится!..

Уж слишком хороша.

Мехридот

Как жаль, что покрывало на лице!..

Ах, если б хоть на миг

лицо ее увидеть!

Шамсур-бобо

Помалкивай, сынок. Будь осторожней.

Стой здесь!

И ни на шаг не отходи!..

Тем временем толпа взволнованных любопытством горожан, желая взглянуть поближе на новую любимицу шаха, начинает напирать, подвигается все ближе к дворцовой террасе. Шахской страже все труднее сдерживать напор возбужденной, бурлящей толпы.

Голоса

— Пустите!..

— Э, пропустите нас!..

— Дайте взглянуть на нее хоть раз!..

- Ишь ты какая райская птица —
Даже не смотрит на нас, гордится!..
- Ну-ка, красавица, сбрось покрывало —
Чем ты владыку околдовала?..
- Эй, покажись перед всеми людьми!
- А ну, не гордись!
- Покрывало сними!..

Внезапно доносится хриплый, истощный крик, — люди резко оборачиваются: на краю площади, вынырнув из густой толпы, стоит в развевающихся лохмотьях костлявый, косматый безумец.

Р а х и б

(указывая на Дилярам)

Эй, люди!.. Смотрите, люди!..
Вот она — тварь богомерзкая!
В чертоги к великому шаху
Сумела пробраться, дерзкая!
Под белым ее покрывалом
Клеймо сатанинское вижу я...
Чего же вы ждете, несчастные?
Бейте колдунью бесстыжую!..

Г о л о с а

- Он прав!.. А ну-ка скорей!
Берите побольше камней...
- Нечего, нечего ждать —
Надо покончить с ней!..
- Обманут наш государь...
- Бейте проклятую тварь!..
- Скорей, пока не ушла!.. Смелей!..
- Бей нечестивицу! Бей!..

Возбужденная, яростная толпа хлынула к подножью дворцовой террасы. В руках у многих — камни. Стража с трудом сдерживает толпу. Среди стоящих на террасе придворных заметно волнение — они переглядываются, негромко, встревоженно переговариваются. Одна только Дилярам сидит по-прежнему спокойно и неподвижно, словно ее слуха не достигают громкие возгласы возбужденной толпы.

Б а х р а м

Что там за шум?
Взгляни-ка, Ардашер.

Ардашер

Не обращай вниманья, государь,—
Бездельники, зеваки собрались,
Сейчас я живо их утихомирю.

Волнение на площади нарастает. Толпа вот-вот прорвет цепь стражников. Мелькают стиснутые кулаки, искаженные злобой лица.

Рахиб

(размахивая руками)

Эй, люди несчастные!
С ведьмой кончайте!
Камнями, камнями ее закидайте!
Бейте прислужницу Ахримана,
Бейте исчадь тьмы и обмана!...
Смерть дьяволице!
Во имя Зардушта —
Во имя святого пророка нашего
Бейте ее,
Колдунью проклятую,
Или в земле схороните заживо!..

Голоса

— Он прав! Он прав!
— Да сгинет колдунья!
— С нею покончить надо!..
— Камнями ее!
— Не жалейте! Бейте!
— Бейте исчадь ада!..

Сквозь шум толпы прорезается зычный голос Ардашера.

Ардашер

Назад!..
Эй, голодранцы! Наглый сброд!
Что, бунтовать?
Сейчас вам покажу!
А ну, Сархас, где храбрецы твои?

С обнаженными клинками на площадь устремляется новый отряд
воинов.

Рахиб

(обращаясь к воинам)

Братья!
Оружье вложите в ножны!..
Братья!
Не стойте у нас на пути!..
Нашего славного государя
Хотим от гибели мы спасти!
Дайте дорогу!
Нам не мешайте —
С дерзкой колдуньей покончить дайте!
Не будьте пособниками сатаны —
Вы нас пропустить должны!

Голоса

— Эй, пропустите нас!..
— Пропустите!
— Колдунью от нас убереечь хотите?
— Дайте расправиться с ней!
— Бей нечестивицу, бей!..
— Бей!..

Сархас

(пытаясь перекричать толпу)

Молчать, бунтовщики!..

(Повернувшись к воинам.)

Живей!

Очистить площадь!

Гоните эту рвань, рубите беспощадно,
А всех зачинщиков — живьем хватать!

Повинуясь его приказу, мрачные воины в боевых доспехах надвигаются на взбудораженную толпу горожан. Сверкнули обнаженные клинки... Слышатся крики ярости и смятения... Вот-вот прольется кровь... Но в это мгновение над площадью внезапно разносится

звонкий женский голос — все невольно оборачиваются, застыв от удивления. Это красавица Дилярам, быстрым движением откинув белое покрывало, поднялась с места, шагнула вперед, протянула руку, призывая толпу к спокойствию и молчанию. С изумлением и восторгом смотрят люди на неподвижно стоящую у края террасы Дилярам — на ее стройный, пленительный облик, на ее нежное лицо, ослепляющее свежестью и красотой.

Д и л я р а м

(протянув руку над толпой)

Стойте!..

(Обернувшись к служанкам.)

Подайте, милые, мой звонкий чанг —
Хоть раз желаю спеть всему народу.

Взяв в руки чанг, Дилярам легким движением касается чутких струн — в воцарившейся тишине плавно разносится и тает в ясном воздухе первое хрустально-чистое созвучие. Толпа на мгновение зашевелилась, сдвинулась — и снова застыла в замороженном молчании. Снова и снова, подобно весенним волнам, набегают, разливаются и тают певучие созвучья, и вот, наконец, начинает звучать плавный, чарующий, словно льющийся прямо в душу голос юной красавицы.

Д и л я р а м

(поет)

Снова сердце томится,
 снова к дальнему счастью стремится,
Приходи, чаровница, —
 пробуди нас от горького сна!
Ароматами вея,
 по нагорьям тюльпанами рдея,
Приходи к нам скорее,
 о владычица мира — Весна!
Приходи, всеблагая,
 водопады цветов низвергая,
Из волшебного края
 к нам явись, молода и нежна,
Сделай жизнь полноводней,
 а сердца — горячей и свободней,

Приходи к нам сегодня,
о владычица мира — Весна!
Свежей радостью брызни
на просторы безрадостной жизни,
О небесной отчизне
ты забыть хоть на время должна,—
День приветствуя песней,
на земле нашей брэнной воскресни,
Всех чудес ты чудесней,
о владычица мира — Весна!

На несколько мгновений смолкает голос Дилярам, но ее тонкие пальцы продолжают перебирать звенящие струны. Затаив дыхание, стоит замороженная толпа. На фоне переливчатого пения струн слышатся только отдельные взволнованные реплики — то стоящего на авансцене восхищенного Мехридота, то отступившего на дальний край дворцовой террасы угрюмого, снедаемого недобрыми мыслями Ардашера.

М е х р и д о т

(восторженно обращаясь к Дилярам)

Да что же ты умолкла?..
Продолжай!..
О продолжай, звезда моя... Ты слышишь?
Хочу мой сон увидеть до конца!..

А р д а ш е р

О господи, за что ж такая пытка!..
Проклятая, когда ж ты замолчишь —
Когда меня терзать ты перестанешь?

Д и л я р а м

(продолжает петь)

То не блещут рубины —
запестрели цветами долины,
Слышен клич журавлиный,
вся природа от счастья пьяна.
Долго сердце томилось,
но пришла долгожданная милость:
Снова к нам ты явилась,
о владычица мира — Весна!

То не звон ожерелий —
 донеслись соловьиные трели,
И пастушьей свирели
 тихо вторит речная волна,—
Так пускай эти звуки
 нас утешат в тоске и разлуке,
Исцели наши муки,
 о владычица мира — Весна!
Снова в рощах зеленых
 слышен трепетный шепот влюбленных,
А для всех разлученных
 к новой встрече дорога ясна...
Животворною силой
 ты пустыню сердец оросила,
Счастье в нас воскресила,
 о владычица мира — Весна!

Опять на несколько мгновений смолкает голос Дилярам, лишь продолжают звенеть чуткие струны. Толпа хранит молчание — многие закрыли лицо руками, некоторые беззвучно плачут.

М е х р и д о т

(в полном самозабвении)

Весна... Весна... И на земле, и в небе!..
А ты — сверкай... Сверкай, звезда живая,—
Не торопись вернуться в небеса!..

А р д а ш е р

(исподлобья глядя на нее)

Всех задурманила!..
 Но я не сдамся...
Еще меня узнаешь ты, певунья,
Еще тобой сумею завладеть!..

Д и л я р а м

(продолжает петь)

Приходи, чаровница,—
 и пускай нашей жизни темница

Во дворец превратится,
 где несметная блещет казна,
 Даже сумрак гнетущий
 станет райскою кущей цветущей
 Ибо ты — всемогуша,
 о владычица мира — Весна!
 Разорви на рассвете
 наших судеб жестокие сети,
 Мы — как слабые дети,
 ты, как добрая мать, нам нужна!
 Дай надежде и вере
 стать сильнее, чем любые потери,
 Отвори наши двери,
 о владычица мира — Весна!
 В эти дни очищенья
 исцели нас от злобы и мщенья,
 Доброты и прощенья
 золотые рассыпь семена —
 И на долгие годы
 огради нас от зла и невзгоды,
 О царица природы,
 о владычица мира — Весна!

Плавно стихают, словно растворяясь в ясном весеннем воздухе, переливчатые звуки струн, смолкает чарующий голос Дилярам... Все вокруг — и собравшиеся на дворцовой террасе придворные, и сгрудившиеся на площади горожане — продолжают неподвижно стоять, словно заколдованные. Многие по-прежнему застыли, закрыв лицо руками, тихо плачут, другие восторженно глядят на Дилярам. Тем временем служанки снова закутывают свою госпожу в белоснежное покрывало. Радостно улыбаясь, молодой падишах приближается к своей возлюбленной.

Б а х р а м

Благодарю тебя, чудесница моя, —
 Еще так сладостно ни разу ты не пела!
 Ты в край заоблачный,
 где нет тревог земных,
 Перенесла взволнованную душу.
 Теперь я чувствую:
 Своим волшебным пеньем
 Навек изгнала ты
 жестокий мой недуг, —
 За твой чудесный дар,
 За радость исцеленья,

Торговец

А я отца покойного увидел:
Стоял он — улыбался, как живой...

Два старых странника взволнованно переговариваются.

Первой

Немало мест святых мы обошли,
А не сподобились такого чуда, правда?

Второй

Велик и всемогущ владыка жизни —
Необъяснимые творит он чудеса!..

Шамсур-бобо

(встревоженно озираясь)

А где же Мехридог?
Не видел кто-нибудь?
Куда же он исчез, не понимаю..

Из густой толпы снова вырывается все тот же косматый, костлявый, трясущийся в своих грязных лохмотьях безумец и с истощенным воплем повергается к подножью дворцовой террасы, с плачем целует ступени, воздевает к небу худые, дрожащие руки.

Рахиб

(в исступленном раскаянье)

Смилуйся, дева небесная!
Смилуйся!
Червь я ничтожный перед тобою!..
Каюсь я, каюсь,
слепой нечестивец —
Смел я глумиться над силой святою!..

(Обернувшись к толпе.)

Люди!..
Сиянье над нею я видел —

Солнечных духов небесные рати!..
Видел над нею светлые крылья...
Слышите, братья?

Верите, братья?..

Из толпы доносятся фанатичные выкрики.

Г о л о с а

- Слышим!..
- Верим!..
- Было сиянье!..
- Я тоже крылья над нею видел...
- Святая она...
- Небесная дева!..
- Недаром творит чудеса такие!..

Ш а м с у р - б о б о

(проталкиваясь сквозь толпу)

Сынок!.. Сынок!..

Эй, где ты, Мехридат?..

О господи, куда ж он подевался...

Р а х и б

(продолжает громко звать)

Смилуйся, о чудотворная,

сжался,

Нас огради от всевышнего гнева —

В светлые праздники

к нам являйся,

Не забывай нас, небесная дева!..

Пенье твоё — как источник райский,

Дух очищает,

надежды будит!

Эй, на колени!

Кайтесь и плачьте!

Кайтесь в своих прегрешеньях, люди!..

Часть толпы повергается на колени.

Г о л о с а

- Смилуйся!
- Смилуйся, райская дева!
- От нас, несчастных, не отрекайся!..
- Грешны мы, грешны...
- В пороках погрязли...
- Хотя бы по праздникам появляйся!..
- Смилуйся!
- Будь благосклонна к людям!
- Век за тебя мы молиться будем!..

Тем временем юноша Мехридот медленно поднимается по ступенькам, ведущим на дворцовую террасу. Он шагает, как во сне, не глядя по сторонам, устремив свой взор вослед удалившейся Дилярам, как будто его притягивает к ней невидимый магнит. Охваченный тревогой старый Шамсур хочет броситься к сыну, чтобы остановить, вернуть его, но стоящие возле террасы воины отталкивают старика.

Ш а м с у р - б о б о

Стой, Мехридот!.. Вернись!..

С а р х а с

(указывая на юношу)

Его я знаю!..
Он — бунтовщик... Опасный человек...
Он с нашей стражею сегодня дрался!..

А р д а ш е р

Тогда убрать его.

Ш а м с у р - б о б о

(отчаянно)

Не трогайте!.. Постоите!..
Он разум потерял!..

С а р х а с

Копьем его, копьем!

Встав на верхней ступеньке, опьяненный любовью юноша простирает руки, словно призывая вернуться исчезнувшее волшебное видение.

М е х р и д о т

Зачем... Зачем ушла ты?.. Где твой голос?
Твое лицо?..

Вернись!

Нет жизни без тебя!..

Вернись царица!..

А-а-а!..

Воин вонзает ему в спину копьё. Толпа содрогается. Смертельно раненный юноша с протяжным криком опрокидывается назад — на руки бросившихся к нему сзади воинов, которые быстро стаскивают с лестницы и кидают к подножью террасы его бездыханное тело. Старый Шамсур и его друзья-дехкане устремляются к неподвижно лежащему юноше.

Ш а м с у р - б о б о

Сынок... Сынок...

Ты слышишь?..

Что с тобой?..

(Рыдая, склоняется над мертвым Мехридотом.)

А р д а ш е р

(повернувшись к потрясенной толпе)

Чего глазете?

А ну отсюда! Живо!..

Взмахом руки Ардашер приказывает очистить площадь. Воины с копьями наперевес быстро оттесняют испуганную толпу. Площадь опустела. У подножья дворцовой террасы остается только группа дехкан, окружившая мертвого юношу. Сопровождаемый начальником стражи Ардашер подходит к ним, держа в руке скомканный свиток — их злополучное прошение. С брезгливой усмешкой смотрит он на убитого.

С а р х а с

Он еще дешево отделался, бедняга,—
Недолго мучился.

А если б жив остался,
Понюхал бы плетей,
отведал бы огня —
Сам захотел бы умереть скорее!

(Грозно надвигается на дехкан.)

Что ждете?

(Указывает на труп.)

Забирайте вашу падаль —
И вон из города!

А р д а ш е р

А тем, кто вас послал,
Скажите, чтоб не жаловались шаху,
С пустыми просьбами к нему не обращались —
Для бунтарей у нас темницы есть!

(Рвет на клочки свиток.)

Вот ваши жалобы!..

Вот ваши просьбы!..
И убирайтесь прочь, безмозглые скоты!

Старый Шамсур медленно встает, в отчаянье воздевает руки к небу.

Ш а м с у р - б о б о

О-о-о!..

Что же вы молчите, небеса?
И почему ты не померкло, солнце?..
Как терпишь ты, Хурмуз —
владыка всей вселенной?
Смотри, что люди на земле творят!..

(Надвигается на Ардашера.)

Ардашер

(растерянно)

Не слушайте его...

Пускай себе кричит...

Не слушайте... Идемте-ка отсюда!..

Ардашер и воины поспешно скрываются. Площадь начинает снова заполняться народом. Испуганные, потрясенные горожане медленно собираются вокруг Шамсура и лежащего у подножья террасы мертвого Мехридота.

В оркестре возникает и нарастает траурная музыка — на ее фоне звучит скорбный голос старого дехканина.

Шамсур-бобо

(обращаясь к горожанам)

Смотрите, люди:

Вот лежит мой сын —

Лежит,

окрасив пыль своюю чистой кровью,

Веселый богатырь,

беззлобный, как ребенок,

Сраженный подлою, предательской рукой...

Смотрите на него:

Глаза его сомкнуты —

Уже не глянуть им на светлый божий мир,

А эти крепкие,

мозолистые руки —

Уж никогда им не держать мотыгу,

Весною в борозду

ни зернышка не бросить

И не связать ни одного снопа...

А в чем он виноват?

Лишь в том, что на мгновенье

При виде редкостной, чудесной красоты

Забыл свой низкий род —

К ней сердцем потянулся,

Как к солнцу тянется

доверчивый цветок.

Да он и был цветком,

Хоть с виду груб и крепок,—

Свежа и радостна душа его была...

Откуда мог он знать,

как зол,

как вероломен

Тот мир, куда впервые он попал?

Прости меня, сынок!

Я сам всему виною;

Зачем, несчастного, тебя в столицу взял?

О гнусный скорпион,

в меня бы, старика,

Уж лучше он вонзил отравленное жало!

Прости...

Ты крепко спишь —

Ты бранный мир покинул...

А звери жадные —

губители твои —

В чертогах расписных тем временем пируют,

В бесстыдной роскоши

Проводят дни и ночи,

Пьют нашу кровь

из чаш своих чеканных,

Знать не хотят о бедствиях людских!

Зря мы надеялись,

что голос наш услышат,—

Нам лишь подачку бросили они,

Как жалким псам...

Эй, гордые владыки!

Эй, слуги дьявола,

погрязшие в пороках,—

Вот, подавитесь золотом своим!..

(Сорвав с пояса мешочек с монетами, старый Шамсур в ярости швыряет его в сторону дворца, поднимает к небу гневно стиснутые кулаки.)

Проклятье вам, надменные дворцы,

А вам, властители,

трехкратное проклятье!

Пусть рухнут небеса,

Пусть вас земля поглотит,

Пусть гром на ваши головы падет!

Ни слезы и мольбы,

ТРЕТИЙ АКТ

Оркестровая увертюра к этому акту изображает чудесное пение Дилярам, переливчатые звуки ее нежно-звенящего чанга, светлые, волшебные картины, проплывающие перед взорами тех, кто слушает ее чарующий голос. Лишь изредка в плавные волны этой прозрачной, струящейся мелодии вторгаются приглушенные, похожие на отдаленные раскаты грома, сумрачные аккорды — темные предвестия близящихся душевных бурь, роковых перемен, неотвратимой разлуки.

Занавес раздвигается, музыка медленно смолкает. На краю сцены виден вход в празднично украшенный, узорный шатер, стоящий под раскидистой сенью старой чинары. Возле шатра, в тени, сидит на расстеленном ковре Дилярам, бережно перелистывая украшенные орнаментами страницы большой старинной книги.

А дальше — посреди широкой, залитой знойным солнцем равнины — виднеются и другие пестрые, шелковые шатры, трепещут яркие флажки, развеваются конские хвосты на воткнутых в землю резных, позолоченных древках. В глубине сцены видна величавая горная гряда, синеющая в струистом мареве жаркого полдня.

Здесь, в живописных предгорьях, среди раздольных равнин, покинув свою столицу, проводят знойные летние месяцы шах Бахрам и его возлюбленная вместе со своей многочисленной свитой. Но сейчас не видно ни придворных, ни воинов, ни слуг. Дилярам задумчиво сидит одна, перед ней — раскрытая книга, и в тишине звучит ее негромкий голос: она читает вслух старинное стихотворение.

Дилярам

«О милая! Твое письмо
 полно сокровищ и красот,—
Узор его тончайших строк
 теперь в душе моей цветет.
Нет, не письмо ко мне пришло,—
 то был волшебный талисман.
Он горе в радость превратил,
 войдя в приют моих невзгод.

Свила ты нить бесценных строк,—
 передо мной и в тьме ночной
Их золотые письма
 сверкают ночи напролет.
Возлюбленная — мой алмаз,
 и драгоценен каждый знак,
Что истомившейся душе
 весть о любимой принесет.
О щедрая, в твоём письме —
 богатство всех земных царей,
Никто, никто на всей земле
 таких сокровищ не найдет.
Будь счастлива, моя душа:
 пришло желанное письмо,—
Оно от всех земных скорбей
 освобожденье нам дает!..»

(Задумчиво повторяет.)

«От всех, от всех земных скорбей
 освобожденье нам дает!..»

(После короткого молчания.)

Какие мудрые, чудесные стихи —
На музыку их надо положить бы...

Пока Дилярам декламирует стихи, возле шатра появляется ее любимая служанка Назира, несущая на плече кувшин с водой. Поставив кувшин на землю, Назира некоторое время молча стоит в стороне, не осмеливаясь прервать чтение своей госпожи. Лишь теперь она подходит ближе и приветливо обращается к Дилярам.

На з и р а

Не хватит ли читать вам, госпожа?
Глаза устанут!

Ди ля ра м

Если бы ты знала,
Какую радость дарит эта книга!

Назира

Не знаю, что за радость, госпожа,
Читать весь день.

Сходили бы со мною
Хоть к берегу ручья,
немного прогулялись,—
Кругом такие чудные места...

Длярам

А ты послушай лучше, Назира,
Хотя бы пару строк из этой книги.
Вот, например...

(Листает страницы, читает.)

«Настал закат моей любви,
всем радостям конец,
Теперь любая ночь — палач,
любое утро — лжец!..»
Что, нравится?

Назира

Кто это написал?

Длярам

Великий человек — философ и поэт,
Скончался он сто лет тому назад,
Пока был жив, никто о нем не знал,—
Жил одиноко он:

ютясь в убогой келье,
Писал о жизни, смерти и любви
И умер в нищете.

А ныне весь Восток
Его творения читает, как молитвы.

(Задумчиво повторяет.)

Великий человек...

Назира

(насмешливо)

Великий, говорите?

(Указывая на книгу.)

Всю жизнь, наверное, над этим спину гнул,
Да и на гроб себе не заработал.

Диларам

(строго)

Ты не шути.

Он из певучих строк
Себе воздвиг нетленное надгробье,—
Разрушатся гробницы падишахов,
А труд его святой
хранить потомки будут,
Пока поэзия на свете не умрет.
Какая музыка живет в его стихах,
Какая мудрость в них!

Любая эта строчка
Переливается, как грани самоцветов,
Ты только вслушайся —
тогда сама поймешь.

(Снова декламирует.)

«В любви то верующий я,
то дерзкий еретик,
Ведь для меня — один закон:
твой лучезарный лик!..»

Назира

(всплеснув руками)

Еще и еретик он был к тому же!

Как рады вы желанной встрече с ним...

(С лукавой улыбкой наклоняется к госпоже.)

Мужчинам нравится, когда им угождают!

Д и л я р а м

(резко встает)

Я угождать ему не собираюсь,
Нарядами не стану завлекать,—
Когда сильна любовь,

когда чиста, как пламя,
Ей женские уловки не нужны!

(Продолжает все взволнованней.)

Запомни, Назира:

Пока меня он любит —

Дышу и радуюсь,

на божий мир люблюсь,

А если... если он ко мне остынет...

Нет, даже говорить об этом не желаю —

Жить без него не стану все равно!..

Ты знаешь, Назира,

о чем владыку неба

В своих молитвах каждый день прошу?

Всего лишь об одном:

с любимым умереть

В один и тот же час — в одно мгновенье,

Чтоб даже смерть не разлучила нас.

Н а з и р а

(испуганно прерывает ее)

Молчите, госпожа!

О смерти говорить —

Несчастье раньше времени накликают!

Прошу, молчите...

Ради всех святых!

Д и л я р а м

(ласково обнимая ее)

Ну что ты, глупая...

Ну что ты испугалась?

Я просто пошутила — вот и все...

Н а з и р а

(сквозь слезы)

Не надо так шутить...

Д и л я р а м

Ты до сих пор дрожишь.

Прости... Тебя пугать я не хотела...

Ах, сердце верное,

сестрица ты моя,—

Как за меня душа твоя трепещет!

Ну, полно, успокойся... Не сердись...

Быстрыми шагами входит начальник стражи Сархас — грузный, рыжебородый и, как всегда, с плеткой в руке. Не замечая Дилярам и ее служанки, сидящих у подножья старой чинары, Сархас зычным голосом окликает кого-то и сердито машет рукой, глядя в сторону дальних шатров.

С а р х а с

(кричит)

Эй, кто такие?..

Прочь отсюда, прочь!..

Ослепли, что ли?

Это — шахский стан!

А ну, проваливайте побыстрее!..

Д и л я р а м

Что происходит там?

Узнай-ка, Назира...

С а р х а с

(продолжает кричать)

Вы что, не слышали?..

Живее! Убирайтесь!

Сейчас вам покажу...

(Обернувшись.)

Эй, стража, стража!

Быстро вбегают двое воинов.

Н а з и р а

Чего кричишь, Сархас?

С а р х а с

А ты сама не видишь?

Бродяги нищие откуда-то взялись...

Не могут, что ли, стороной пройти?

(Обращаясь к воинам.)

Гоните их отсюда!..

Н а з и р а

Подожди-ка!..

Я вижу не бродяг — паломников святых.

Нельзя их обижать...

С а р х а с

(презрительно)

Подумаешь, святые —

Повсюду шляются да милостыню клячат...

Не лезь-ка лучше не в свои дела!..

Накинув на голову легкое белое покрывало, Дилярам быстро подходит.

Д и л я р а м

Пришли паломники?

Нельзя их гнать, Сархас.
Наш долг — им оказать гостеприимство.

С а р х а с

Простите, госпожа,— зачем вам этот сброд?

Д и л я р а м

Кто странника отверг, того отвергнут боги.

С а р х а с

А у меня приказ — чужих не пропускать.
Вот-вот вернуться должен повелитель,
И не хочу, чтоб мне за них попало.

(Снова поворачивается к воинам.)

Ну что ж вы медлите?

Гоните их!..

Д и л я р а м

(гневно топнув ногой)

Не смейте!..

Воины останавливаются в растерянности.

Знай, нечестивец:

если ты не хочешь,
Чтоб и тебя сегодня же прогнали,
Оставь в покое странников,— понятно?
И уходите!

Сгиньте с глаз моих!..

*(Пылая возмущением, стоит тоненькая, хрупкая
Дилярам перед грубыми, могучими,
мрачными воинами.)*

Д и л я р а м

Мир вам, почтенные!

Далеко ли идете?

П а л о м н и к и

- Храни тебя всевышний, госпожа!..
- Из разных мест идем...
- А путь у нас один...
- Хотим священному Азару поклониться!..

Д и л я р а м

Желаю от души счастливого пути.

П а л о м н и к и

- Спасибо, молодая госпожа!..
- Благодарим тебя на добром слове...
- Пошли тебе судьба и счастья, и здоровья!..

Д и л я р а м

Честь окажите нам — останьтесь на ночлег.

Один из старых паломников выступает вперед.

П а л о м н и к

Спасибо, госпожа,

но нам нельзя остаться,—

В пути далеком дорог каждый час,

Должны мы к вечеру дойти до переправы.

Н у г м а н

А мне дозволю остаться, дочь моя,—

Старик я — до Азара не добратся,

Достиг я цели своего пути.

Д и л я р а м

(приветливо)

Тебе мы будем рады, гость почтенный.

Тем временем на другом конце сцены появляются Амрита и Наима со своими служанками. Перешептываясь и посмеиваясь, они с презрительным любопытством разглядывают паломников, с нескрываемой насмешкой слушают их разговор с Дилярам.

Н а и м а

Какая набожность у этой хорезмийки!

А м р и т а

Мерзавка хитрая!.. Желает в рай попасть...

Н а и м а

Да ей и здесь живется, как в раю...

А м р и т а

Ну, этот рай мы ей еще испортим!..

Н у г м а н

(обращаясь к паломникам)

Спасибо вам, попутчики мои,—
Двенадцать дней мы вместе провели,
Как братья кровные, душой сроднились,
Печально с вами расставаться мне.
Как был бы рад я этот путь продолжить,
Чтоб древнему Азару поклониться —
Узреть его прославленный алтарь,
Где сам Зардушт — великий прозорливец —
Огонь священный в первый раз зажег!..
Но стар я, стар... Боюсь, не хватит сил...
Прощайте, братья!

Да хранит вас небо!

А мне судьба остаться здесь велит.

П а л о м н и к и

- Здоров и счастлив будь, почтенный брат!
- Благодарим за мудрые беседы!
- Прощай, Нугман-ата...
- Тебя мы помнить будем...
- Даст бог, увидимся—не здесь, так в небесах!..

Н у г м а н

(рассчитывается с носильщиками)

Благодарю и вас, усердные друзья.
Вот вам за труд.

Домой ступайте с миром.

(Снова поворачивается к паломникам.)

Счастливый путь вам, братья дорогие!

Д и л я р а м

Счастливый путь вам ко святым местам!

П а л о м н и к и

- Прощай, Нугман-ата!
- Прощай, наш мудрый брат!..
- Спасибо, сестры добрые! Прощайте!..

Паломники и носильщики с паланкином уходят. Остальные молча смотрят им вслед. Внезапно Дияраму порывистым движением снимает золотые браслеты и протягивает их своей служанке.

Д и л я р а м

Возьми-ка, милая,—

скитальцев догони

Да передай им от меня подарок.

Н а з и р а

(с изумлением)

Но это ж золото!..

Д и л я р а м

Тем лучше, Назира:
Пускай и золото добру послужит.

Н а з и р а

Браслеты эти шах вам подарил..
Что скажете ему?..

Д и л я р а м

Прошу, не спорь со мною.
Беги, беги скорей — иначе не догонишь.
И тотчас же назад!..

Н а з и р а

Я мигом, госпожа!..

(Прижав к груди браслеты, убегает.)

А м р и т а

(наклонясь к подруге, вполголоса)

С ума она сошла!..

Н а и м а

Подарок падишаха
Каким-то грязным нищим отдала!..

А м р и т а

Девчонка наглая!

Н а и м а

Как терпит государь?

А м р и т а

Вернется — обо всем ему расскажем.

Н у г м а н

Спасибо, госпожа...

Д и л я р а м

А я-то хороша —
За странника простого приняла вас!..
Садитесь, аксакал...

Вы — наш почтенный гость.
А государь вот-вот вернуться должен...

Вбегает запыхавшаяся Н а з и р а.

Н а з и р а

Ох, еле догнала!..

Д и л я р а м

Передала? Успела?

Н а з и р а

Уж как они благодарили вас!..

Д и л я р а м

Взгляни-ка, Назира:
ты знаешь, кто наш гость?
Нугман-ата, наставник падишаха.

Н а з и р а

Да неужели?..

Д и л я р а м

Ты подумай только,
Как будет рад наш добрый государь!

Издалека доносится звук охотничьего рога.

Вы слышите, отец?

Вдали рога трубят —
Владыка возвращается с охоты,
Вот удивится он!..

Н у г м а н

Ты — добрая душа,
И все ж... и все ж ты многого не знаешь:
Навряд ли будет рад твой повелитель
Нежданному прибытию моему.

Д и л я р а м

Не будет рад?..

Я вас не понимаю...

Н у г м а н

Как видно, ты не знаешь, Дилярам:
В тот самый день,
когда ты людям пела,
Бахрамом был я изгнан из дворца.

Снова слышатся звуки охотничьих рогов.

Д и л я р а м

(пораженная)

Не может быть!.. За что?..

Н у г м а н

За слово правды,
За то, что к справедливости зывал!...
Но я люблю и не виню Бахрама —
Во всем визирь ваш новый виноват.

Д и л я р а м

Кто, Ардашер?

Тогда понятно все!

Я знаю, как он злобен и завистлив...
Но как же мог Бахрам?.. Не понимаю...

Сама я слышала,
с какой любовью
Не раз произносил он ваше имя,
Когда о детстве вспоминал своем!

Н у г м а н

Да, он любил меня...
Но годы пронеслись,
А человек меняется с годами,
Не знаю, что сулит нам эта встреча...

Д и л я р а м

Поверьте мне — все будет хорошо.

Звучная переключка охотничьих рогов становится все слышнее. На сцене начинается оживление: появляются придворные, выстраиваются воины; слуги расстилают длинный красный ковер, — идут поспешные приготовления к встрече великого падишаха. Сопровождаемые своими служанками снова входят Амрита и Наима с яркими гирляндами цветов в руках. Диярам и Нугман стоят чуть поодаль, с волнением вглядываясь в степную даль.

Н у г м а н

Сейчас мы встретимся...
Лишь одного желаю.
Чтоб он хотя бы выслушал меня.
Мой долг святой —
пока еще не поздно —
Ему глаза на многое открыть.
И пусть меня потом в темницу бросят,
На плаху шлют —
я смерти не боюсь..

Д и л я р а м

Нет-нет!..

Вы и не думайте об этом!..
Прошу, доверьтесь мне, Нугман-ата.
Скорее в мой шатер...
Служанка вас проводит...

И — вот увидите — я все сама устрою.
Сумею вас с Бахрамом помирить.

Дилярам торопливым шепотом отдает приказание своей служанке. Назира почтительно провожает Нугмана к багряному шатру, распахивает перед ним узорный полог, и седой мудрец своею медленной, старческой походкой скрывается в шатре.

А тем временем звуки рогов и труб, гулкие удары барабанов становятся все слышней и ближе. Толпа разделяется: по одну сторону красной ковровой дорожки становятся придворные, по другую — девушки с цветами в руках. Все взоры обращены навстречу приближающемуся падишаху. Закутанная в легкое белое покрывало Дилярам вместе со своею верной служанкой стоит в стороне от всех — на дальнем конце сцены. Проходит еще несколько мгновений, — громкие звуки труб и барабанов все близятся, нарастают — и внезапно обрываются: появляется падишах Бахрам.

С луком и колчаном за плечом, с коротким мечом на бедре, в простой охотничьей одежде, крепко стянутой широким поясом, молодой падишах выглядит еще красивей и стройнее. Остановясь в глубине сцены, зорким взглядом из-под своих крутых бровей обводит шах Бахрам низко склонившуюся перед ним многолюдную свиту. Двое придворных, поспешно подойдя к падишаху, берут его меч, лук и колчан. Появившийся вместе с государем Ардашер зычным голосом провозглашает здравицу в честь повелителя.

Ардашер

Тысячу лет живи,
Наш падишах Бахрам, —
Царствуй на радость нам и на страх врагам!

Все

Слава! Слава! Слава!

Ардашер

Солнцем над нами сияй,
Наш падишах Бахрам, —
Милостив будь к верным своим рабам!

Все

Слава! Слава! Слава!

Ардашер

Властвуй и побеждай,
Наш падишах Бахрам, —
Мир да повержен будет к твоим стопам!

В с е

Слава! Слава! Слава!

Снова гремят барабаны и трубы. Бахрам ступает на красный ковер. Девушки рассыпают ему под ноги цветы. Сверкая украшениями и пестрыми нарядами, с яркими цветочными гирляндами в руках, Амрита и Наима, сладко улыбаясь, спешат навстречу повелителю.

Н а и м а

С приездом вас, любимый государь,
Как мы без вас скучали-тосковали!

А м р и т а

А в знак любви...

Н а и м а

Любви и поклоненья...

В м е с т е

Примите эти скромные цветы.

(Надевают ему на шею гирлянды, ластятся к нему.)

А м р и т а

Как загорели вы!..

Н а и м а

Еще красивей стали...

А м р и т а

Красивее, чем сказочный батыр!

Н а и м а

Три дня томились мы...

А м р и т а

Мечтали, ждали...

Н а и м а

Позвольте, мы в шатер проводим вас.

Не устаивая ответом двух льстивых красавиц, Бахрам молча проходит мимо них, медленно шагая по усыпанному цветами красному ковру. Снова останавливается. Глаза его ищут Дилярам, заслоненную от его взора плотной толпой придворных, воинов и слуг. Возвращается тишина.

Б а х р а м

А где же Дилярам?

Толпа поспешно расступается. Бахрам видит свою любимую.

Д и л я р а м

Я здесь, мой господин.

Лицо Бахрама мгновенно озаряется счастливой улыбкой. Не обращая внимания на окружающих, приветливо протянув руки, он идет навстречу своей возлюбленной. И не склоняется перед ним Дилярам, а таким же радостным движением порывисто протягивает ему навстречу свои нежные руки. Легкое покрывало соскальзывает с ее плеч — тоненькая, хрупкая, с длинными косами, почти касающимися земли, в простом белом платье стоит она, не сводя сияющих глаз со своего любимого.

Б а х р а м

Вот и опять мы вместе, жизнь моя!

Ну как — здорова?

Все благополучно?

Д и л я р а м

Вернулись вы, хвала владыке мира,
А большего, клянусь, не нужно мне!

Бахрам

Плохой была охота.

Дилярарам

Неужели?

Бахрам

Кабан да три джейрана — вот и все.
Зато орла сумел я подстрелить —
Красавец, правда?

Это мой подарок.

(Берет из рук слуги убитого орла.)

Дилярарам

Благодарю, мой шах.

Бахрам

Смотри, какие крылья,
А клюв какой!

Возьми...

Дилярарам

Не надо... Я боюсь...

Весело улыбаясь, шах передает птицу стоящей рядом Назире.

Бахрам

Со мной поедешь в следующий раз?
Хочу, чтоб видела, как метко я стреляю...

Дилярарам

Конечно... С радостью!..

Бахрам

(залюбовавшись ею)

Постой-ка, что с тобою?
Еще красивей стала за три дня!

Диларам

Ах, государь, над вашей рабыней
Грешно смеяться — да еще при всех...

Бахрам быстро оборачивается, — как видно, он и в самом деле совсем забыл об окружающих. Нахмурясь, он обводит глазами молчаливую толпу придворных, и толпа невольно отступает под его властным, нетерпеливым взглядом. Догадливый Ардашер, сразу же поняв желание своего государя, громким голосом обращается к собравшимся.

Ардашер

Да будет всем известно:
завтра утром
Мы дальше отправляемся отсюда.
Наш государь охотой недоволен —
Бедны добычей здешние места.
Все слышали?
Так собирайтесь в путь —
И чтоб к рассвету было все готово.
Живее!
Расходитесь!
Расходитесь!
Наш государь желает отдохнуть!..

Подгоняемая выкриками Ардашера пестрая многолюдная шахская свита быстро рассеивается: спешат удалиться придворные, торопливо расходятся слуги, рабыни. Пылая от досады и ревности, Амрита и Наима успевают обменяться несколькими злобными фразами.

Наима

Лишь на нее глядит...

А м р и т а

А нам с тобою
Словечка ласкового не сказал!

Н а и м а

И чем она взяла?

А м р и т а

Худа, как щенка.

Н а и м а

И нарядиться-то красиво не умеет...

А м р и т а

Пропали мы с тобой!..

Н а и м а

Еще посмотрим...
Я кое-что придумала... Пойдем!

Возле багряного шатра, в тени раскидистой старой чинары остаются только Бахрам и Диларам. Радосно улыбаясь, смотрят друг на друга влюбленные,— они не замечают задержавшегося на дальнем конце сцены Ардашера. Тяжелым, недобрым, завистливым взглядом наблюдает Ардашер за счастливой встречей молодого шаха со своей возлюбленной.

Б а х р а м

Как хорошо с тобой вдвоем остаться!
Любовь моя...

Д и л я р а м

(обнимая его)

Мой шах! Любимый мой!..

Бахрам

Что делала три дня?

Диларам

Скучала и ждала.

Бахрам

Мне тоже было без тебя тоскливо.

Диларам

Устал, наверно? Голоден?

Бахрам

Еще бы!

Весь день — в седле...

Диларам подходит к низенькому столику, покрытому легкой тканью.

Диларам

Сейчас увидишь чудо.

Смотри!

(Снимает покрывало — столик уставлен яствами.)

Бахрам

Ах, умница моя!..

Диларам

Садись скорей.

Мне так приятно быть твоей служанкой!

(Взяв узкогорлый кувшин, Диларам льет воду на руки Бахраму, подает ему полотенце, усаживает его.)

Бахрам

(весело)

Спасибо, милая...

Такой голодный я,
Что, кажется, живьем барана съел бы!

Диларам

(смеясь)

Смотри, меня не съешь!..

Бахрам

Не бойся, я — не тигр...

Диларам

Поешь, как следует.

А я тебе сыграю...

(Берет в руки чанг.)

Пока Бахрам утоляет голод, Диларам с задумчивой нежностью смотрит на него, а ее тонкие пальцы осторожно перебирают струны. Чуть слышными певучими созвучьями откликаются чуткие струны, разливая в ясном вечернем воздухе чувство тихой радости и успокоения. А между тем Ардашер, прятаясь за густым кустарником, будто зверь, таящийся в засаде, не сводит глаз с юной красавицы. На фоне плавного пения струн звучит его глухой, негромкий голос, полный горечи, ревности, неутолимой тоски.

Ардашер

Счастливые!.. Воркуют и смеются...

И каждый нежный взгляд

отравленной стрелой

вне в грудь впивается,

и каждая улыбка

Мучительней змеиного укуса —

И нет конца страданиям моим!

Жемчужина моя...

Подумать только:

Ведь это я — с опасностью для жизни —
Тебя,

как дивный перл

со дна морского,

Добыл для этого беспечного счастливец —

Для ненавистного владыки моего!

А сам?..

Усердный раб,

презренный раб,

Ни с чем, ни с чем остался я...

И зависть

Мне днем и ночью жжет и гложет сердце

Как будто в яблоко заползший червь...

Но не тебя виню,

красавица моя,—

Во всем судьбы коварство виновато.

А ты — чиста.

Чиста, как луч весенний,

Игрушкой хрупкой из слоновой кости

Тебя чудесница-природа создала.

Когда б ты не ему,

проклятому,

досталась.

Как стал бы я тебя лелеять и беречь —

Пылинке не давал бы сесть на платье,

Ресничке не позволил бы упасть!..

Но тщетные мечты!

О чем я говорю?

Его ты любишь... Как цветок на солнце,

Ему в лицо глядишь...

О если бы судьба

Исполнить помогла мой замысел коварный:

Посеять зерна лжи,

Взрастить вражду и злобу,

Тайком отраву влить

в хмельную чашу счастья

И не тебя — любовь твою убить!..

Дилярам продолжает тихонько перебирать струны. Облокотясь на подушки, смежив глаза, молодой падишах несколько мгновений молча слушает плавно льющуюся мелодию.

Бахрам

Как чутко струны под твоей рукой
Перекликаются, звенят, трепещут,
Какою свежестью,

какой отрадой
И волшебством напевы их полны!
Как будто с неба райские ручьи
Струятся в грудь мою...

И все ж позволь
На миг прервать их сладкое журчанье —
Налей вина в мой кубок золотой.

Диярам

Охотно, мой любимый.

(Отложив свой чанг, наполняет высокий чеканный кубок.)

Бахрам

Ты прости,
Что дивную игру твою прервал я,—
Из нежных рук твоих вино земное
Вкусней любого райского вина.

Диярам

Благодарю тебя, любимый мой!

(Порывисто, обнимает, целует его.)

Ардашер

(закрывает глаза ладонью)

О господи — за что такая пытка!
Уйти бы, не глядеть — да силы нет...

Бахрам

Сыграй, сыграй еще...

Твои напевы
Готов я слушать, слушать без конца!..

Дилярам снова берет в руки свой чанг. Сначала Бахрам неподвижно сидит, полускрыв глаза, задумчиво внимая негромкому пению струн, затем снова принимается за трапезу. Льет и льется певучая мелодия, а тем временем снова начинает звучать полный горечи и зависти голос Ардашера.

А р д а ш е р

Жемчужина моя,—
За что его ты любишь?
Да разве он достойнее меня?
Да разве он способен оценить,
Каким живым сокровищем владеет?
Поет струна,
цветет твоя улыбка —
Все для него, для баловня судьбы...
Счастливец!

А страдал ли он хоть раз,
Как я сейчас пылаю и страдаю?
Довольно!

Больше видеть не могу,
Как ты с любовью на него зришь!
Совсем другим его увидишь скоро —
Бездушным,

хищным,
своенравным

злым,

Тогда прозреешь ты — его разлюбишь,
Тогда оценишь преданность мою!
О кто бы знал,

как тяжело и как больно

Тебя на эти муки обречь!..
Жесток мой замысел.

Но нет пути другого:

Погибнешь ты — или моею станешь,
Красавица,
жемчужина моя!..

(Медленно отступает и скрывается.)

Еще несколько мгновений звучат певучие струны. Но вот Бахрам отодвигает от себя блюдо, вытирает руки полотенцем, откидывается на подушки. В последний раз проводит по струнам юная красавица — звенит и тает в воздухе последнее созвучие, и Дилярам, улыбаясь, бережно откладывает в сторону свой чанг.

Бахрам

Спасибо, милая...

Давно не ел так вкусно!

Дилярам

Поешь еще...

Бахрам

Нет, больше не могу.

Еще глоток вина...

Дилярам протягивает ему высокий чеканный кубок.

Пью за твое здоровье,
За наше счастье солнечное пью!

(Осушает кубок до дна.)

Дилярам

Благодарю, мой шах.

Бахрам

(взволнованно встает)

Подумать только:
Лишь год назад — прошедшею весной —
Метался я в тоске, как в западне,
Час своего рожденья проклиная!
Чернее угля мне казалось солнце,
Казались крышкой гроба небеса,
А слава, власть и все богатства мира
Бессмысленными стали для меня...
Я погибал...

Но тут явилась ты —
И хлынул свет,
и все преобразилось,
И горестный недуг моей души
Как сон дурной теперь припоминаю...
Не знаю, как я жил бы без тебя,—

Моя любовь,
души моей отрада,
Целительница нежная моя!..

Д и л я р а м

(пылко)

Поверь, Бахрам,
ты для меня — весь мир,
Земля, и небо, и луна, и солнце!
В тебе, в тебе одном — вся жизнь моя!

(Нежно склоняется ему на грудь.)

Б а х р а м

Как хочешь этот вечер провести?
Устроим ли опять веселый пир
Иль сядем на коней —
и прямо в степь
Двоем с тобою унесемся вихрем?
Ночь будет лунная.

(Указывает вдаль.)

Туда, к подножью гор,
Домчимся мы — а к полночи вернемся.

Д и л я р а м

Но ты устал...

Б а х р а м

О нет, я снова бодр —
Как будто заново на свет родился!
Поедем, а?

Д и л я р а м

(радостно)

Поедем!

Бахрам

Вот чудесно!
Велю седлать коней...

Дилярм

(внезапно удерживая его)

Постой, Бахрам...

Бахрам

В чем дело?

Дилярм

(растерянно)

Слушай... Я совсем забыла...
Есть новость для тебя:
к нам прибыл гость.

Бахрам

Гость? Что за гость?

Дилярм

Ох, как нехорошо...
Как я забыть могла об этом старце!

Бахрам

Кто этот старец?

Дилярм

Сам сейчас увидишь.
Но я прошу: с ним добр и ласков будь.

Бахрам

Что ж, я готов принять его с почетом.
Зови сюда.

Диларам

Он здесь — в моем шатре.

Бахрам удивленно смотрит на нее. Подойдя к шатру, Диларам осторожно приподнимает полог и приветливо окликает своего гостя.

К вам можно, аксакал?
Ну как вы отдохнули?
Мой господин вас ждет, Нугман-ата.

Бахрам

Нугман?! Уж вот кого не ожидал

(быстро обернувшись)

Не забывай, любимый: он — наш гость.

Опираясь на посох, Нугман выходит из шатра и медленно, с достоинством склоняется перед повелителем.

Нугман

Приветствую, тебя, великий падишах.

Бахрам

Приветствую тебя, Нугман почтенный.
Признаться, я дивлюсь:

в твой-то годы
Решиться на такой далекий путь!

Нугман

Хурмуз всемилостив — послал мне силы
С тобою вновь увидеться, Бахрам.

Бахрам

Садись, Нугман.

Хоть и не ждал тебя,
Но свято чту закон гостеприимства.

Бахрам и Нугман садятся.

Теперь рассказывай.

Что привело тебя?
Что побудило мой запрет нарушить?

Нугман

Сказал один мудрец: для правды нет запретов!

Бахрам

(нахмурясь)

Оставь нас, Дилярам.

Дилярам

Не смею вам мешать

(Почтительно склоняясь, уходит в шатер.)

Бахрам

Я слушаю тебя.

Нугман

Ты хочешь знать, Бахрам,
Зачем явился я?

Взглянуть на жизнь твою.

(Указывает на разноцветные шатры.)

Роскошно ты живешь:

охотишься, пируешь,
Забыв о треволнениях земных.
Подобострастной знатю окруженный.

Вином, любовью, лестью одурманен,
Живешь ты, как в раю.
И думать не желаешь,
Какой крошечный ад в родном краю царит!

Бахрам

(насмешливо)

Уж не завидуешь ли ты, Нугман,
Моим богатствам и счастливой жизни?

Нугман

(сдерживая возмущение)

Опомнись, сын мой!

Мне ли, старику,

Об этом помышлять?..

Не о себе забочусь —

О благе нашего народа,

чья судьба

Доверена твоей могучей власти.

Как можешь ты беспечно пировать,

Державные дела свои забросив,

И забывать о тех,

кто голоден и нищ,

Кто даже черствой корки не имеет,

Кто в смраде и грязи,

под кровлею дырявой

Страдает хуже грешников в аду,

Лишь об одном молясь,

лишь на одно надеясь —

На помощь милосердную твою.

Бахрам

(пожав плечами)

Чем я помочь могу?

Ведь всей моей казны

Не хватит, чтоб насытить этих нищих!

Моя ли в том вина,

что род людской издревле

На бедных и богатых разделен,—
Так рассудил господь.

Н у г м а н

(все настойчивее)

Вернись в столицу, шах,
Забудь о пиршествах,
оставь разгул безумный —
Погрязнуть в роскоши душе своей не дай.
Приди в себя, Бахрам,

и оглядись вокруг:
О тысячах несчастных душ подумай,
Изнемогающих в когтях страданий,
О тысячах скорбящих глаз подумай,
Что на тебя с надеждою взирают,
О тысячах иссохших рук подумай,
К тебе протянутых с отчаянной мольбой!..
Вернись в столицу, шах,—

ходатаев народных
Ты терпеливо выслушать обязан,
В их нужды вникни,
к просьбам снизойди,
Смени своих заместников продажных,
Что только грабить да развратничать умеют,
Замену им найди...

Пора тебе, Бахрам,
Покрепче в руки взять бразды правленья,—
Давно, давно пора!

Послушай мой совет:
Вернись в столицу — чем скорей, тем лучше.

Горячо и задушевно говорит старый Нугман, но с каждым его словом Бахрам становится все мрачнее, лицо его выражает упрямство и нетерпение,— чувствуется, что он с трудом сдерживает закипающий гнев.

Б а х р а м

Семь лет я правлю — и крепка держава,
Враги моим границам не грозят.
Откуда знаешь ты,

к каким делам великим

Здесь, в тишине, свой дух готовлю я?
Я славой увенчать хочу свое правление,
На иноверцев двинуть рать хочу —
Возвысить мой престол
над царствами земными,
Края обширные на юге, на востоке
К моей державе присоединить!..

(Голос его становится все грознее.)

А ты являешься —
как липкой сетью, хочешь
Меня заботами ничтожными опутать,
Попреками язвишь,
зовешь вернуться в город
И даже смеешь торопить меня?

Н у г м а н

Три месяца прошло,
как ты в столице не был,
Живешь вдали от мрачных новостей,—
Стране грозит беда,
а хитрецы-вельможи
Скрывают, видно, правду от тебя.
Разгневался Хурмуз —
наслал великий голод,
Опустошил он треть твоей страны,
Народ — в отчаянье,
в народе смута зреет —
Вот-вот усобица начнется, мятежи...
Послушайся меня:
вернись, Бахрам, в столицу —
Немедля... Завтра же!..

Б а х р а м

(вспылив)

Я не мальчишка,
Чтоб, как щенок слепой, повиноваться
Всему, что в голову тебе взбредет!..

Н у г м а н

Сдержи свой неуместный гнев, Бахрам,—
Недаром говорят,
что гнев — плохой советчик.

Б а х р а м

(раздраженно продолжает)

Опять меня ты взялся поучать —
Себя наставником по-прежнему считаешь?
А ученик-то твой давно уже подросток —
Великим шахом стал!

Н у г м а н

Отец твой справедливый
Был, как и ты, великим венценосцем,
Однако к каждому совету моему
Всегда прислушивался благосклонно...

Б а х р а м

(насмешливо)

Да неужели?..

Н у г м а н

Мудр был твой отец,—
Того, что в наши дни в стране твоей творится,
Не допустил бы он...

Б а х р а м

(гневно перебивает его)

Не смей так говорить!
Священным именем любимого отца
Не попрекай меня!..

Н у г м а н

(тоже повышает голос)

Не стал бы попрекать,
Да горько видеть мне,
во что державу нашу
Ты за семь лет злосчастных превратил!..

Б а х р а м

Не смей!..

(Задыхаясь от злобы, встает.)

Довольно... Уходи, Нугман...
Иначе за себя не отвечаю!..

Из шатра выглядывает Д и л я р а м, встревоженно прислушивается.

Н у г м а н

(тяжело поднимается с места)

Когда бы встал из гроба твой отец
И на тебя, Бахрам, сейчас взглянул бы...

Б а х р а м

Молчи, старик несчастный!..

Н у г м а н

(пылая возмущением, продолжает)

Если б видеть
Мог твой отец, каким ты стал, Бахрам...

Б а х р а м

(с угрозой в голосе)

Ну?.. Что тогда?..

Н у г м а н

(в суровом, пророческом гневе)

Тогда, наверное, снял бы
Он свой венец старинный с головы
Безумца-сына!..

Б а х р а м

(злбно смеясь)

Что, лишить престола
Меня задумал ты?...
Ха-хха!..
Не выйдет!..

(С ненавистью смотрит на Нугмана.)

Да знаешь ли, старик, что сделаю с тобою
За эти дерзкие, бесстыдные слова!

Н у г м а н

Что хочешь, делай!
Правду слов моих
Еще не раз припомнишь ты!..

Б а х р а м

В темнице,
В руках у палачей сто раз ты проклянешь
Болтливый свой язык!
Сто раз ты пожалеешь,
Что родился на свет!..

Из шатра внезапно доносятся звуки струн.

Н у г м а н

(воздевает руки к небесам)

Взгляни, владыка мира,
Взгляни и рассуди!..

Все слышней и слышней звучат певучие струны.

Бахрам

(внезапно закрывает лицо руками)

О боже, что со мною?..
Что происходит?.. Не могу понять...

Бахрам и Нугман смолкают, застывают на месте, прислушиваясь к нарастающему пению струн. Плавно разносятся и тают певучие созвучия, снова и снова набегают они, разливаются, подобно весенним волнам, и затем из шатра начинает звучать чистый, словно льющийся прямо в душу, чарующий голос Дилярам. Вот она выходит из шатра, перебирая струны своего сверкающего чанга, и, замороженный ее пением, молча стоит забывший о своем гневе Бахрам, молча внимает ей старый Нугман, опершись на свой резной посох.

Дилярам

Если сердце просит счастья и надежды,
 о тревогах и мученьях позабудь,
Позабудь о всех несбыточных влеченьях,
 о жестоких злоключеньях позабудь,
Заглуши в себе томительное горе —
 и гнетущая тоска утихнет вскоре,
Позабудь о всех смятеньях и волненьях,
 о печальных впечатленьях позабудь.
Если сердце сожаленьями томится,
 о сердечных угрызеньях позабудь,
Позабудь о всех гоненьях и глумленьях,
 об отмщенях, возмущеньях позабудь, —
Суждено тебе постичь у края гроба,
 что напрасны наша ненависть и злоба,
Так забудь о всех мучительных мгновеньях,
 о бесцельных треволненьях позабудь,
Позабудь о мрачных мыслях, подозреньях,
 о коварных обольщеньях позабудь,
Позабудь о сатанинских наущеньях,
 о греховных наслажденьях позабудь,
Вспомни детство, безмятежное, святое,
 вспомни утреннее солнце золотое, —
И опять, былую радостью наполняясь,
 широко вздохнет измученная грудь.

Позабудь о всех обманах, наважденьях,
о вражде и заблужденьях позабудь,
Позабудь о всех безумствах и сраженьях,
о победах, пораженьях — позабудь!
Человек для красоты и счастья создан —
стань подобен голубым, лучистым звездам,
И с любовью вся вселенная прошепчет:
в добрый путь, о мой избранник, в добрый
путь!..

Стихают струны, смолкает чарующий голос юной красавицы. Молодой шах продолжает неподвижно стоять, прикрыв глаза ладонью. Старый Нугман вытирает слезы, а затем, тяжело опираясь на посох, приближается к Дилярам.

Н у г м а н

Храни тебя всевышний, дочь моя,—
Да будет жизнь твоя благословенна!
Поистине чудесный, светлый дар
Тебе с рожденья небо ниспослало.
Прощай!..

Пусть будет солнечным твой путь,
Моя ж дорога — в скорбное изгнанье...
Напрасно верил я,
что чистым словом правды
Рассеять мрак смогу...
Прощай, Бахрам.

(Медленно поворачивается, собираясь уйти.)

Б а х р а м

(бросаясь вслед за ним)

Постой, не уходи!..
Нугман-ата, постой...
Прости меня, премудрый, если можешь!..
Туман рассеялся...
Глаза мои прозрели —
Теперь мне ясно, как я был неправ!..
Дай рассказать тебе...

Н у г м а н

Спасибо, доченька...

Б а х р а м

Ты, как всегда, права.
Прости, отец... Сейчас распоряжусь я...

(Хлопает в ладоши.)

Эй, кто тут есть?

Вбегают двое придворных.

Вот мой почетный гость.
Ему прием достойный окажите.

Придворные склоняются перед Нугманом.

Н у г м а н

Благодарю, мой шах.
Не так-то просто жить,
Когда костям уже восьмой десяток,—
Им надо отдых дать.
А завтра утром...

Б а х р а м

Да, завтра обо всем поговорим.

Бахрам и его возлюбленная, бережно поддерживая под руки дряхлого Нугмана, удаляются. Двое придворных следуют за ними. С удивлением и злобой смотрит им вслед появившийся на краю сцены Ардашер.

А р д а ш е р

Ага, понятно все...
Старик неугомонный
Успел-таки пожаловать сюда.
Ишь, обнимаются!..
Нетрудно догадаться —
Их помирить сумела Диярам!

Но разве я могу ее винить —
Она чиста, жемчужина моя,
Она не создана для этой мерзкой жизни...
А вот тебя,
седой ворчун и сплетник,
Любой ценой хочу убрать с пути!

(Злобно сжимает кулаки.)

Упрямец старый!..

Прочь его прогнали,
Сидел бы дома — доживал свой век.
Так нет же:

снова взялся за свое —
Опять владыке голову морочит!
Конечно, на меня и на моих людей
Опять Бахраму жаловаться станет...
Вот мы и встретились —

как на крутой тропе,
Один из нас другого в пропасть сбросит!
Чего ж я жду?..

Он мудр, а я хитер...

(Оглядывается по сторонам.)

Нет никого...

Такой удобный случай!.. !

Одним ударом и с врагом покончу,
И захвачу красавицу мою!..

Тем временем на другом конце сцены появляется Сархас, останавливается, украдкой следит за Ардашером. Подойдя к низенькому столику с яствами, Ардашер наливает вино в высокий чеканный кубок. Затем достает спрятанный на груди флакон, осторожно оглядывается и быстрым вороватым движением выливает содержимое флакона в кубок с вином. Сархас подкрадывается к нему. Услышав шаги, Ардашер вздрагивает, роняет на землю пустой флакон и резко оборачивается, словно зверь, готовый кинуться в бегство. Но проходит мгновение — Ардашер узнает начальника стражи, и к нему сразу же возвращается его обычная наглость и самоуверенность.

С а р х а с

(вполголоса)

Ты что... ты что задумал?.. Отвечай!..

А р д а ш е р

А, это ты, Сархас?.. Пойдем, пойдем отсюда...

С а р х а с

Ни с места, негодяй!..

А р д а ш е р

Тсс... Не шуми, болван!..

С а р х а с

(яростным шепотом)

Я видел все!.. Мерзавец... Отравитель...

А р д а ш е р

Не горячись, Сархас.

Дай объясню тебе...

С а р х а с

(поднимая пустой флакон)

Что было здесь?

А р д а ш е р

Ты думаешь — отравя?

С а р х а с

А докажи, что нет!..

А р д а ш е р

(берет кубок, отхлебывает вино)

Ну что? Теперь ты видел?
Могу весь кубок выпить — жив останусь.

С а р х а с

Не понимаю...

А р д а ш е р

Все сейчас поймешь...

(Ставит кубок на место, отводит Сархаса в сторону.)

Хочу отделаться от хорезмийки,— понял?

С а р х а с

Неправда!.. Дилярам не пьет вина!..

А р д а ш е р

Не прерывай меня!..

(Наклоняется к его уху.)

Найти бы только повод,
Чтоб выпил это снадобье Бахрам...

С а р х а с

(отшатываясь)

Какое снадобье?

А р д а ш е р

А ты молчи и слушай:
Любого человека это зелье
В гнев и безумье привести способно —
Так знающие люди говорят...

С а р х а с

В безумье привести?..

А р д а ш е р

Всего на час, на два...

А больше и не нужно...

С а р х а с

Но зачем?...

А р д а ш е р

(положив ему руку на плечо)

Мы — старые друзья.

Всегда пойдем друг друга.

Сейчас тебе подробнее расскажу...

Отходя в дальний конец сцены, Ардашер и Сархас начинают о чем-то шептаться. Грубое лицо начальника стражи расплывается в хитрой, глуповатой усмешке.

С а р х а с

Ха-хха!.. Ты это здорово придумал!..

А р д а ш е р

А главное, молчи — и слушайся меня.

С а р х а с

(потирая руки)

Прогонит эту девку!..

Вот потеха!..

А мы с тобою будем ни при чем...

А р д а ш е р

(вглядываясь)

Тсс... Государь идет.

Смотри, какой веселый.

Скорей бы выпил снадобье мое!

С а р х а с

А не опасно ли для нас с тобою будет?

А р д а ш е р

Придется осторожней быть.

Пойдем...

Оба заговорщика исчезают. Появляется Б а х р а м, оживленно беседуя со своей возлюбленной, останавливается возле ближнего шатра.

Б а х р а м

Мы здесь последний день, любовь моя,—
Пришла пора в столицу возвращаться,
Там, говорят, раздоры начались,
Да беспокойно и в других краях
Державы нашей...

Д и л я р а м

(задумчиво)

Трудно быть владыкой
Такой страны обширной.
Лучше был бы
Простым скитальцем ты,
каким впервые
В моем саду весенним ясным утром
Передо мной предстал,—
насколько б легче
И безмятежней нам жилось!..

Б а х р а м

Что делать—

Судьбу не выбирают.

Сам всевышний
На плечи возложил мне это бремя,
А власть хоть и сладка, да нелегка.

Д и л я р а м

Ты хорошо сказал:

сладка, да нелегка...

Б а х р а м

(продолжает)

Должно быть, распустились без меня
Наместники мои.

Насквозь их вижу:

На первый взгляд правдивы и честны,
И добродетельны,

и бескорыстны,

А в скольких— если глубже заглянуть —
Гнездятся алчность,

ненависть,

коварство,

Лишь о своей наживе помышляют,

Погрязли в роскоши,

в грехах смердящих,—

Как пауки, как жадные пиявки,

Страну мою сосут!..

Д и л я р а м

Так что ж ты терпишь?

Других назначь!

Б а х р а м

(с горечью)

Других!

Легко сказать!

Давно бы всех сменил — да ведь другие
Ничуть не лучше будут...

И к тому же

Мне с нашей знатью ссориться нельзя —
Мятеж поднимут тотчас!..

Прав, как видно,

Нугман-ата, почтенный мой наставник:

Дом без хозяина не должен оставаться,

Не то развалится.

Вернусь в столицу —
И тут же беспощадною рукою
Порядок наведу!

Д и л я р а м

Давно пора!
Почаще слушай старого Нугмана —
Вот истинно премудрый человек.

Б а х р а м

Я рад, что помирился с ним...

Д и л я р а м

Дай слово,
Что с ним во всем советоваться будешь,
И никогда —
ты слышишь?—

никогда
Его не оскорбишь и не отвергнешь!
Он светел и правдив,
он только блага
Желает и тебе, и всей державе,—
Не то что твой любимец!..

Б а х р а м

Ардашер?
Но, право, ты к нему несправедлива —
Он верен мне, как пес.

Д и л я р а м

Он зол и скрытен,
Увертлив и хитер...

Давно хочу сказать я:
Не доверяй визирю своему,
Не сердце у него — клубок змеиный,
Тебе завидует он втайне,
а меня —
Как лютый зверь, меня он ненавидит!

Бахрам

Откуда знаешь ты?

Диларам

По взгляду вижу
Да и по дьявольской его усмешке.
Не доверяй ему...

Бахрам

Всего лишь год назад
Он был одним из молодых придворных —
Ничем не отличался от других.
Когда же в час отчаянья слепого
Покончить с этой жизнью я хотел,
Когда над краем пропасти стоял,
Мечтая со скалы
упасть
в объятья смерти,
Ко мне в последний миг
Он бросился на помощь
И удержал меня — от гибели сберег!..

Диларам

(кладет ему руку на плечо)

Не вспоминай об этом, дорогой,—
Прошу тебя, забудь,
из памяти сотри
Воспоминанья о былых мученьях.
Умчались навсегда,
умчались без следа
Те горестные дни,
Когда твоя душа
В темнице одиночества томилась,
Умчались навсегда!..
Пока мы вместе, милый,
Нам никакие беды не страшны.

Бахрам

А разве не отважный Ардашер
Нам встретиться помог?
Рискуя головою,
Тебя сумел добыть он — и в столицу
Доставил в целости сокровище мое.
Великую услугу оказал он
Тебе и мне — не забывай об этом,
Вот почему я так его ценю.

Диларам

(пытаясь переубедить его)

Порой и зло творить добро способно,
Когда желает выгоду извлечь...
Ты думаешь, он для тебя старался?
Нет, он возвыситься в глазах твоих хотел,
Доверье заслужить...

Бахрам

(прерывая ее)

За верность и отвагу
Я наградил его, к себе решил приблизить —
И не жалею:
он умен, усерден,
Решителен и смел — а много ли найдется
Таких людей?

Диларам

Я возражать не стану..
Не будем больше говорить о нем.

Бережно обняв ее за плечи, молодой шах обводит взглядом широкую, озаренную закатным солнцем раздольную равнину и пламенеющую вдали гряду величавых гор.

Бахрам

Жаль расставаться с этими местами.

Бахрам

(нежно обнимает ее)

Глупости какие!
Покуда я с тобой, моя отрада,
Чего бояться?

Диларам

Ах, когда б вовеки --
Не разлучаться нам — и вместе умереть!..

Бахрам

Не понимаю, что с тобой сегодня,—
О чем ты говоришь?
Еще нам жить и жить!
Мы лишь пригубили с тобою чашу счастья,
А впереди — так много светлых лет!
Хочу за это выпить.

(Подходит к покрытому легкой, пестрой тканью столику с яствами и напитками.)

Диларам

(удерживая его)

Подожди!..
Ты обещал, что больше пить не будешь,—
Прошу тебя, Бахрам...

Бахрам

Последний кубок —
И хватит на сегодня.

Тем временем снова появляется Ардашер. Прячась за кустами, зорко и хищно следит он за каждым движением падишаха. Откинув пеструю ткань, Бахрам берет высокий чеканный кубок с вином, в которое коварный визирь только что подмешал свое зелье.

А р д а ш е р

(чуть слышно)

Пей скорее!
Ну что ж ты медлишь?..

Д и л я р а м

(с ласковой настойчивостью)

Не сердись, Бахрам,
Но я прошу — не надо больше пить.

(Прильнув к его плечу, тихо и застенчиво продолжает.)

Три дня прошло — я без тебя скучала...
Сегодня жду тебя...

Б а х р а м

(в радостном порыве)

Три слова ты сказала,
И каждое — дороже всех сокровищ,—
За каждое из этих слов готов я
По трижды тридцать кубков осушить!

А р д а ш е р

(злым шепотом)

Ну, пей же, пей!..

Обняв за плечи любимую, Бахрам поднимает кубок.

Б а х р а м

Пью за твое здоровье —
Цвети, любовь моя!..

Молодой шах уже поднес кубок к губам. Но, резким движением высвободясь, гневно сверкнув глазами, рассерженная Дилярам снова удерживает его.

Д и л я р а м

Не пей, Бахрам!

А то обижусь!..

Бахрам опускает кубок.

Неужели нужно
Твою любовь вином подогревать?

Б а х р а м

(залюбовавшись ею)

Как ты красива в гневе, Дилярам...

Д и л я р а м

(твёрдо)

Поставь сейчас же кубок!

(Снова становясь ласковее.)

Ты пойми:

Хочу увидеть, как хмелеешь ты
Не от вина — от радости свиданья,
От счастья нашего...

Б а х р а м

(улыбаясь)

Ты победила,
Любовь моя,— я слушаюсь тебя.

*(Ставит кубок и снова набрасывает на него цветную
ткань.)*

Д и л я р а м

Благодарю, мой шах.

Ардашер

(с жестом досады)

Отговорила!..

Бахрам

Ты знаешь, Диярам, какой упрямец я,
И лишь, с тобой покорен, как ребенок...

(Лукаво смеясь.)

Смотри, какой я смирный и послушный.
А где ж награда?

Диярам

Тысячу наград
Тебе за это, милый, обещаю —
Со мною будешь ты счастливей всех!..

Порывисто обнимает его. Несколько мгновений влюбленные стоят обнявшись, горячо глядя в глаза друг другу, забыв обо всем вокруг... Угрюмым, голодным, ревнивым взглядом наблюдает за ними Ардашер.

Ардашер

Не удался мой замысел...

Ну что ж

На этом все равно не успокоюсь:
Выслеживать их буду днем и ночью,
Настанет час —

сумею их посорить,
Волшебный круг их счастья разорву!
Хурмузу до сих пор молился я —
Теперь зову на помощь Ахримана!
На все пойду —

на ложь, на злодеянья,
Но своего добыюсь!..

Любой ценою

В конце концов тобою завладею,
Жемчужина моя!..

Внезапно Ардашер резко оглядывается, прислушивается; за сценой слышались чьи-то громкие, возбужденные голоса. Бахрам и его возлюбленная тоже оглянулись,— с удивлением смотрят они в сторону дальних шатров, откуда все слышней доносятся взволнованные выкрики.

Г о л о с а

- Сюда!.. Сюда!..
- Охотников зовите!..
- Быстрее! Быстрее!
- Постойте! Не стреляйте!..
- К шатрам!.. К шатрам ее скорей гоните!..
- Эй, окружай ее!
- Не дайте убежать!..

Б а х р а м

Что происходит там?

Вбегают Сархас, вслед за ним — несколько охотников, воинов, слуг.

С а р х а с

Мой падишах!
Газель чудесная вблизи шатров явилась...
Такой красавицы я сроду не видал!..
Смотрите!..

Б а х р а м

Где она?
А, вижу!..
Где мой лук?

Сархас поспешно подает ему лук, один из воинов держит наготове колчан со стрелами. Бахрам взволнованно обращается к стоящей рядом с ним Диярам.

Душа моя,
давно тебе хотел я
Свою прославленную меткость показать.

Вон вдалеке газель.

Скажи быстрее —
В какое место поразить ее?

Тем временем на сцене собирается все больше народу: появляются придворные, сбегаются воины и слуги, входят Амрита и Наима со своими служанками. Багряное пламя заката озаряет пеструю толпу. Все смотрят на стоящего с луком в руках молодого падишаха и на его возлюбленную.

Д и л я р а м

(любуясь газелью)

Какая стройная, проворная!..

(Обернувшись к Бахраму.)

Мой шах,
Не убивай ее!..

Б а х р а м

А разве ты не знаешь —
У нас, охотников, примета есть:
Нельзя отказываться от добычи.

Д и л я р а м

(с мольбою в голосе)

Прошу тебя, прошу!..

Б а х р а м

Таков закон охоты.

Д и л я р а м

Какие вы жестокие, мужчины!..

Б а х р а м

Жду слова твоего, душа моя,
Дай мне задание — только потруднее.

Д и л я р а м

А если промахнешься — обещаешь
Ее в живых оставить?

Б а х р а м

Ну, говори скорей!.. Так и быть...

Д и л я р а м

Так вот мое задание:
Одной стрелой сумей связать ей ноги,
Другой стрелой — перережь ей горло,
Чтобы недолго мучилась она.

Б а х р а м

Отлично!

А р д а ш е р

(шагнув к нему)

Слишком трудное задание...

Н а и м а

(подойдя к Дилярам)

Опомнись, милая...

Д и л я р а м

(пожав плечами)

Он сам меня просил.

П р и д в о р н ы е

(окружив падишаха)

— Она, конечно, шутит, государь...
— Немыслимое дело!

- Невозможно!..
- Все знают: вы стрелок непревзойденный,
Но это не под силу никому!..

Бахрам

Прочь! Не мешайте!..

Толпа расступается. Бахрам натягивает лук, прицеливается. Все ждут, застав дыхание. Бахрам пускает стрелу.

Возгласы

- Попал! Попал!
- Она упала наземь!..
- Ей ноги он передние пронзил!..

Бахрам снова прицеливается, пускает вторую стрелу.

Сархас

Вот это меткость!

Возгласы

- Точно!
- Прямо в горло!..
- Убита... Да с какого расстоянья!
- Хвала, хвала великому стрелку!

Придворные

(спешат поздравить падишаха)

- Неслыханно, мой шах!
- Глазам своим не верим...
- Великолепно!
- Поздравляем! Поздравляем!..

Нетерпеливым жестом шах приказывает им замолчать.

Бахрам

Постойте... Пусть сначала принесут.

Назира

И все же подойдите, похвалите...

Дилярам

Хвалить его за это?

Ни за что!

Воины приносят убитую газель и показывают ее повелителю,— передние ноги пронзены одной стрелой, а другая вонзилась в горло. С веселой, торжествующей улыбкой Бахрам обводит взглядом толпу придворных и воинов.

Бахрам

Что скажете? Неплохо получилось!..

Придворные

- Невероятно!
- Сказочная меткость!
- Да это подвиг, подвиг легендарный!
- Пройдут века — не смолкнет ваша слава...
- Вы наша честь и гордость, государь!..

Все спешат поглядеть на убитую газель, толпятся, восхищаются. Но Бахраму уже наскучили восторженные возгласы и поздравления,— он озирается, ища глазами свою возлюбленную, скрытую от его взора толпой придворных.

Бахрам

(вполголоса, удивленно)

Где ж Дилярам?..

Тем временем Ардашер, взяв золотой поднос, на котором стоит высокий чеканный кубок — любимый кубок падишаха — с торжественным видом приближается к Бахраму. Остальные придворные становятся полукругом, держа в руках чаши с вином.

Ардашер

Любимый шах!

Вы доблестью своею

2-й придворный

Да, ослепительно!.. Вот богатырский подвиг!
Мне кажется, я в сказке побывал!

Наима

О счастье наше, повелитель наш,—
Нет слов, чтоб выразить любовь и радость!

Амрита

О солнце наше, победитель наш,—
Мы просто умираем от восторга!..

Вместе со своей верной служанкой Дилярам по-прежнему стоит
в стороне.

Дилярам

Нет силы слушать эту лесть и ложь —
Как у него терпения хватает?

Назира

Он к этому привык...

Дилярам

Пора отвыкнуть!
Теперь кичиться, хвастаться начнет...

Назира

(начиная тревожиться)

Не надо... Успокойтесь..

Дилярам

Что за доблесть —
Создание беззащитное убить?
Что ж, пусть другие лебезят пред ним —
Он от меня восторгов не дождется!..

Тем временем Бахрам уже несколько мгновений стоит, закрыв глаза и слегка пошатываясь. Чтобы не упасть, он хватается за плечо стоящего рядом Ардашера. Придворные встревоженно переглядываются.

1-й придворный

Что с падишахом?

2-й придворный

Как он побледнел!..

Ардашер

Что с вами, государь?

Бахрам

Так... Пустяки...
Вот только голова немного закружилась.
Уж очень было крепкое вино!..

(С внезапным раздражением.)

Да где же Дилярам, в конце концов?

Ардашер

(указывая на нее)

Здесь, государь.

Бахрам

А, вот ты где, шутница!

(Нетвердой походкой направляется к ней.)

Ну как, в моем искусстве убедились?
Что ж ты молчишь?

Довольна?

Отвечай!..

Озаренный кроваво-красным заревом заката стоит захмелевший властитель перед Дилярам. Воцаряется напряженная тишина— все ждут ее ответа.

Дилярам

(нарочито спокойным голосом)

Я тоже поздравляю вас, мой шах,—
Вы в цель попали...

Но, сказать по правде,
Я в этом деле слишком мало смыслю,
Чтоб восхищаться вашим мастерством.

Среди придворных пробегает шепот удивления.

Бахрам

(пристально глядя на нее)

Что это значит?

Что-то я не понял...
Ты недовольна мной?

Дилярам

О нет, вполне довольна.
Но признаюсь, причины я не вижу,
Чтоб вашу ловкость чудом называть.

Бахрам

Как!... Все дивятся меткости моей,
А ты?..

Дилярам

А я ничуть не удивляюсь,—
Ведь если упражняться с юных лет,
Возможно овладеть любым искусством.

Бахрам

(нахмурясь)

Ах, вот что...

Дилярам

Взять к примеру хоть меня:
Я тоже с детских лет играть и петь училась —
Теперь искусницей считаюсь...

Бахрам

(грубо прерывает ее)

Хватит!

Молчала б, раз не смыслишь ничего!...

Глядя исподлобья, чуть сгорбясь, угрюмый, рассерженный падишах медленно отходит от Дилярам и, отвернувшись от всех, останавливается в стороне, пытаясь побороть свою досаду и гнев. Ардашер и Сархас молча переглянулись, — только им двоим известна истинная причина того мрачного опьянения, которое с каждой минутой все сильнее овладевает Бахрамом. Придворные растерянно шепчутся, — никто не решается подойти к падишаху.

Придворные

- Что с государем?
- Потемнел, как туча...
- Слыхали, что сказала Дилярам?
- С ума она сошла!.. Да разве можно?..
- Заколдовала, а теперь смеется..
- Да как ее он терпит до сих пор?..

Найма

Неблагодарная!..

Амрита

Как ей не стыдно!..

Ардашер

(вполголоса обращаясь к Сархасу)

Будь осторожней, друг.

Он выпил наше зелье.

Теперь подальше от него держись...

Бахрам оборачивается — так резко, что многие вздрагивают.

Бахрам
Эй, Ардашер!

.

Ардашер
(быстро подходит)

Я здесь.

Бахрам

Не знаю, что со мной...

(Хватается за его плечо.)

Ох, снова закружилась голова.

Ардашер

Еще глоток — и сразу легче станет.

Бахрам

(хрипло)

В груди... В груди горит...

Ардашер

(обернувшись к слугам)

Еще вина! Скорей!

Тем временем Назира встревоженно обращается к своей госпоже.

Назира

Зачем решили вы обидеть государя?
Он очень огорчен...

Д и л я р а м

(упрямо)

Что ж, так ему и надо!

Н а з и р а

Нет-нет... Смотрите, как он помрачнел...
Вам надо подойти...

Прощенья попросите...
Иначе — быть грозе!

Д и л я р а м

Оставь свои советы!
Ступай в шатер да принеси мой чанг.

Начинает смеркаться. Стоящий на другом конце сцены Бахрам, продолжая тяжело опираться о плечо Ардашера, жадными глотками пьет вино и брезгливо отбрасывает пустой кубок. Лоб его угрюмо нахмурен, губы крепко сжаты, — он с трудом сдерживает закипающий в нем приступ ярости.

Б а х р а м

Ты можешь вспомнить, что она сказала?

А р д а ш е р

Не стоит повторять...

Б а х р а м

А все-таки скажи.

А р д а ш е р

Напрасно вы ее так баловали, —
Она не оценила вашу доблесть,
А попросту, как дерзкая девчонка,
Над вами посмеялась — вот и все...

Бахрам

Смеялась надо мной!..

(Оттолкнув Ардашера, тяжело и нетвердо ступая, падишах направляется к Дилярам.)

А ну-ка, повтори —
Что ты сказала, глупая?

Дилярам

(с достоинством)

Мой шах,
Спросите всех — я ничего дурного
Вам и не думала сказать...

Бахрам

(повышая голос)

Неправда!
Ты посмеялась надо мной... При всех!..
Негодница!..

Дилярам

Что с вами, мой владыка?
Я этих грубых слов не заслужила...

(Берет чанг из рук подбежавшей Назиры.)

А что язык мой выразить не в силах,
Пускай вам эти струны объяснят!..

(Проводит по струнам, собираясь петь.)

Бахрам

(диким голосом)

Не смей, проклятая!..

Все содрогаются.

Не смей!..

(Вырывает из ее рук чанг, швыряет его наземь.)

Д и л я р а м

О боже!..

Что натворили вы?..

Мой чанг разбили!..

Б а х р а м

(с яростным злорадством)

Ха-а!..

Ну что?

Теперь ты безоружна,
Колдунья дерзкая!..

Д и л я р а м

Я не колдунья!

Вы сами знаете, что это — клевета!..

Б а х р а м

(пронзительно глядя на нее)

О не-е-ет!..

Теперь меня ты не обманешь!
Как я был слеп!

И лишь теперь прозрел!..

Ты — лживая, ты — злая...

Взгляд, улыбка —
Все лживое, змеиное в тебе!
Яд с языка сочится...

Д и л я р а м

О всевышний!

Б а х р а м

(указывая на разбитый чанг)

А здесь твое скрывалось колдовство!

Д и л я р а м

(в смятении)

Опомнитесь, мой шах...

Да разве эти струны
Не приносили вам покой и радость,
Не исцелили тяжкий ваш недуг?

Б а х р а м

(ослепленный ненавистью)

Ложь!..

Это ты была моим недугом!
Ты днем и ночью сладкую отраву
В меня вливала...

А сама смеялась —
Смеялась надо мной!..

Д и л я р а м

О боже, что с ним?!

Б а х р а м

Ты и сейчас смеешься надо мною,
Змея ползучая!..

Д и л я р а м

(в отчаянье)

Бахрам, опомнись!
Взгляни, взгляни в лицо мое, любимый,—
Да разве ты меня не узнаешь?
Я — Дилярам твоя!..

Еще сегодня
Ты называл меня своей голубкой...
Опомнись, дорогой!..

Твоя рабыня
Ни в чем не виновата пред тобой!..

Эти отчаянные слова заставляют одурманенного зельем Бахрама на мгновение прийти в себя. Он колеблется, проводит рукой по лбу, его напряженные черты выражают страдание, мучительное сомнение.

Бахрам

(медленно повторяет)

Ни в чем не виновата?..

(Поворачивается к окружающим.)

Все слышали,
Что эта женщина несчастная сказала?
(Обводит взглядом испуганную толпу.)

Вы — верные друзья мои и слуги,
Так помогите ж разобраться мне...
Быть может, я чего-нибудь не понял?
Скажите честно мне:
она не виновата?
Скажите... Я прошу...

Все молчат, охваченные страхом.

Так что же вы молчите?
Иль не хотите правду мне сказать?

Наима

(набравшись храбрости)

Не виновата?
А пускай расскажет,
Что сделала она с подарком вашим!

Бахрам

С каким подарком?

Амрита

Где ее браслеты,
Что ей недавно подарили вы?

Бахрам

(резко обернувшись к Дилярам)

Браслеты! Где они?..

Дилярам

(растерянно)

Простите, мой владыка...
Я вам про них забыла рассказать...

Наима

(насмехаясь)

Забыла — слышите?

Амрита

Бродягам нищим
Она браслеты ваши отдала!

Бахрам

(снова разгораясь яростью)

Бродягам отдала?

Подарок мой — бродягам?..

Дилярам

(пытаясь прервать его)

Паломникам святым!..

Бахрам

(уже не слушая)

И скрыла от меня?
О злое, лживое, двуличное создание,—

Д и л я р а м

(прижавшись к ней)

Спасибо, Назира...

Теперь на всей земле
Ты у меня одна, одна осталась!..

(В новом порыве отчаянья.)

Ах, мой Бахрам!..

Какой коварный дьявол
Тебя заставил клевете поверить?
Как ты несчастен будешь без меня!..

(Плачет, склонясь на грудь своей верной служанки.)

А р д а ш е р

(глядя на нее с другого конца сцены)

Нет больше сил смотреть,

как мучится она,

И знать, что это я — источник ее мучений!

Но потерпи,

не плачь,

жемчужина моя,

Недолго ждать — тебя утешу скоро.

Теперь узнала ты,

каков избранник твой,

Узнала, как он зол, жесток, неблагодарен,

Так разлюби его —

и чем скорей, тем лучше!

Тебя он оскорбил,

тебя изгнать прикажет —

Тогда к тебе спасителем явлюсь.

Тем временем неподвижно лежавший Бахрам медленно приподнимается, садится, трясущейся рукой пытается налить себе вина. Подбегает слуга, наполняет кубок. Все молча смотрят, как Бахрам жадно осушает кубок до дна. Его потное, мрачное лицо искажается от пьяного отвращения. Хриплым голосом подзывает он своего ви-
зиря.

Бахрам

Поди сюда... Мой верный Ардашер...
Что делать нам с колдуньей, посоветуй —
Простить или казнить?

Все слушают, затаив дыхание.

Ардашер

Не знаю, государь.

Бахрам

(ударив кулаком по столу)

Нет, отвечай!..

Ардашер

Тогда я так скажу:

Простить ее нельзя —

своим поступком дерзким

Она осмелилась затронуть вашу честь,

Но и казнить нельзя —

кровь женщины пролить,

Вы сами знаете, грешно и недостойно.

Бахрам

(в пьяном недоумении)

Так... Значит, не простить?.. И не казнить?..

(Подозрительно смотрит на визиря.)

Э-э, да и ты смеешься надо мною?

Ардашер

(поспешно)

Нет-нет, послушайте, мой добрый государь,—
Я кое-что придумал...

Захмелевший Бахрам, лениво облокотясь на подушки, с пьяной, похотливой усмешкой подзывает к себе двух своих прежних наложниц.

Бахрам

Амрита! Наима!

Подите-ка сюда.

Садитесь — да поближе...

Какие вы нарядные сегодня,

Красавицы мои!

Совсем про вас забыл я...

Что, выпьете со мной?

Наима

Спасибо, наш владыка.

Амрита

Спасибо... С радостью!

Бахрам

Налейте нам вина.

Обрадованные красавицы садятся рядом с падишахом по обе стороны, сладко улыбаются, ластятся к нему. Слуги наполняют кубки.

Бахрам и красавицы пьют.

Тем временем Ардашер медленно выходит на середину сцены. Лицо его холодно и непроницаемо. Воцаряется напряженное молчание.

Ардашер

(громким, твердым голосом)

За оскорбленье нашего владыки,

За дерзкий нрав,

за ложь и колдовство

Приказано преступницу-рабыню

Связать покрепче,

отвезти в пустыню

И бросить на съедение зверям.

Все молчат, охваченные ужасом.

Бахрам

(обернувшись к слугам)

Еще вина!

Наима

Пойдемте к нам в шатер —
Там и вино у нас, и угощенья...

Амрита

Мы очень просим вас...

Наима

(ласкаясь к нему)

Любимый наш... Владыка...

Амрита

(кокетливо)

Пойдемте... Мы скучать вам не дадим!

С обеих сторон ластятся и уговаривают Бахрама две красавицы.

Бахрам

(усмехаясь)

Ну что ж... не возражаю...

Поддерживаемый под руки обеими красавицами, Бахрам тяжело поднимается, намереваясь уйти вместе с ними.

Собрав все свое мужество, Диярам внезапно шагнула вперед, твердым голосом обращается она к падишаху.

Диярам

Стой, Бахрам!
Ты шлешь меня на смерть — давай простимся.

Бахрам

(издеваясь)

Ха-ха!..

Вы слышали?

Проститься захотела!..

Ну, так и быть — прощай!..

(Махнув рукой, отворачивается, собираясь уйти.)

Назира

(бросаясь к его ногам)

О, сжальтесь, государи!

За что вы губите голубку нашу?

Она чиста, чиста...

И вовсе не колдунья.

Она вас любит — любит всей душой!

Диярам

Сестра моя... Молчи!..

Бахрам

(с презрительным удивлением)

А эт-то что за дрянь?

Да как осмелилась ты, грязная рабыня,

Приблизиться ко мне?

Назира

(продолжает умолять)

Простите, наш владыка...

Меня, несчастную, за дерзость накажите,

Но сжальтесь — пощадите госпожу!..

(Припадает к ногам падишаха.)

Д и л я р а м

Молчи!.. Погибнешы!..

Б а х р а м

(отталкивая ногой служанку)

Отцепись, мерзавка!..

Н а з и р а

(схватив его за край одежды)

Простите, смилуйтесь,
наш добрый государь,—
В степи не бросьте свой алмаз бесценный,
Не растопчите свой цветок чудесный,
Не погубите...

Б а х р а м

(замахиваясь на нее)

Прочь!.. Иначе смерть тебе!..

Н а з и р а

(в отчаянье)

О-о!.. Если чью-то смерть вам хочется увидеть,
Меня убейте — вместо госпожи!..

Б а х р а м

(злорадно ухмыляясь)

Тебя?..

Слыхали, а?

Сама об этом просит!

Ха-хха... Тогда уж лучше вас обеих —
Вдвоем-то веселей!..

А р д а ш е р

(стоящим наготове воинам)

Вы слышали приказ?
Взять их, связать и отвезти в пустыню.
И — кончен разговор.

(Повернувшись к начальнику стражи.)

Возглавишь ты, Сархас.

Сархас молча кивает. По его знаку воины хватают Дилярам и ее служанку. Но в это мгновение слышится громкий, разгневанный голос. Озаренный багряным блеском факелов, с поднятым посохом в руке, величавый и грозный, будто древний пророк, перед потрясенной толпой появляется седобородый старец Н у г м а н.

Н у г м а н

Остановись, Бахрам!..

В наступившей тишине.

Что происходит здесь?
Что ты за дело страшное задумал?
Что ты творишь с любимицей своею —
За что ее ты мучишь?

Отвечай!

Б а х р а м

(с пьяной, бессмысленной усмешкой)

А-а-а! Здравствуй, старый плут!
Откуда взялся ты?
Уже давненько я тебя не видел...

Н у г м а н

(пораженный)

О господи, что с ним?..

Бахрам

Ты спрашиваешь — что?
Я — веселюсь!.. Свободен наконец-то...
С колдуньей расстаюсь... — А ты-то здесь зачем?
Когда успел из города явиться?

Нугман

Да разве ты забыл...

Бахрам

(грозя ему пальцем)

Э-э, не учи меня! 10
Уже не маленький — читать-писать умею...
А раз пришел — повеселись и ты.
Эй, дать вина ему!

Нугман

Приди в себя, Бахрам,
Вино проклятое твой разум помутило —
Свой достославный род
готов ты запятнать
Деяньем мерзостным...

Диляр

Нугман-ата, не надо!..
Уйдите... Пожалейте хоть себя!..
Увы, неисцелим недуг его ужасный —
Безумьем поражен его рассудок,
Ничем помочь нельзя...

Бахрам

(свирепо обернувшись к ней)

А ты молчи, змея!..

(Морщась, потирает лоб.)

Проклятье!..

Голова звенит от ваших криков...

Пить хочется...

Огонь в груди, огонь...

Ох, дайте хоть глоток!

Пошатываясь, отходит в сторону. И тотчас же к нему, сладко улыбаясь, снова приближаются Амрита и Наима — что-то лукаво на-шептывают, льнут к нему, смеются, опять наливают вина, пьют вместе с ним.

Н у г м а н

(обращаясь к толпе придворных)

А вы-то, вы-то что — советники, вельможи,—
Помочь не можете?

Пока еще не поздно,

Спасите, образуйте государя,
Коль дух его так тяжко помрачен!

Не ваш ли долг святой

опорой быть престолу?

Так что ж молчите вы?

Что ж смотрите покорно,

Как справедливости нетленные одежды

Пятнает несмываемый позор?

(Обводит взглядом молчаливую толпу.)

Ужели нет среди вас ни одного,

В чьем сердце честь жива?

Ужели вы готовы

Послушными сообщниками стать

Бесстыдной клеветы,

слепого преступленья?..

Придворные, потупясь, молчат.

О племя жалкое —

бесчестные льстецы,

Трусливый, жадный сброд!

Любым делам греховным,

Любым безумствам своего владыки
Вы потакать согласны.
Вы страшитесь
Лишь гнева шахского,
а про небесный гнев
И вспомнить не хотите?..
Что ж, придется
Мне одному бороться и страдать
За правду и добро.

(Подходит к Дилярам.)

Не бойся, дочь моя,—
Пока я жив, не дам тебя в обиду.

Д и л я р а м

(припадая к его груди)

Отец... Святой отец...
Да что ж это такое?
За что судьба казнит меня — за что?..

Нугман ласково обнимает ее, гладит ее вздрагивающие плечи...
Амрита и Наима, посмеиваясь, указывают на них падишаху.

А м р и т а

Взгляните, государь...

Н а и м а
Ишь старый греховодник —
С колдуньей хочет шашни завести.

Б а х р а м

(с пьяной, злорадной усмешкой)

Эгэ-э-э!..
Сейчас я с ним поговорю —
Обоих проучу!

(Направляется к ним.)

Ардашер

(стоя рядом с Сархасом, вполголоса)

Теперь конец Нугману,
Жаль старика...

Да чем ему поможешь?
Сам виноват — разумней надо быть,
Не становиться поперек дороги...

Заметив приближающегося падишаха, почтенный старец направляется ему навстречу. Бахрам резко останавливается, напрягшись, как зверь перед прыжком,—пронзительным, безумным взглядом смотрит он в лицо Нугману, не узнавая, как видно, своего старого наставника.

Бахрам

- Назад!.. Не подходи!..

Нугман

(пытаясь образумить его)

Ну, полно, полно...
Приди в себя, мой сын.
Ты выпил, ты устал.
Ступай в шатер да отдохни немного.
Послушай старшего, Бахрам...

(Ласково кладет ему руку на плечо.)

Бахрам

(вздвигнув, отшатывается)

Не прикасайся!..
Откуда ты явился, старый дьявол?
Что бородой трясешь?
Смеешься надо мною?
У-у, покажу тебе, седой козел,—
Я не боюсь тебя...

Ха-хха... Смотрите!..

(Хватает Нугмана за бороду.)

Н у г м а н

(в гневе подняв свой посох)

Не смей, безумец!..

Б а х р а м

(отпрянув от него, в бешенстве)

Ах, колдун проклятый!
Да знаешь ли, что сделаю с тобой?

А р д а ш е р

(только и ждавший этого)

Взять, взять его!
Он оскорбил владыку —
Он руку дерзкую осмелился поднять
На государя нашего...
Мой шах,
Вели казнить его, казнить!

Б а х р а м

(задыхаясь от ярости)

Нет... Не сейчас...
Придумать надо, как его помучить...
Пока на цепь его!
На цепь! Как злого зверя!
Еще потешимся над ним...

Д и л я р а м

(в ужасе бросаясь к нему)

Бахрам, опомнись!
Грех, грех неслыханный ты на душу берешь,—
Любимый мой, очнись!

Бахрам

Ты еще здесь, змея?

(Глядя со страхом и омерзением, отступает.)

Уйди... Уйди!..

Боюсь тебя...

Укусишь!..

(Беспомощно озираясь.)

Да помогите же — возьмите эту тварь!

Диларам

(порывисто закрывая лицо)

О господи... За что?..

Бахрам

(злорадно указывая на нее пальцем)

Ага-а-а, сама боится!..

(Внезапно, пошатнувшись, опять хватается за лоб.)

Да что ж это со мной?

Что с головой моей?

Гудит, клокочет — как котел чугунный...

(Яростным взглядом обводит окружающих.)

Вы что уставились?

У-у, дьявольские морды!

Что, ненавидите меня?

Убить хотите?

Придворные в страхе отступают.

Ни с места, подлые!

Не смейте расходиться!

Всем оставаться здесь —

ждать нового приказа,

А я подумаю, как дальше поступить...

Стиснув кулаки, Бахрам резко поворачивается и сквозь испуганно расступившуюся толпу снова отходит в глубину сцены. На протяжении нескольких минут, пока происходит дальнейшее действие, он молча и неподвижно, словно окаменев, стоит в полумраке, повернувшись ко всем спиной.

А р д а ш е р

(начальнику стражи)

Нам надо поторапливаться, друг,—
Наш долг — исполнить волю государя,
Чтоб не разгневался...

С а р х а с

(своим воинам)

Взять старика под стражу.
А этих двух — связать.
В пустыню отвезем.

Н у г м а н

Прочь руки, негодяи! Сам пойду.

(Обращаясь к Дияраму.)

Запомни, дочь моя:
нельзя терять надежды,
Верь справедливости владык небесных!
Прощай... Молиться буду за тебя!..

Сопровождаемый стражей, почтенный старец медленно удаляется. Тем временем несколько других воинов, схватив Дияраму и ее служанку, собираются увести их.

Д и л я р а м

(пытаясь вырваться)

Бахрам!.. Любимый мой!..

Что ты творишь?
Опомнись!..

Убей меня, Бахрам, убей своей рукою!..

(Рыдающим голосом.)

Как ты несчастен будешь без меня!..

Повернувшись ко всем спиною, Бахрам продолжает неподвижно стоять в глубине сцены, подобно черному, зловещему изваянию. Воины уводят обеих женщин. Начальник стражи спешит следом за ними,— визирь окликает его.

А р д а ш е р

Постой, Сархас.

Д и л я р а м

(за сценой)

Бахрам!.. Убей меня, Бахрам!..

А р д а ш е р

Послушай мой совет: будь бережнее с нею,
Не мучь, не обижай.

С а р х а с

А это почему?

А р д а ш е р

Вдруг он простит ее — вернуть прикажет?

С а р х а с

А ты, пожалуй, прав...

А р д а ш е р

К Драконьему ущелью
Их отвезешь. И место заметишь —
На всякий случай...

С а р х а с

Все понятно, друг.

(Начальник стражи быстро уходит.)

А р д а ш е р

(глядя ему вслед)

Полдела сделано...

Пошлю погоню вскоре —
И ты в моих руках, жемчужина моя!

Г о л о с Д и л я р а м

(издалека)

Бахра-а-ам!.. Бахра-а-ам!..

А р д а ш е р

(вздвогнув, закрывает лицо ладонью)

Нет силы это слышать!..
Но ничего... Недолго ждать осталось —
Назавтра к ней спасителем явлюсь я,
Осыплю золотом,
с ней добр и ласков буду,
За все страдания ее вознагражу.

Смолкли в отдалении отчаянные возгласы Дилярам... Неподвижно стоявший в глубине сцены Бахрам внезапно поворачивается к придворным. Сразу видно, что его рассудок по-прежнему одурманен выпитым зельем, но мрачное опьянение сменяется теперь приступом буйного веселья: лицо падишаха озарено сатанинской радостью, рот оскален в жестокой и лукавой усмешке, горящие, воспаленные глаза блуждают, движения неожиданны и порывисты.

Толпа придворных и слуг, сгрудившись по обе стороны озаренной факелами сцены, в страхе и смятении ожидает новой яростной вы-ходки своего обезумевшего властителя.

Б а х р а м

Свершилось!.. Наконец-то я дождался!
Свободен я, спасен!..

Ха-хха-а-а!

Давно бы так!..

(Обводит веселым взглядом испуганно застывшую толпу.)

Что, напугал я вас?

Теперь меня не бойтесь —
Теперь я петь хочу, смеяться, пировать!
Где мой венец?

Подайте мой венец —
Пусть видят все:
я — властелин вселенной,
Земля и небо мне принадлежат,
А эта глупая луна — моя рабыня,
Хочу — помилую,
хочу — казнить велю!..

(Задрав голову, указывает на темное, ночное небо.)

Смотрите, сколько звезд!

Хватайте их, хватайте —
И станет каждая монетой золотую...
Сегодня щедрый я —

всех наградить хочу!
Поди сюда, мой друг,
мой верный Ардашер,
Устроим пир такой,
чтоб небу жарко стало,—
Хочу отпраздновать спасение мое!
Всех приглашаю, всех!..

А р д а ш е р

(поспешно раздает приказания)

Зовите музыкантов.
Танцовщиц привести.
И факелов побольше.
Готовьте дастархан,
несите угощенья —
Наш добрый шах желает пировать!

Загудели барабаны; забегали слуги. Входит новая группа воинов с факелами и выстраивается по краям сцены. Несколько вельмож приближаются к государю, бережно неся на бархатной подушке его старинный, осыпанный самоцветами, золотой венец. Бахрам надевает венец, усаживается на почетном месте, снова подзывает к себе обеих красавиц. Амрита и Наима садятся рядом с властителем, опять начинают заигрывать с ним.

Появляются музыканты и танцовщицы. Грянула и полилась быстрая, увлекательная мелодия, закружились в стремительной пляске смуглые рабыни. В глубине сцены суетятся проворные слуги, готова праздничный дастархан, расставляя блюда с угощениями. В толпе шныряет, путаясь у всех под ногами, хромой, горбатый уродец — шахский шут. Под звуки веселой музыки придворные рассаживаются за дастарханом, уставленным блюдами и подносами с дорогими яствами. Виночерпии наполняют чаши с вином. Охваченный буйным весельем падишах громко поет, размахивая кубком, а обе красавицы бесстыдно обнимают его. Трепещущее пламя факелов мрачно озаряет это безумное ночное пиршество. Тем временем Ардашер незаметно отходит на самый дальний конец сцены. Из полумрака ему навстречу выступает уже давно стоявший наготове молодой воин. Быстро глянув по сторонам, Ардашер обменивается с ним короткими, негромкими фразами.

А р д а ш е р

Теперь пора, Сухраб.

Бери своих людей —
И мчись стрелой к Драконьему ущелью.
Что делать, помнишь?

С у х р а б

Помню, господин.

А р д а ш е р

Быстрее... Отправляйтесь!..

Молодой воин исчезает.

Ну, Бахрам,—
Теперь я отомстил тебе, счастливец,
Гордец надменный!

О-о, с каким злорадством
Я завтра над тобою посмеюсь!
Пусть до утра безумит кровь твою
Мое коварное, хмельное зелье,—

(Заметив хромого горбуна.)

А-а-а, мой веселый шут!
Поди-ка, брат, сюда.

Где прятался так долго?
Ты нужен мне,— стать падишахом хочешь?
А ну-ка, поглядим...

(Напяливает на него золотой венец.)

Каким ты стал красивым!
Над всей страной власть
тебе передаю...
Эй, поклонитесь новому владыке!

(Выходит на середину сцены.)

Вот и разорваны последние оковы —
Ничем не связан я...

Смотрите на меня!
Вы все — в руках судьбы.

Лишь я один — свободен.
Свободней ветра я... Свободнее огня...
Да, я — огонь!

Огонь!..
Всю землю сжечь могу...
Эй, небо,— берегись!
Я и тебя сожгу!..

(Грозит небу поднятым кулаком, раздражается громким пьяным хохотом и, откинувшись назад, падает на руки подбежавших слуг.)

Снова грянула музыка, закружились танцовщицы. Бурная мелодия стремительной пляски становится все громче, заглушая голоса, раскатистый смех, пьяные выкрики пирующих. В полуночном мраке, при свете трепещущего на ветру пламени факелов все безумней клопочет разгульное веселье. Захмелевшие придворные, рассевшись вокруг угощений, о чем-то кричат и спорят, осушая чашу за чашей... В буйной пляске кружатся перед ними полуобнаженные рабни... Громко хохочет Бахрам, обнимая двух прильнувших к нему красавиц... На адскую оргию, на праздник в преисподней похоже это шумное, разнузданное ночное пиршество, озаренное, обрызганное, будто алой кровью, зловещими, багряными отблесками пылающих факелов.

Стремительная музыка все нарастает. Сцена медленно погружается в темноту... Звучит симфонический антракт: громкая музыка буй-

ного танца сменяется протяжной мелодией песни Дилирам, печально льющейся на фоне мрачных, трагических аккордов.. Постепенно музыка стихает, темнота на сцене начинает рассеиваться. Снова становятся видны очертания шатров, смутно проступают сквозь предутреннюю мглу вершины далекой горной гряды. Близится рассвет, но еще в глубокий сон погружен шахский лагерь. Остатки ночного пиршества уже убраны, кругом ни души. И лишь в стороне, у подножья старого дерева, виднеется зловещая фигура стоящего в напряженном ожидании Ардашера.

Ардашер

Уже почти светло...

А их все нет и нет...

Но впрочем, путь далекий.

Да и ночь

Была сегодня темной и ненастной —

Для бегства и злодейства в самый раз!

Так что же я волнуюсь?

Сам не знаю...

И все же — как не волноваться мне?

Недолго ждать —

вот-вот должно решиться:

Сумею ли за крылья золотые

Мечту мою поймать

иль упущу из рук?..

Но нет!.. Не может быть!..

Заранее продуман

Мой каждый шаг по этой узкой тропке,

И пусть над пропастью она ведет,

Я не боюсь —

я своего добьюсь,

Сумею радостью желанной насладиться,

А там — хоть умереть!..

Скорей бы только

Вернулись люди верные мои...

(Оглядывается, прислушивается.)

А, наконец-то!..

Быстро, бесшумно входят три молодых воина во главе с Сухрабом. Молча останавливаются на краю сцены, в тени большого дерева. Оглядевшись по сторонам, Ардашер подходит к ним. В предутреннем полумраке слышится их негромкий, отрывистый разговор.

С у х р а б

Все сделано, мой господин.

А р д а ш е р

Отлично.

С у х р а б

Сархаса больше нет.

А р д а ш е р

Где голова его?

С у х р а б

Вот, господин.

И, открыв кожаную сумку, висящую на поясе, Сухраб достает рыжебородую голову. Подняв ее за волосы, показывает визирю. Хищное лицо Ардашера на мгновение озаряется зловещей улыбкой. Насмешливо обращается он к голове своего убитого сообщника.

А р д а ш е р

Салам тебе, приятель,—

Не выпьем ли по чарочке с тобой?..

Ну что, крикун,— теперь угомонился?

Мне жаль тебя, поверь...

Но что я мог поделаться—

Ты слишком много знал, мой дорогой Сархас,

А много знать нельзя...

(Сухрабу.)

Зарой. Да побыстрее.

И никому — ни звука.

С у х р а б

Все понятно...

(Прячет голову убитого в сумку.)

А р д а ш е р

(самодовольно улыбаясь)

За верность и усердье, мой Сухраб,
С меня награда причитается.

(Позвякивает монетами на ладони.)

Но раньше
Ты о красавице подробней расскажи:
Как чувствует себя?
Утешилась? Не плачет?
Ее в пещере ты надежно спрятал?
Охрану выставил?

Сухраб стоит, угрюмо потулясь.

Да что же ты молчишь?
Что с нею?.. Отвечай!..

С у х р а б

Мы... не нашли ее...

А р д а ш е р

(вздрагнув)

Как?.. Не нашли?..

(С искаженным лицом надвигается на Сухраба.)

Ты что, с ума сошел?
Несчастный, как же ты посмел вернуться?..

(Яростным шепотом.)

Скорей!

Скачите в степь!

На то же место!

Обшарьте каждый холмик, каждый кустик —
Всю степь до самых гор!..

А если не найдете —

Смерть вам, скоты!

С у х р а б

(запинаясь от страха)

Простите, господин...

Не гневайтесь на нас...

А р д а ш е р

(бешено трясет его за плечи)

Где, где она, мерзавец?..

С у х р а б

Не знаю я... Святым огнем клянусь!..

Как видно, кто-то нас опередил —

Она исчезла вместе со служанкой...

Следы коней я видел...

А р д а ш е р

Что?.. Следы?..

Что ж вы, глупцы, не бросились в погоню?

С у х р а б

Пытались мы... Но ветер был всю ночь —

Следы песком замел...

Ардашер

(в ярости отталкивает его)

А-а, негодяи!..

Скоты безмозглые!..

Ступайте прочь!

Зачем я это дело вам доверил!..

Сухраб и его друзья отступают, поспешно исчезают... Становится все светлее — полумгла рассеивается, первые лучи озаряют вершины далекой горной гряды... Кругом — тишина, лишь глухо звучит прерывающийся от волнения голос потрясенного Ардашера.

Все рухнуло!..

О повелитель неба,

Уже совсем в руках жемчужина была,

Уже в мечтах своих ее ласкал я,

И вдруг...

О подлая судьба!..

Когда бы знать,

Кто, кто посмел меня опередить —

Кто клад похитил мой?

Кто крылья золотые

Мечте моей сломал?.

Попался бы он мне —

Руками этими его бы задушил я,

Зубами горло перегрыз!..

(Пытаясь взять себя в руки.)

Что ж делать?

Я должен что-то поскорей придумать —

Догнать,

спасти,

вернуть ее!.. Но как?

На части разрывается мой мозг —

И ничего мне подсказать не может!..

(В порыве отчаянья.)

Глупец, глупец я!..

В дерзком ослепленье

Задумал я судьбу перехитрить,

Мудрей змеи считал себя, безумец,

А словно червь — раздавлен...

(Спешит к государю, склоняется перед ним.)

Как почивать изволил наш владыка?

(Испытующе смотрит ему в лицо.)

Бахрам

(лениво потягиваясь)

Уфф... Как убитый, спал...

И нич-чего не помню!..

Вчера мы, кажется, потешились на славу,—

Давно так весело не пировали, правда?

Я выпил лишнего...

Ох, голова трещит!..

(Проводит ладонью по лбу.)

Какой-то сон приснился мне тяжелый,

А вспомнить не могу...

Был чей-то плач и крик...

А может, это я кричал и плакал?

Огонь пылал...

И кровь плескалась в чашах.

И чьи-то морды дьявольские лезли,

А я не человеком — тигром был!..

(Пристально смотрит на свои руки.)

Да-да, я помню:

вместо этих пальцев

Кривые когти были у меня,

И кровь стекала...

Даже вспомнить страшно...

Ну что за мерзкий сон!..

(Оглядывается на собравшуюся в глубине сцены молчаливую свиту.)

А это что за люди?

Ардашер

Вернейшие из ваших слуг, мой шах.

По знаку визиря придворные медленно приближаются к шатру.

Бахрам

(вглядываясь)

Какие лица странные у них —
Ни одного припомнить не могу...
И все молчат...

Вы почему молчите?

Никто не решается ответить. Резко повернувшись, Бахрам задышающим голосом обращается к Ардашеру.

Что... Что случилось?.. Говори скорей!..

(Прерывистым шепотом.)

Где... Дилярам?..

Все молчат в смятении.

Ардашер

Мой шах...

Бахрам

(диким голосом)

Где Диляра-а-ам?..

(И, внезапно вспомнив обо всем, хватается за голову.)

Великий боже! Что я натворил!..

Словно протяжный вой раненого зверя, вырывается этот возглас из груди молодого падишаха. Он шатается, будто под порывами внезапно налетевшей бури. И вдруг, словно сраженный невидимым клинком, в беспомощности рушится на землю.

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТ

Медленное, мрачное оркестровое вступление к этому акту изображает глубокое, безысходное отчаянье, в которое погружена измученная душа Бахрама, разлучившегося со своей возлюбленной. Траурные, приглушенные голоса труб словно переносят нас под гнетущие своды шахского дворца, в котором надолго воцарились тоска и скорбь, струящиеся горестными волнами звуки скрипок подобны стонам исстрадавшейся груди, а глухие, мерные удары литавр напоминают о неумолимой поступи времени, об упрямой и зловещей силе неотвратимой судьбы, о близящемся возмездии. Снова и снова возникает на этом фоне протяжная, тоскующая мелодия песни Дилярам — словно доносящийся издалека горестный упрек, словно неотступно преследующее душу воспоминание о навеки погибшей любви.

Когда раздвигается занавес, на погруженной в полумрак авансцене виден одиноко сидящий на самом краю старый, седобородый Нугман. Перед ним мерцает неяркий светильник, на резной подставке раскрыта большая тетрадь в толстом кожаном переплете с узорными застежками. Склонясь над нею, мудрый Нугман что-то неторопливо пишет тонким, длинным каламом, перечитывает написанное, по-старчески шевеля губами, и пишет дальше. Затем, когда музыка стихает, почтенный старец бережно кладет свой калам, и в наступившей тишине начинает негромко звучать его задумчивый, печальный голос.

Н у г м а н

Три года — три жестоких, тяжких года —
Прошло с тех пор, как наш несчастный шах
В безумном, непонятном ослепленье
На смерть послал голубку Дилярам.
Всю жизнь пишу я летопись мою,
О всех событиях строго повествуя,
Но нет прискорбней строк в моей тетради,
Чем горестная повесть этих лет.

О вседержитель! Как я расскажу
О том разящем, словно меч, рассвете,
Когда, очнувшись после буйной ночи,
Шах свой поступок страшный осознал —
Завыл он, застонал, как дикий зверь,
Свою подругу в чаще потерявший,
И грянулся в беспомыслии на землю,
И был без чувств три ночи и три дня.

Тем временем встревоженный визирь
Во все концы послал лихих джигитов,
Им приказав во что бы то ни стало
Сыскать живой иль мертвой Дилярам, —
Семь дней повсюду рыскали они,
Всю степь обшарили — до самых гор,
Но не смогли ни нежную голубку,
Ни верную прислужницу найти...

(Медленно поднимается с места.)

Три тяжких года минуло с тех пор —
Так и не смог оправиться Бахрам,
Не зажила пылающая рана —
Такой удар он сам себе нанес.
Тоскою по утраченной подруге,
Раскаяньем мучительным палимый,
Он до сих пор горит в огне страданий,
Как не горят и грешники в аду.

Три года это длится: то в бессилье
Лежит пластом и плачет падишах,
То в ярости, отчаянье, безумье
Беснуется, кричит, судьбу клянет...
Каких мы только лекарей искусных
Не приглашали к жалкому страдальцу,
Каких молитв над ним мы не читали —
Ничто ему пока не помогло.

Осталась обезглавленной страна —
Не в силах мученик державой править,
Но быть без кормчего корабль не должен,
И это вскоре понял падишах:
Признав свое бессилье и недуг,

Собрал он у одра своих терзаний
Вельмож старейших во главе со мною
И нам бразды правленья передал.

*(Берет в руки, тяжелую тетрадь, задумчиво
перелистывает.)*

Вот здесь, в хранимой бережно тетради,
Когда-нибудь прочтут потомки наши
О всех событьях, что за полстолетья
Наш край многострадальный пережил.
Трем шахам я служил,— всех благородней,
Всех строже был покойный падишах:
Он мудро правил... А с его кончиной
Пришла в упадок древняя страна.

Всего пятнадцать лет Бахраму было,
Когда воссел на отчий свой престол,
Семь лет он правил — и еще три года
В мученьях и отчаянье провел...
О сладость власти,— есть ли яд коварней
И пагубней для молодой души?
Подобострастье, роскошь, лезть — пред ними
Мудрец и то не каждый устоит!

Так и Бахрам.... Каким он в детстве был
Веселым, чутким, ласковым, послушным!..
А стал каким?.. Жестоким, своевольным,
Нетерпеливым, как голодный тигр.
Налог удвоил — разорил страну,
Мятеж поднялся — потопил в крови!..
Быть может, лишь теперь, в огне страданий,
Очистится от зла его душа?

(Смолкает. Потом, горестно вздохнув, продолжает.)

Три года мы старались, как могли,
Все, что возможно было, предприняли,
Чтоб нашу разоренную державу
От новых смут и бедствий уберечь,—
Но если в бурях надломился руль,
Легко ли кораблем тяжелым править,

А если пламя в чаше разгорелось,
Легко ли потушить лесной пожар?

Мы закрома открыли для голодных,
Мы полказны раздали неимущим,
Но эти запоздалые щедроты
Не помогли — народ нас не простил:
Кипит его душа — забыть не хочет
О прежних жертвах, грабежах, бесчинствах!..
О силы неба!.. Что же дальше будет?..
Несчастный век. Несчастливая страна.

(С горьким вздохом кладет тетрадь на подставку.)

Однако скоро полночь...

В это время
Какого-нибудь странника приводят
К нам во дворец,
чтоб до утра скиталец
Рассказывал о том, что повидал.
И, слушая затейливую повесть
О чудесах чужих, далеких стран,
Хоть ненадолго забывает шах
Свои мученья...

(Гасит светильник.)

А теперь пора —
Пойду проведать нашего страдальца.

Снова приглушенно вступает сумрачная музыка,— сцена медленно озаряется тусклым светом. Становится виден сводчатый зал с беломраморными стенами и колоннами, покрытыми узорной сетью искусных орнаментов. Все кажется бледным, призрачным в этом белом, едва освещенном зале: неподвижно лежащий на ложе из слоновой кости, прикрытый белым покрывалом падишах, неподвижно стоящие возле его изголовья, словно застывшие привидения, одетые в белое придворные и лекари, белые занавеси на окнах и дверях, охраняемых воинами, закутанными в белые плащи. Гнетущая печаль и призрачность подчеркивается бледным сиянием светильников, стоящих в глубине сцены.

Опираясь на свой высокий, резной посох, старый Нугман медленно вступает в зал, пристально смотрит на лежащего с закрытыми глазами падишаха, а затем, бесшумно ступая по белому ковру, отходит в сторону, жестом подзывает к себе старшего лекаря, начинает вполголоса беседовать с ним.

Н у г м а н

Как государь?

Л е к а р ь

Уснул. Опять тяжелый день.

Н у г м а н

А что такое?

Л е к а р ь

Как морской прибой,
Его недуг — прихлынет и отхлынет...
И вот сегодня — новая волна.

Н у г м а н

(встревоженно)

Да что ты говоришь!

А ведь еще вчера,
Когда был шах в сандаловом дворце,
Казался бодрым он,
совсем спокойным,
Со мной беседовал до самой темноты
И в первый раз подробно расспросил,
Какие новости в стране,
а на прощанье
Откушать плова пожелал со мной...
Так что ж сегодня с ним?

Л е к а р ь

(что-то показывая ему)

Вот, полюбуйтесь.

Н у г м а н

Что это — косточка?

Лекарь

Вы только посмотрите,
Какая тонкая и острая.

Случайно
Она, как видно, в плове оказалась,
А государь нашел ее, припрятал,
Ждал до утра...

Нугман
А утром?..

Лекарь

Жилу вскрыть
Пытался этой костью...

Нугман

Боже правый!
Так, значит, до сих пор покончить с жизнью
Желает государь?

Лекарь

(горестно вздыхая)

И уж не в первый раз.
Вы сами знаете,—
все острые предметы
Из шахской спальни приказал убрать я,
За ним следить велел,
при нем был неотлучно
И все ж — недоглядел...

Нугман

А что же дальше было?

Лекарь

Когда увидел шах,
что снова не сумел он
Свой мрачный замысел исполнить,
адским гневом

Бахрам

(с трудом повернувшись к нему)

Где он?.. Вот этот?..

Подойди поближе...

Странник подходит, падает на колени, склоняется до земли.

Ты кто?..

И почему... лицо твое закрыто?..

Странник

(не поднимаясь с колен)

Великий шах!

Я — бедный жалкий грешник,
И в знак раскаянья святую клятву дал я
Всю жизнь ходить под этою чадрой.

Бахрам

А если... прикажу... чтоб ты лицо открыл?..

Странник

Зачем тебе, великий и премудрый,
Мое лицо?

Позволь ничтожному рабу
Не нарушать священного обета.

Нугман

Он прав: обет не должно нарушать.

Бахрам

Что ж... Хорошо...

Ардашер

Садись — и начинай рассказ.

Не бойся — добр и милостив владыка,
Тебя он наградит...

Стр а н н и к

Мой шах, любой награды
Дороже честь, оказанная мне.

Ар д а ш е р

(усмехнувшись)

Однако ты умен...

Н у г м а н

Поведай нам, почтенный,
О самом удивительном,
что встретить
Тебе в далеких странах довелось.

Б а х р а м

И все-таки... пускай сперва расскажет,
Зачем надел чадру...

Ар д а ш е р

Мы слушаем тебя.

Странник усаживается на указанное ему место — у изножья шахского ложа. Перед ним ставят низенький столик с чаем и угощениями. Визирь и лекарь помогают падишаху приподняться, подкладывают ему под спину подушки, а затем почтительно становятся чуть поодаль. Перед тем как начать свой рассказ, странник молитвенно поднимает руки, прося у неба помощи и благословения.

Стр а н н и к

Будь милостив ко мне, владыка неба,
Приди на помощь,
просветли мой разум,—
Не ты ли сам, всезнающий, решил,
Чтоб столько лет
в скитаниях провел я?

Не ты ли направлял мои стопы
Из края в край — от Рума и до Хинда?
Так сделай так,

чтоб ясным и правдивым
Был ныне мой бесхитростный рассказ.

*(Взяв пиалу и слегка приподняв чадру, незнакомец
отпивает глоток чая, а затем неторопливо продолжает.)*

Да, мудрый шах,—

на долгие скитанья
Обрек меня всевышний судия,
И все же в городе одном старинном
Пришлось надолго задержаться мне.
Вошел я в этот город —

и случайно,
Безлюдным переулком проходя,
Из-за ограды звуки струн певучих
И грустный женский голос услышал.
Лишь с песней девы,

плачущей в раю,
Мог тот напев пленительный сравниться!
И чем я дольше слушал этот голос,
Тем все знакомей он казался мне.
Такой тоской,

такою сладкой болью
Вливалась в чашу сердца эта песнь,
Что возмечталось мне

любой ценою
Певунью эту дивную узреть...

Н у г м а н

(стоя в стороне, задумчиво)

О если бы хоть раз ему пришлось
Услышать пение несчастной Дилярам...
Да приютит ее в раю всевышний!

С т р а н н и к

(продолжает)

Узнал я от знакомых горожан:
Живет она у старого купца,

Он добр, богат,
известен благочестьем,
В святом Азаре трижды побывал.
Узнал я:
из далекого скитанья
Он деву чужеземную привез
И вот уже три года эту пери
Хранит, лелеет, как родную дочь.
И думать стал я:
как теперь проникнуть
В богатый дом, к почтенному купцу,
Как утолить души моей желанье —
Хоть раз на деву дивную взглянуть?
Извелся я, страдал,
ночей не спал,
Пока господь меня не надоумил,—
И с той поры,
в день по двенадцать раз,
Стал камфору упорно принимать я...

Б а х р а м

(приподнявшись на локте)

Вот это любопытно... А зачем?

С т р а н н и к

Сейчас узнаешь, мудрый государь,—
У лекарей спроси,—
конечно, им известно:
Кто долго принимает камфору,
Себя от грешной похоти избавит.
Три месяца я снадобье глотал,
Пока мужская сила не иссякла,—
Тут в белую чадру
впервые я облекся
И в дом купца почтенного пришел.
Пришел я —
в ноги бросился ему,
Всю правду рассказал ему открыто,
Сказал, что перестал я быть мужчиной
И дивной девы стать рабом хочу.

Бахрам

Что ж было дальше?..

Странник

Расскажу, мой шах.

Незнакомец наливает себе чаю, неторопливо отпивает несколько глотков. Стоя в стороне, Ардашер напряженно следит за ним, с трудом сдерживая нарастающее волнение.

Ардашер

(чуть слышно)

Он что-то знает...

Или просто лжет?..

Ужели вот она — разгадка тайны?

Нет-нет... Не может быть!..

(Громко, обращаясь к незнакомцу.)

Спасибо, добрый гость,—
Теперь мы поняли, зачем чадру ты носишь...
Но расскажи о чем-нибудь другом —
Наверно, удивительных историй
Немало знаешь ты...

Странник

Конечно, господин.

Ардашер

Так расскажи о чем-нибудь веселом —
Владыку позабавь.

(В сторону.)

А правду из тебя
Еще успею вытрясти!..

Бахрам

Постойте...
Пускай сперва доскажет...

Лекарь

(наклонясь к изголовью)

Государь,
Еще ваш дух и тело не окрепли,
И слушать о событиях прискорбных
Вам не советую...

Бахрам

(раздраженно прерывает его)

Довольно!.. Не мешайте...
Не слушай их, скиталец,— продолжай.

Странник

«О чем же так душа твоя грустит?»
Красавицу сочувственно спросил я.
Взглянула пери

влажными глазами

И с горьким вздохом отвечала мне:
«Сама я виновата...

Целый год

Была я самую счастливой в мире —
В чертогах пышных,

в роскоши и неге

Я словно птица райская жила,
Любил меня великий властелин,
Ласкал, берег, во мне души не чаял,
И я его любила...

Так любила,

Что даже слов таких на свете нет!
Как два весенних трепетных ручья,
Сливались наши радостные души...
А в том,

что разлучились мы навеки,
Лишь я одна виновна — я одна!..»

Ардашер

Вот так всегда бывает, государь,—
Неблагодарен женский род лукавый...

Бахрам

А как она в пустыне очутилась?

Странник

Сейчас я и об этом расскажу.
Я тоже, мудрый шах, ее спросил:
«Но кто ж связал тебя,
в пустыне бросил?..»

И тихо мне страдальца сказала,
На грудь роняя слезы-жемчуга:
«Увы, мой друг,—
тебе ли объяснять,
Как счастье на земле недолговечно?
За гордый нрав,
упрямый, своевольный,
Меня судья небесный покарал...
Случилось это в дни большой охоты.
Всех превзошел любимый мой...»

А я —

Заносчивая, гордая —
при всех
Его насмешкой дерзкой оскорбила.
И в гневе приказал мой властелин
Жестоко наказать свою рабыню:

Связать ремнями,
отвезти в пустыню —
И бросить на съедение зверям!..»

Бахрам

(порывисто поднимаясь с ложа)

Что ты сказал?..

Ардашер

(бросаясь к страннику)

Что ты сказал, несчастный!..

Тяжело дыша от волнения, с трудом держась на ногах, потрясенный Бахрам, шатаясь, устремляется к Нугману, словно ища у него защиты и спасения.

Бахрам

Учитель мой!.. Скажи... Скажи скорее...

Кто это, кто?..

(С ужасом указывает на поднявшегося с места незнакомца.)

Не совесть ли моя
Явилась в этом облике ужасном —
С лицом закрытым —
чтоб терзать меня?..

Странник

Великий шах...

Бахрам

Сгинь, сатана!.. Исчезни!..
(Прижавшись к Нугману.)

Спаси меня, отец...

Священным заклинанием
Прочь отгони его!..

Нугман

(стараясь сохранять спокойствие)

Не бойся, сын мой,—
Напрасно ты тревожишься...

Наш гость
Нам рассказал о странном совпаденье...

Как сон, причудлив этот мир,—
а разве
Не повторяются порою наши сны?
Вот так и в жизни:
дважды или трижды
В различных странах,
с разными людьми
Случается почти одно и то же...

Бахрам
(жадно слушая его)

Одно и то же?..

Нугман
Вся земная жизнь,
Мой сын, лишь цепь несчетных повторений,
Судьбы круговорот...

Бахрам
(торжествующе)

А-а-а!.. Все тогда понятно!
Так, значит, на земле еще один нашелся
Такой же изверг — мой живой двойник!
Ха-хха-а!.. Хотел бы хоть разок взглянуть
На этого глупца!
Пускай бы рассказал он,
Как драгоценную свою звезду
В грязь затоптал,
как собственной рукой
Цветок любимый свой,
алмаз неповторимый,
Судьбы своей единственную радость
На смерть послал, на смерть!..
Да, встретиться бы с ним —
Уж вот бы посмеялись друг над другом!..

Нугман
(пытаясь успокоить его)
Довольно, сын мой... Зря себя не мучай...

Лекарь поспешно наполняет чашу, подносит падишаху.

Бахрам

Что это?

Лекарь

Снадобье целебное, мой шах.
Прошу вас, выпейте...
Оно вас успокоит.

Бахрам

(отталкивая чашу)

Да убирайся ты со снадобьем своим!
Яд нужен мне!
Ты понял?.. Яд змеиный —
Чтоб в муках умереть!..

Нугман подходит к неподвижно стоящему незнакомцу.

Странник

Быть может, мне уйти?

Нугман

Нет-нет, пока останься...
Но послушай:
Я вижу, ты умен, красноречив,—
Встревожил государя твой рассказ,
Так лучше ты б его и успокоил.
Прошу тебя:
припомни что-нибудь —
Затейливую сказку или повесть,—
Такое, что могло бы падишаха
Утешить и развлечь...

Н у г м а н

(негромко откликается)

Увы, наш гость,
Своим рассказом — сам того не зная —
Ему напомнил ты
о горестной разлуке
С красавицей любимой...

Ст р а н н и к

Боже правый!
Три года так терзаться!..

Б а х р а м

(тяжело дыша, шагнул вперед)

Час настал...
Да, час настал!.. Пора, давно пора
Перешагнуть порог земной темницы,
Чтоб этот бренный ад
сменить на вечный ад!..
Зачем когда-то со скалы прибрежной
Не бросился я в омут голубой?
Не ведал я тогда,
от скольких горьких мук
Избавился бы сразу!..

(Ударяя себя по груди.)

Эту клетку
Сломать пора, сломать!
Пусть подлая душа,
Запятнанная кровью и позором,
Отсюда вырвется —
и пусть во всем бесчестье
Предстанет, наконец, перед судом!..

(Шатаясь, направляется к стоящим в дверях воинам.)

Н у г м а н

Остановить его?

Лекарь

Нет-нет... Сейчас нельзя...
Еще страшнее буйствовать начнет...
Придется подождать...

Бахрам

(остановясь перед воинами)

Эй вы, тупые твари,
Ослы, бездельники!..
Что пялите глаза?
Смеетесь надо мной?..

(Разрывает на груди рубаху.)

Вот грудь моя — рубите!
Кто всех смелей?

Пусть обнажит клинок
И грудь распорот мне одним ударом
И пусть мое отравленное сердце
Псам на съеденье бросит!..

Воины неподвижно стоят.

Что стоите?
Я, повелитель ваш, приказ вам отдаю:
Клинки из ножен!

Грудь мою рубите!
Кто первый?

Тысячу динаров золотых
Ему в награду!..
Ну?..

Воины по-прежнему неподвижны.

Молчите, негодяи?
Скоты безмозглые!
Чурбаны! Дармоеды!
Клинки из ножен!.. Живо!..

Воины стоят, словно каменные.

А-а-а, боитесь?

Да разве резать, потрошить, кромсать
Я плохо вас учил
 в те славные денечки,
Когда мы с бунтарями расправлялись?
Так что же вы?!..

(Беспомощно озирается.)

Не слышат... Не хотят...

(Снова обращается к воинам.)

А может быть, меня... меня не узнаете?
Так изменился я?.. Вглядитесь: я — Бахрам,
Ваш добрый государь... Я вам вручил оружие,
Я из казны моей платил вам столько лет,
Кормил вас досыта,
 хвалил усердье ваше,—
Так что ж теперь единственную просьбу
Исполнить не хотите?..

Воины неподвижны. Бахрам падает на колени.

 Вот... смотрите!
Я — повелитель ваш, великий падишах —
Как раб, ничтожный раб,
 о милости прошу вас,
О жалкой милости!..

(Протирает руки, плачет.)

 О-о-о, помогите мне!..
Сюда, сюда клинок отточенный вонзите —
По рукоять, по рукоять!..
 Не дайте
Добавить мне ко всем грехам постыдным
Самоубийства неизбывный грех!..
Скорей!! Я жду...
 Скорее!..

Воины неподвижны. Хрипло дыша, Бахрам поднимается с колен.

А-а-а, мерзавцы!

Да будьте прокляты вы, трусы!..
Перед вами
Еще я вздумал унижаться... Прочь!..
Обжоры! Мужеложцы!..
Прочь с дороги!
Довольно мучиться мне в этой западне!..

(Порывается к дверям.)

Воины молча скрещивают копья, преграждая ему путь.

Что?.. Не пускаете?..
Да вы с ума сошли!
Мне, повелителю, дорогу преградить?..

(Бешено трясет скрещенные перед ним копья.)

Пустите — слышите?..
Пустите, негодяи!..
Пустите!.. А не то!..

(Задыхаясь от ярости, останавливается.)

Ха-хха-а!.. Понятно все!..
Вы продались врагам моим заклятым...
Вступили в заговор...
Живьем меня гноите...
Смерть вам, изменники!..

(Внезапно хватается за голову, отступает.)

О-о-о, что я говорю?..
Здесь только я один достоин смерти,
Достоин вечных мук,
достоин злейших пыток!
Нигде нет места извергу такому —
Ни на земле,
ни даже под землей!..

И с протяжным, мучительным стоном Бахрам бросается ничком на свое ложе, плечи его сотрясаются от беззвучных рыданий. Лекар и придворные встревоженно столпились возле его ложа. Нугман и старший лекарь негромко переговариваются.

Лекарь

Теперь он успокоится. Уснет.

Нугман

О господи, таким же точно был он
И в первый день — тому назад три года!
Ни тени исцеленья!..

Лекарь

Что поделать —
Все снадобья бессильны...

Нугман

Нет надежды?

Лекарь

Об этом знают только в небесах...

Бахрам затих. Вместе со старшим лекарем Нугман медленно приближается к его изголовью. А тем временем Ардашер незаметно отводит странника на дальний конец сцены.

Ардашер

(торопливо, вполголоса)

Кто ты такой?

Откуда?

Кем подослан?

Что рассказал ты — правда или ложь?
Ну, говори скорей!..

Странник

Могу лишь государю
Всю правду я открыть.

А р д а ш е р

(хрипло шепчет ему на ухо)

Сначала мне скажи...
Как звать красавицу?
Где прячется она?
Ответишь — все проси,
дам золота тебе,
Богатым сделаю!..

С т р а н н и к

(отталкивает его)

Пусти... Меня не купишь!..

А р д а ш е р

Ах, вот ты как?..

(Обернувшись к стражникам.)

Подите-ка сюда.

Подходят два воина.

А ты помалкивай — иначе хуже будет...

(Негромко приказывает воинам.)

Ко мне его немедля проводите —
И чтобы не сбежал!

С т р а н н и к

Не думай, Ардашер,
Что так легко в ловушку попадусь.

А р д а ш е р

Меня ты знаешь?..

Странник

Знаю или нет,
Но не к тебе пришел я — к падишаху.

Нугман

(подойдя к ним)

В чем дело?

Ардашер

(вкрадчиво)

Да ни в чем, почтеннейший Нугман.
Беседую, как видишь, с нашим гостем.
Он тоже потрясен припадком государя —
Не знает, что сказать...

Придется чужеземцу
О горестном событии поведать,
Повергшем в это скорбное безумье
Владыку нашего.

Пойдем, наш добрый гость,
До потолкаем по душам...

Странник

(указывая на воинов)

А этих

Берешь с собой, чтоб было веселей?

Нугман

(начиная догадываться)

Постой-постой...

(отводит Ардашера в сторону.)

Скажи, да только прямо:

Уж не допрос ли страннику ты хочешь
В застенке учинить?

А р д а ш е р

(криво усмехнувшись)

Зачем тебе вникать
В мои дела, почтеннейший Нугман?
Есть у тебя и поважней заботы —
Ты старшим над вельможами поставлен,
Почетом окружен.

А мне позволь остаться —
Как прежде — верным псом сторожевым
И шаха охранять.

Н у г м а н

Ты взять под стражу
Задумал странника?
Закон гостеприимства
Решаешься попать?..

А р д а ш е р

Я только исполняю
Свой долг первейший, дорогой Нугман.
Да, чужеземца должен допросить я,
И если подозрения мои
Не оправдаются,
пускай себе уходит
На все четыре стороны...

Н у г м а н

Я знаю,
Что из когтей твоих никто еще ни разу
Живым не вырвался,
жестокий человек!

А р д а ш е р

(все раздраженнее)

Да, я жесток с врагами государя —
Не то, что ты, Нугман!

(Со злобной насмешкой.)

Ты добрый, ты святой,
Ты щедростью своей прославиться задумал,
Воспользовавшись немощью владыки,—
На ненасытный сброд,
на нищих расточаешь
Тебе доверенную шахскую казну,
Ты чернь ленивую,
бродяг приبلудных кормишь
Из житниц государевых!..

(С угрозой в голосе.)

Ну что ж.
Тебе еще ответ держать придется
За все расхищенное шахское добро —
И не завидую тебе...
Но если хочешь,
Чтоб я до времени терпел,
хранил молчанье
О всех тобой творимых беззаконьях,
Вот мой совет:
тебе я не мешаю —
Так не мешай и мне!

(Круто повернувшись, отходит.)

Н у г м а н

(повысив голос)

Остановись, визирь,—
Я странника не дам в обиду!..

Ардашер поворачивается. Его лицо искажено злобой.

Ардашер

(яростным шепотом)

Хватит!..

Коварный недруг во дворец пробрался,
Он неспроста лицо свое скрывает,
Он погубить задумал государя,
А ты ему потворствуешь, Нугман?..
Смотри, помалкивай!

И не играй с огнем —
Тебя нетрудно обвинить в измене,
В последний раз тебя предупреждаю —
Иначе сам в застенок угодишь!

(Повернувшись к воинам.)

Вы слышали приказ?

Воины подходят к молча стоящему незнакомцу.

Нугман

Не смейте гостя трогать!

Ардашер

Не слушайте его.

Берите проходимца.

Странник

(отталкивая воинов)

Подите прочь!..

Ардашер

Ого, какой строптивый...
Добром не хочет — силой взять его!

Воины обнажают сабли.

Н у г м а н

(встав в дверях)

Не смейте!..

А р д а ш е р

(в бешенстве)

Убирайся!..

Л е к а р ь

(стоя у изголовья падишаха)

Тише... Тише!..

Вы что, не видите — очнулся государь,
Сказать желает что-то...

Б а х р а м

(хриплым шепотом)

Что... случилось?..

О чем вы спорите?.. О чем?..

А р д а ш е р

Мой повелитель,
Не слушай больше этого бродягу,—
Я знаю точно:

тайными врагами
Он во дворец подослан.

И обязан
Я допросить как следует его.

Б а х р а м

Нет-нет... Оставь... Оставь его в покое...
Пускай уходит с миром...

Странник

Пусть всевышний
Вознаградит тебя, великий падишах,
За доброту и за великодушье.
Знай, государь:

не растревлять пришел я
Души твоей мучительную рану —
Я исцеление тебе принес.

Бахрам

Не понимаю...

Странник

Все, что рассказал я,—
Не ложь, не вымысел,
а истинная правда:
Жива красавица твоя!..

Ардашер

- (прерывая его)

Молчи, безумец!..
Он лжет, мой государь!..

Бахрам

(в голосе его — безнадежная усталость)

И хорошо, что лжет...
Ложь для меня целительнее правды...
Она жива —
ты прав, безвестный странник,—
Жива в моей душе,
жива в моем безумье,
Жива в отчаянье, в раскаянье моем...
Жива в моих глазах —
и днем, и ночью
Передо мной ее печальный облик

Всплывает, как живой...
Зовет... И упрекает...
Она жива... Ты прав... Она жива...

Стр а н н и к

(все тверже и настойчивей)

Очнись, Бахрам,
Не сладостною ложью
Пришел я одурманивать тебя —
Хотелось мне воочью убедиться
В раскаянье твоём.
Теперь я вижу,
В какой ты бездне прожил эти годы
И как страшны страдания твои...
Так знай:
настал конец твоим страданиям,
Тьму побеждает утро золотое,
А если ты словам моим не веришь —
Знакомо ли тебе мое лицо?..

Незнакомец срывает с себя чадру. Все замирают от изумления.
Вздрыгнув и привстав, падишах неподвижным взглядом смотрит в
лицо пришельцу.

Б а х р а м

Ты?.. Быть не может!..

А р д а ш е р

Боже мой — Мани!

Г о л о с а

— Мани!..

— Мани!..

— Художник знаменитый!..

— Уж вот кого никак не ожидали!

— Надел чадру...

— Бродягой притворился!..

— Ну и ловкач! Всех обмануть сумел!..

Придворные с волнением и любопытством окружают неожиданного гостя. И лишь Ардашер, пытаясь скрыть свое смятение, отступает на дальний конец сцены.

А р д а ш е р
(вполголоса)

Сомнений нет...

Она жива... нашлась!..

Опять — в его руках!..

Так, значит, все сначала?

Опять ему смеяться, мне — страдать?..

О подлая судьба!..

Отбросив покрывало, Бахрам медленно встает, не сводя глаз со своего старого знакомого. Прославленный художник низко и почти-тельно склоняется перед падишахом.

М а н и

Прости меня, великий государь,
Я обмануть тебя не собирался:
Боялся я, чтоб мой приход неожиданный
Не взволновал и не потряс тебя,—
Вот почему не сразу я решился
Лицо свое открыть...

Б а х р а м

(глаза его лихорадочно блестят)

Постой-постой...

Я что-то не пойму...

Все в голове смешалось...

Здесь только что сидел неведомый скиталец

И мне рассказывал...

Так это ты и был?

М а н и

Конечно, государь.

А хочешь убедиться —

Вот доказательство правдивости моей.

Достает спрятанный на груди узорный шелковый платок. Дрожащей рукой падишах осторожно притрагивается к платку, потом берет его в руки, жадно разглядывает. Чувствуется, что он до сих пор не в силах поверить неожиданному известию.

Бахрам

Платок... Да-да, платок с таким узором
Был у нее...

Смотри — надорван уголок!..
Она его покусывать любила,
Когда задумывалась...

(Подносит платок к лицу.)

Боже правый!..
Знакомый запах... Аромат весны..
Луга тюльпанами пылают..
Солнце блещет —
Благословляет нас!..
И мы — вдвоем, вдвоем!..

(Пронзительно смотрит в лицо Мани.)

О, если ты пришел,
чтоб искушать меня,
Чтоб посмеяться над моим страданием,
Будь проклят навсегда — и в том, и в этом
мире!..
Зачем ко мне явился?..
Отвечай!

Все стоят, затаив дыхание.

Мани

(твердо)

Клянусь тебе землей и небесами,
Клянусь огнем на алтаре святом,
Клянусь бессмертным именем Зардушта,
Спасением души моей клянусь:

Жива красавица,
чье имя — Дилярам,
Жива — и ждет тебя!

Бахрам

(словно эхо, негромко повторяет)

Жива... Она жива...

(Внезапно осознает ослепительную правду этих слов.)

Жива!.. Спаслась!..

Простила!

Ждет меня!..

(Истукленно воздевает руки к небу.)

О всеблагой, не дай мне умереть!

Дай встретиться!

Еще хоть раз увидеть!..

(Падает на руки подбежавших придворных.)

Еще хоть раз...

Лишившегося чувств Бахрама бережно укладывают на ложе.

Лекарь

Скорей... Подушку подложите.

Вот так... Чуть выше...

Надо кровь пустить...

Нугман

Не надо ничего...

Теперь он исцелен.

Вступает тихая, торжественная музыка.

Хвала тебе, Хурмуз!

Благодарим тебя,

Что ты помиловал великого страдальца!

Был строг твой приговор:

чтоб здесь, еще при жизни,

Сквозь черный ад прошла его душа.

Ты видел, наш судья:
три года этот мир
Был для него страшнее мук загробных,—
Теперь воскреснет он,
слезами и страданием
Очищенный, как золото в огне.

Торжественная музыка нарастает.

Молитесь в этот час,
о братья дорогие,
Чтоб чист и радостен
был путь души воскресшей,
Чтоб в новой жизни счастлив был Бахрам!

Взволнованный Мани подходит к изголовью падишаха.

М а н и

(лекарю, вполголоса)

Ну как?.. Что с ним?.. Известием неожиданным
Я не сразил его?

Л е к а р ь

(напряженно следя за больным)

Дыханье все ровнее...
Кровь прилила к щекам,
теплеют руки...

(Со вздохом облегчения.)

Хвала всевышнему, в себя приходит шах!

Н у г м а н

От радости, мой друг, не умирают.

Под нарастающие звуки просветленной музыки занавес медленно закрывается. Короткий симфонический антракт построен на мелодии песни Дилярам,— снова по-весеннему свежо и трепетно, словно сбывающаяся надежда, звучит эта волнующая песня. А потом опять на

несколько мгновений возникает, подобно горестному воспоминанию, сумрачная тема страданий Бахрама, но вскоре как будто растворяется в светлых волнах певучего успокоения.

Внезапно в плавное струение этой мелодии вторгаются — сначала приглушенно, а затем все слышнее — звуки бешеной скачки, стремительный топот коней, веселое гиканье джигитов. Следует быстрая средняя часть этой симфонической картины, изображающая шахских гонцов, мчащихся к Дилярам с посланием от ее возлюбленного... Но вот опять широкой, распевной волною нарастает лирическая мелодия — взволнованно ширится, подобно предчувствию близкого счастья, становится все мощней и неодолимей, а затем, достигнув своего полного звучания, плавно струясь, как вздох глубокого облегчения, медленно стихает.

Когда занавес снова открывается, виден цветущий весенний сад, озаренный яркой луной. Среди покрытых белоснежными цветами деревьев раскинуты разноцветные шелковые шатры. Вдали видна залитая серебристым лунным светом живописная панорама: величавый горный хребет, зеленые луговые склоны, далекие водопады... Под сенью старой раскидистой чинары, окружив одетую в белое платье Дилярам, расположились на коврах и подушках молодые служанки. Среди них — ее верная подруга Назира. Перебирая чуткие струны сазов, девушки негромко поют. Изредка из густой листвы доносятся звонкие трели соловья, словно вторящего их задумчивой песне.

Хор девушек

Глаза твои цветам подобны
в сверканье утренней росы,
Качается твой стан упругий,
как будто чуткие весы.
Свечи горящей ты стройнее:
ты вся — как золотое пламя,
А по плечам игриво вьются
две черные твои косы.
Они двумя ручьями льются
по кипарисовому стану,—
О, что сравниться может с чудом
твоей пленительной красы,
Твоей пленительной красы!..

Песня девушек смолкает. Воцаряется задумчивая тишина. Под звуки негромкой, протяжной песни Дилярам откинулась на шелковые подушки и погрузилась в дремоту. Заметив это, Назира делает знак служанкам, чтобы они не шумели.

Назира

Молчанье, девушки!..

Спит наша госпожа.

Теперь вы тоже отдыхать ступайте,
А я побуду возле Дилярам.
Спокойной ночи!

Девушки расходятся. Назира бережно накрывает уснувшую Дилярам легким цветным покрывалом, ласково смотрит на свою госпожу.

Спит моя голубка...
Измучилась бедняжка в ожиданье
Счастливой встречи...
Дай-то ей всевышний
Увидеться с любимым наконец-то
И счастье после стольких мук найти!
Подумать,
сколько вынести пришлось ей,
Да и Бахраму нашему не сладко
В разлуке было:
говорят, три года
Он днем и ночью проклинал себя,
Рыдал и ворот рвал
в раскаянье безумном —
Три года болен был!..
Дай бог, чтоб в самом деле
Добрее стал теперь
наш грозный падишах
И больше никогда терзать ее не вздумал
Ни злобной ревностью,
ни яростью своей...
Скорей бы он приехал!
Труден путь,
К тому же после тяжкого недуга
Еще как следует владыка не окреп,
А то бы уж давно сюда примчался...
Однако велено,
чтоб завтра на рассвете
Готовы были мы властителя встречать.
Нелегкий будет день.
Спи, госпожа, спокойно,
И мне самой бы надо отдохнуть...

Назира ложится возле Дилярам. В оркестре снова возникает мелодия протяжной песни девушек—она звучит плавно и негромко, словно колыбельная. Мягкий, серебряный свет луны заливает живо-

писную окрестность. В густой листве снова начинает звонко свистать и щелкать соловей, потом смолкает... Дилярам и Назира спят. Внезапно плавная мелодия, звучащая в оркестре, резко обрывается.

На краю сцены, за кустами, возникает зловещая тень. Это — Ардашер. Он крадучись приближается, озирается по сторонам, не сразу замечая спящих в тени раскидистого дерева двух молодых женщин.

А р д а ш е р

Ага... Я не ошибся... Это — здесь!..

А вот ее шатер...

Так, значит, не напрасно

Коня до полусмерти я загнал,

Всю ночь, как бешеный,

по бездорожью мчался,—

Я свиту царскую опередить сумел,

Теперь терять не должен ни мгновенья.

Пускай в объятьях этой лунной ночи

Самодовольно спит

державный, гордый лев

И сладко грезит о своей подруге,

А дерзкий барс тем временем сумеет

Добычу выкрасть!..

(Осторожно выходит из-за кустов.)

А... Здесь кто-то есть!..

Две юных девушки...

И обе крепко спят...

Одну из них я вижу — Назира...

А кто ж другая?..

(Дилярам во сне поворачивается, лунный свет падает на ее лицо. Ардашер хватается за сердце.)

Боже... вот она!..

Опять стрела — горящая стрела...

Впилась...

Пронзила грудь!..

(Жадно вглядывается.)

Как хороша!

Ничуть не изменилась...

Даже ярче,
Нежней, чудесней за три года стала
Ее мучительная красота —
Глаза мои слепит!..

О наш судья небесный,
За что страдание такое мне послал?..

(Приближается к ней.)

Спит... Безмятежно спит...

И даже знать не знает,
Что здесь, как зверь бездомный, я стою,
Как жалкий грешник перед входом в рай,
Куда ему вовеки не проникнуть!..
О если бы сейчас я высказать ей смог
Все, что в душе несчастной накипело,
Всю страсть мою,
что столько лет скрываю,
Что столько лет сжигает душу мне...
Но здесь — ее служанка...

Вот проклятье!
Опять преграда на моем пути!..

(Яростно сжимает кулаки.)

Спит... равнодушно спит...

Ох, если б только мог,
Ее бы задушил вот этими руками,
Чтоб не досталась больше никому!..

(Осененный внезапной мыслью.)

Так что ж я медлю?

Два удара саблей —
И обе пробудиться не успеют,
А сны счастливые
досмотрят в небесах...

Нарастает тревожная музыка. Ардашер обнажает саблю.

Вот средство верное...

В одно мгновенье

Покончу я с мучением моим!

Встав у изголовья спящей Дилярам, Ардашер взмахивает обнаженным изогнутым клинком... Тревожная музыка стремительно нарастает — и внезапно обрывается... Рука с обнаженной саблей медленно, бессильно опускается.

Нет... Не могу!..

(Ардашер отступает.)

Еще жива надежда,
Еще, быть может, своего добыюсь,
Сначала к хитрости попробую прибегнуть,
А там посмотрим...

Не поможет хитрость —
Тогда рука не дрогнет у меня!
Не буду торопиться...

Не своя взгляда со спящей Дилярам, Ардашер медленно отступает. При этом он опрокидывает стоящий на подносе кувшин. Слышится резкий звон... Дилярам вздрагивает, быстро приподнимается на ложе... Ардашер одним прыжком исчезает за кустами.

Д и л я р а м

А?.. Кто здесь?.. Кто?..

Н а з и р а

(тоже проснувшись)

Что с вами, госпожа?

Д и л я р а м

(вскакивает, испуганно озираясь)

Здесь кто-то был!..

Вон там мелькнула тень...

Н а з и р а

(поднимается, оглядывается)

Нет никого...

Д и л я р а м

(задыхаясь от волнения)

Здесь кто-то был, я знаю...
Зверь или человек...
Смотри — кувшин лежит...
А где же девушки?

Н а з и р а

Едва вы задремали,
Я отослала их... Сама осталась здесь —
И тоже задремала на минутку...

Д и л я р а м

Да кто же это был?

Н а з и р а

Наверное, шакал
Или бездомный пес — их много тут шныряет.

Д и л я р а м

(начиная успокаиваться)

Ты думаешь?..
Должно быть, ты права...
А я-то, глупая, так испугалась!

Н а з и р а

(заботливо)

Не надо волноваться, госпожа,
Увидите, все будет хорошо:
Настанет утро,
сдержит обещанье
Наш падишах — приедет завтра к нам,
Вот будет радость!
А потом в столицу
Отправимся с великим торжеством —

Назира

Нет, госпожа, не слышно ничего...

Диларам

Почудилось...

Должно быть, это ветер
Или далекий гром...
А сердце от волнения
Так и забилося, так и запылало,
Как бабочка в огне!

Ах, Назира моя,
Когда б ты знать могла,
какая боль и сладость
В тревожном ожидании таком,
Не стала бы смеяться надо мною!

Назира

Да разве я смеюсь?
Волнуюсь вместе с вами.
Легли бы, госпожа,— рассвет еще не скоро,
А надо отдохнуть...

Диларам

Спасибо, дорогая,
Но, видно, больше не смогу уснуть.
А ты ступай в шатер — вздремни еще немного,
Замучилась ты, бедная, со мною —
Спать не даю тебе.

Назира

Ну что вы, госпожа...
Позвольте, лучше я останусь с вами.

Диларам

(ласково)

Иди, иди спокойно... Ты устала —
Я вижу по глазам.

Назира

Вы так добры ко мне...

Дилярам

Ты самый верный друг мой, Назира.
Ступай.

Мне хочется одной побыть немного.
Желаю добрых снов.

Назира

Спасибо, госпожа.

(И, склонившись перед Дилярам, служанка уходит.)

Дилярам

(одна)

Ах, неужели не напрасно жду
И сбудется желанье всех желаний!
Подумать только —
первый луч блеснет,
Заря в лазурном небе разгорится,
И я услышу топот скакунов,
А посреди веселой, пестрой свиты
Увижу всадника,
спешащего с востока,
Откуда солнце яркое встает...
О нет!..
Два солнца в этот миг увижу:
Одно — на небесах,
другое — на земле,
Здесь, наяву, лицом к лицу со мною!..
Скорей бы рассвело...
Нет больше силы ждать!

Дилярам задумчиво стоит, держа в руке письмо своего возлюбленного. Внезапно из-за ствола старой чинары появляется сгорбленная фигура седобородого старика в потрепанном дорожном плаще.

Старик

Салам тебе, красавица.

Дилярам тихонько вскрикивает, хочет бежать.

Не бойся...

К тебе не подойду...

Дилярам

Кто ты такой?

Старик

Я тот, что всех несчастней в этом мире.

Дилярам

Не понимаю...

Старик

Выслушай меня.

Дилярам

Ты бедный странник — судя по одежде...
Что ж, говори...

Старик хочет приблизиться. Дилярам испуганно отступает.

Нет-нет, не приближайся!..

Я слушаю тебя.

Старик

Да, правду мне сказали,
Что в целом мире ты прекрасней всех.
Ты — как жемчужина,
как сказочная пери,
Что к нам явилась в этот лунный час...

Дилярам

Ты только это мне пришел сказать?

С т а р и к

Увы, красавица... Пришел я, чтоб тебя
Немного огорчить...

Д и л я р а м
(встревоженно)

О чем ты говоришь?

С т а р и к

Великий шах Бахрам...

Д и л я р а м
(вскрикивает)

Что с ним случилось?

С т а р и к

Постой, красавица... За жизнь его не бойся —
Он жив и невредим.

Д и л я р а м

Хвала владыке мира!
А я так испугалась...
В чем же дело?

С т а р и к

Напрасно шаха ждешь.
Он не придет к вам.

Д и л я р а м
(в изумлении)

Как, не придет?..

(Показывает письмо.)

Вот его посланье...
Сегодня на рассвете ждем его!

С т а р и к

Шах не приедет к вам.

Д и л я р а м

Но что произошло?
Какие-то неожиданные события?
Но ты же говоришь,
он жив и невредим,—
Так что ж ему приехать помешает?
Прошу тебя, прошу...
Всю правду расскажи!..

С т а р и к

Любовь...

Д и л я р а м

Любовь?

С т а р и к

Но только не к тебе —
К другой красавице слепая страсть
Безумным сердцем шаха завладела.
Как вихрь,
как молния,
нежданная любовь
Его глаза внезапно ослепила!..
А ты умна, красавица,—
ты знаешь:
Не уживутся две хозяйки в доме —
Две страсти не вмещаются в душе...
Он не приедет.

Д и л я р а м

Быть того не может!

С т а р и к

Я слишком стар, чтоб говорить неправду.

Д и л я р а м

(растерянно)

Но как же... Как же так?..
В своем посланье
Он мне такие клятвы расточает,
О вечной верности мне пишет,
о любви,
Которой, словно морю, нет пределов!..
Ты не безумен ли, старик?

С т а р и к

Не я —
Твой шах безумен!.. Разве ты не знаешь,
Как своевольна,
как непостоянна,
Как ненасытна гордого Бахрама
Тигриная душа?
Вчера он ласков был,
Сегодня злые когти выпускает,
Сегодня он изгнать,
пытать,
казнить грозит,
А завтра вновь щедротами осыплет...
Глупец, кто доверится ему!

Диялярам порывисто закрывает лицо руками.

Но ты не плачь, красавица...
Поверь —
Не стоит он одной твоей слезинки!

Д и л я р а м

(горестно восклицает)

О лучше б я в пустыне умерла!..

С т а р и к

Не мучайся напрасно, не терзайся...

Д и л я р а м

(отпрянув от него)

А, все теперь понятно!..

(Задыхаясь от возмущения.)

Вот ты каков!..

А с виду мудр, почтенен...

Да как тебе не стыдно, аксакал?

Теперь ни слову твоему не верю!..

Не странником святым ты оказался,

А просто сводней старую!..

(С повелительным жестом.)

Ступай!

Ступай — и передай пославшему тебя:

Один владыка есть у Дилярам —

Ему верна до самой смерти буду!

*(Гордо выпрямясь, стоит перед ним оскорбленная
Дилярам.)*

С т а р и к

(отступив на несколько шагов)

Напрасно сердисься, красавица моя,

Тебе морщинки гнева — не к лицу...

Сперва узнала бы,

кто этот человек.

Тогда заговоришь, быть может, по-другому.

Д и л я р а м

(насмешливо)

Что ж, любопытно знать, кто он такой...

С т а р и к

Он здесь... перед тобою!..

Старик срывает с себя накладную седую бороду, распрямляется, сбрасывает старый плащ — и предстает перед изумленной Диларам в роскошной парчовой одежде.

Д и л я р а м

Ардашер?!..

А р д а ш е р

Да, это я...

Тайком сюда пришел...

Вся жизнь моя теперь — в твоих руках,
Но не губи отчаянную душу!

Д и л я р а м

Тебя отлично помню, Ардашер:

Ты ловок и хитер,

но хитрости такой

Я даже от тебя не ожидала.

(С нарастающим гневом.)

Зачем ты притворился стариком?

Зачем ко мне украдкой явился?

Зачем терзал мне душу?..

Отвечай!..

А р д а ш е р

(с искренней болью в голосе)

Терзал? Тебя?..

Нет, это я истерзан

Моим безумием — проклятием моим!

Когда бы в грудь мою ты заглянула,

Увидела бы ты:

в крови моя душа

От страсти и от мук неизлечимых!..

Д и л я р а м

(глубоко возмущенная)

И ты еще о чувствах говоришь?

Изменник!

Негодяй!..

Теперь я понимаю,

Зачем ты клеветал на моего Бахрама,

Зачем посмел о нем

так злобно говорить:

Ты верность испытать мою хотел,

Пытался тщетно отыскать лазейку,

Чтоб, словно червь, мне в душу заползти?

Так? Говори!

А р д а ш е р

Да, ты права, царица...

Но выслушай меня...

Д и л я р а м

И слушать не хочу!

(Хочет уйти. Ардашер удерживает ее.)

А р д а ш е р

Постой!..

Еще ты многого не знаешь...

Три года тайно я тебя искал,

Повсюду разослал людей надежных,

В отчаянье терзался день и ночь,

Жил лишь одной мечтой,

надежду безумной,

Что свой алмаз потерянный найду,

И вот — нашел!

Д и л я р а м

И, словно подлый вор,
Чужой алмаз решил тайком украсть?..
Зверь... Жадный зверь!..

(Снова порывается уйти.)

А р д а ш е р

Еще одно мгновенье!..
Не добивай израненную душу —
Ведь даже зверю доброта нужна!

(Дилярам останавливается.)

Ты помнишь:

был я послан за тобою,
Чтоб выкупить или украсть тебя,—
Еще когда на твой портрет глядел я,
От сладкой боли затомилась грудь,
Когда ж тебя увидел в первый раз
Живую, наяву —

о жгучее мгновенье!—
Любовь, любовь отравленной стрелою
Пронзила душу мне...

И с той поры
Нет человека на земле несчастней.
Представь себе:

глядеть на ваши ласки,
На вашу пылкую, беспечную любовь,
А самому от ревности и злобы
Как будто в адском пламени гореть,—
Костер отчаянья

скрывать в своей груди,
От зависти бессильной задыхаться,
А с виду быть угодливым и лстивым,
И улыбаться,

и молчать, молчать...
Врагу подобных мук не пожелаю!
О, как я мучился, никто не знает,—
Нет друга у меня,

которому открыть бы

Я тайну мог свою,—
и лишь творец, наверно,
Смеялся надо мною в небесах!

Д и л я р а м

Тогда ответь мне на один вопрос:
В тот страшный день,
в минуту роковую,
Когда разгневала я нашего владыку,
Зачем ты масло подливал в огонь?
Зачем предательскими, гнусными речами
В душе Бахрама
ярость разжигал ты —
Зачем стремился погубить меня?

А р д а ш е р

Не погубить — тебя спасти хотел я!
Не знаешь ты,
Что в ту же ночь тайком
Моих вернейших слуг
отправил я в пустыню,
Тебя в песках надеясь отыскать,—
Хотел тебя,
О мой алмаз бесценный,
Найти,
от лютой гибели спасти,
Бежать с тобою за моря и горы,
Чтоб счастья долгожданного достигь!
Три дня,
три ночи я тебя искал,
Покуда не отчаялся,
не понял,
Что ускользнуло счастье от меня...
Прошло три года...
И когда узнал я,
Что ты жива,—
каким неожиданным счастьем,
Какой надеждою безумной запылала
Опять моя душа!..
И вот на крыльях страсти
Примчался я сюда — с мольбою о любви.

Д и л я р а м

Что ж, если в самом деле ты влюблен —
Тем хуже для тебя.

Да разве променяю
Звезду лучистую на жалкого червя?

А р д а ш е р

Не оскорбляй меня.

Я — тоже человек.

А кто звезда, кто червь — еще посмотрим!
Звездой его зовешь?

Давно ее лучи

В болоте мерзости и крови потонули.
Могуч он, думаешь?

За этот краткий срок

В упадок он привел отцовскую державу.
Богат он, думаешь?

Пуста его казна,

Теперь я в десять раз его богаче!

Д и л я р а м

А ты решил, глупец,

что своего владыку

Лишь за богатство да за власть люблю?

А р д а ш е р

Забудь Бахрама!

Он тебя погубит,

Опять в пустыне бросит!..

Д и л я р а м

Ну и пусть!

Кто любит, тот и смерть готов принять
Из рук любимого!

А р д а ш е р

Бежим со мною!

Бежим отсюда!..

Д и л я р а м

Ты с ума сошел!
Тебя я больше слушать не желаю!..
Прочь убирайся!..

А р д а ш е р

(заслоняет дорогу)

Не пущу тебя,
Пока не выслушаешь до конца...
Бежим со мною!..
Вон за тем холмом
Ждут наготове храбрецы мои —
Они, как псы, верны
любым моим приказам!
Оседланы стремительные кони,
Вьюки дорожные полны рубинов,
Алмазов, жемчугов...
Как буйный ветер,
Умчимся мы с тобой на край земли,—
Шах не догонит нас...

Д и л я р а м

Довольно, Ардашер.
Ведь лишь из жалости я слушала тебя.
Но это слишком.

Возмущенная Дилярам снова порывается уйти. Но Ардашер в отчаянье падает перед ней на колени, хватая Дилярам за край одежды, удерживает ее.

А р д а ш е р

Смилуйся, царица!
Смотри: перед тобою на коленях,
Как жалкий раб,
несчастный раб, стою!
Я был коварен, грешен и жесток,
Но знай:
любовь меня преобразила.

Не отвергай меня...

Бежим со мною —

И ты не пожалеешь никогда!

Входит Бахрам, — вздрогнув, он останавливается как вкопанный при виде мужчины, стоящего на коленях перед Дилярам.

Не отвергай меня!..

Подумай только:

В его руках ты лишь забавой будешь —

Игрушкой хрупкою

для прихотей его,

А для меня ты будешь госпожой,

Царицей гордою,

богиней недоступной —

Всю жизнь молиться буду на тебя,

Дворцы тебе роскошные воздвигну,

Любым желаньям буду угождать,

Умру у ног твоих!..

Стоящий в тени Бахрам продолжает напряженно слушать.

Дилярам

(холодно)

Теперь ты все сказал?

Тебя я выслушала терпеливо —

Хотела, чтоб открыл ты до конца

Все тайники свои,

всю глубь души коварной!..

Не бойся — выдавать тебя не стану,

Но и надежд безумных не питай, —

Ты мерзок мне.

Ардашер

(вскочив на ноги, в ярости)

Ах вот ты как, гордячка?

Неблагодарная, продажная рабыня!

Меня заставила ты на коленях ползать,

Унизила меня!..

А я, глупец, считал,

Д и л я р а м

(взволнованно вскрикивает)

Бахрам!..

Б а х р а м

(надвигаясь на Ардашера)

Предатель!.. Наконец-то вижу,
Кто ты такой!..

(Обнажает саблю.)

А р д а ш е р

Посмотрим, кто кого!

Яростно рубятся саблями.

Д и л я р а м

Скорей сюда!..

На помощь!.. Люди, люди!..

Сюда! На помощь!..

Бахрам выбивает саблю из рук своего врага. Ардашер перепрыгивает через ограду и скрывается. Во двор врываются молодые воины во главе с Сухрабом. Вбегают Назира и другие служанки, бросаются к Дилираму.

Двор ярко озаряется багряным блеском факелов.

Н а з и р а

Что случилось, госпожа?

С у х р а б

Кто звал на помощь?

Б а х р а м

(задыхаясь от волнения)

Торопись, Сухраб!

Проклятый Ардашер... Хотел ее убить...
Догнать его!..
И взять живьем... Живьем!..
Быстрее же, быстрее!..

*(Воины устремляются в погоню. Бахрам идет к
Диярам.)*

Хвала судьбе
За то, что вовремя явиться я успел,
За то, что дожил я до этой встречи!

(Протягивает к ней руки.)

Любовь моя!..

Д и л я р а м

(бросаясь к нему)

Мой господин! Мой шах!

Б а х р а м

Моя отрада!.. Счастье ты мое!..

(Обнимает ее.)

Начинает разгораться рассвет.

Н а з и р а

(расстроганная)

Ну вот и дождалась мы этой встречи —
Соединились солнце и луна!

Быстро входит С у х р а б.

С у х р а б

Мой шах, прости,— живьем его не взяли.
Он закололся...

Как собака, сдох!..

Но Бахрам не слышит его слов,— он весь погружен в созерцание
своей возлюбленной.

Н а з и р а

(удерживая Сухраба)

Тсс... Не мешай, оставь его в покое...
Не видишь разве?

Указывает на возлюбленных. Сухраб смущенно отступает.

Д и л я р а м

Сколько долгих дней,
Ночей бессонных я ждала, страдала —
И дождалась!

Б а х р а м

Любовь, звезда моя!
Лишь об одном прошу теперь судьбу:
Чтоб нам с тобой вовек не разлучаться,
А умереть в один и тот же час.

Д и л я р а м

В твоих объятьях умереть хочу,
Мой шах, любимый мой!..

(Плачет от счастья.)

Рассвет разгорается все ярче.

ЭПИЛОГ

Бурная и трагичная симфоническая увертюра изображает мрачную, ненастную ночь, бушующую грозу, тяжкие раскаты грома, пронзительное завывание взбесившихся вихрей. Грозно звучит в оркестре тема судьбы, тема неотвратимого возмездия. Словно демоны всех стихий обезумели, сорвались с цепи, закружились в яростной пляске, словно все мироздание задыхается от гнева, от этой неистовой бури: всюду бушует она — и в небе, и на земле, и в людских сердцах... Лишь на несколько мгновений, сквозь беспощадные раскаты грозы, прорезается чей-то горестный возглас, чья-то отчаянная мольба — это звучит тоскующая мелодия песни Дилярам. Но через миг ее заглушают новые удары грома, с новой яростью налетают бушующие порывы ветра.

Когда раздвигается занавес, на сцене еще царит непроглядный мрак, слышится рычание грома, хлещет бешеный ливень, вспыхивают молнии. Но вот громовые раскаты и завывание ветра постепенно стихают, дождь прекращается, на сцене начинает медленно светлеть. В бледной рассветной полумгле становятся смутно видны шатры шахского лагеря на берегу озера, очертания прибрежных утесов, а за ними — сплошная пелена густого тумана.

На высоком побережье стоит, опираясь на свой длинный посох, старый Нугман, рядом с ним Мани и Назира, чуть поодаль — несколько воинов. Они напряженно вглядываются вдаль, тщетно пытаясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь тяжелый туман.

Назир а

Уже светает...

Нугман

Да, хвала Хурмузу,
Сумели эту ночь мы пережить.

Назир а

Ну и гроза была!..

М а н и

Страшнее бури
Еще не доводилось видеть мне.

Н а з и р а

Какой туман густой!.. Не видно ничего...
Как думаете — скоро наших ждать?
Когда они вернутся?

М а н и

Кто их знает...
Дождем в степи размыло все дороги,—
Теперь им возвращаться нелегко.

(Негромко говорит Нугману.)

Слышал? Как только буря началась,
Огонь священный вихрем погасило.
Жрецы всю ночь разжечь его пытались,
А он все гаснет...

Н у г м а н

Да... Недобрый знак!..

Н а з и р а

Подумать только,— под открытым небом
Всю ночь в степи пришлось им провести —
Да под дождем, да в бурю!

Н у г м а н

(печально вздохнув)

Что поделывать...
Увы, как юноша, упрямым, безрассудным
Стал снова наш Бахрам.

М а н и

Что за безумье было
В ненастье — перед самою грозой —
Уехать на охоту!

Н а з и р а

Да к тому же
С собою взять и нашу госпожу...

М а н и

И для чего она отправиться решила —
Понять я не могу!..

Н у г м а н

А разве ты не слышал,
Как горячо его просила Дилярам
Не уезжать?

Когда же убедилась,
Что силы нет его отговорить,
С ним тоже ехать вызвалась.

Н а з и р а

Бедняжка...
Уж до чего она охоту ненавидит,
А все ж отправилась!..

Н у г м а н

(задумчиво)

У любящего сердца
Свои законы,— как сказал мудрец...

Н а з и р а

(с горькой досадой)

И глупые законы!

Дня не может

Прожить без властелина своего!
Сто раз твердила я,
сто раз предупреждала —
Такое до добра не доведет...
Ну что ей вздумалось поехать вместе с ним?
Я тоже хороша — зачем ее пустила?
А тут еще гроза...
И этот дождь ужасный...
О господи, вернулись бы скорей!..

*(Отходит к самому краю берега, вглядывается
в густой туман.)*

М а н и

(обращаясь к Нугману)

Лица его забыть я не могу!..
Вы сами видели,
как запылал Бахрам,
Едва он услышал,
что у Больших болот
Джейраны собрались на водопое!
Охотник страстный он,
об этом знают все,
Но даже от него не ждал такого:
Вскочил, как бешеный,
придворным, ловчим, слугам —
Всем до единого велел седлать коней,
А сидя на храпящем скакуне,
Взглянул,
захочотав,
на сумрачную тучу,
Ей плеткой погрозил — и близящейся буре
Навстречу ринулся,
как будто вызов бросить
Судьбе своей решил!..
И было в этот миг
Таким его лицо, что век не позабуду:
Счастливым,
яростным,
от муки искаженным —

Как будто ослепительная радость
С отчаяньем слилась!..

Н у г м а н

(в суровой задумчивости)

Я знаю, в чем причина
Его неистовства: мучительница совесть
С недавних пор опять томит и гложет
Бахрама нашего.

М а н и

Случилось что-нибудь?

Н у г м а н

А ты не слышал?

М а н и

Нет...

Н у г м а н

Тогда послушай —

И многое поймешь.

В один из первых дней,
Когда опять Бахрам правленье принял
И после трех ужасных лет недуга
Опять воссел в старинном тронном зале
На прадедов престол,

с утра к нему на суд
Мятежников, захваченных недавно,
В оковах привели.

М а н и

Ты тоже был при этом?

Н у г м а н

Увы, мой друг, в то утро роковое
Подняться я не мог — лежал пластом.
Уж целую неделю, как нарочно,

Меня томила старческая немощь,—
Лежал я, жизнь былую вспоминая,
А чтобы заглушить тоску души,
В слезах смиренья наизусть читал
Святые изречения Авесты —
И ни о чем не ведал.

Лишь под вечер

Мне обо всем подробно рассказали,
И ужаснулся я!..

М а н и

Так что ж произошло?

Н у г м а н

Их было двадцать — юношей мятежных
Из дальних областей.

Все — сыновья дехкан,

И все, как на подбор, красивы и отважны,—
Так очевидцы говорят.

С пристрастьем

Допрашивать их начал падишах.

Но были юноши отчаянно смелы —

Не каялись они,

пощады не просили,

Когда же смертью шах им пригрозил —

Отречься предложил

от замыслов бунтарских,

Не дрогнули, безумцы,— встали рядом

И руки вскинули,

и, как святую клятву,

Гремя цепями, возгласили громко:

— Победа или смерть!..

М а н и

Победа или смерть?

Да что же это значит?

Н у г м а н

Так-то, друг.
Теперь ты понял, что творится с шахом?

М а н и

(глубоко взволнованный)

А знает ли об этом Дилярам?

Н у г м а н

Надеюсь, что не знает...
В тот же день
Шах вместе с нею отбыл из столицы.
Придворные и слуги — все молчат,
Жалеют госпожу...

М а н и

О силы неба!
Ведь он поклялся ей вина не пить
И кровь не проливать...

Н у г м а н

Не потому ли
Теперь Бахрам и мучится так тяжело,
Что силы нет признаться ей во всем?

М а н и

Наверное, ты прав...

Н а з и р а

(по-прежнему стоя поодаль, у края берега)

Какой туман тяжелый!
Скорее бы хоть солнце проглянуло...
Когда ж они вернутся, наконец?

Н у г м а н

Но что-то чувствует, как видно, Дилярам —
Недаром с ним впервые на охоту
Поехать вызвалась.

М а н и

Страшится за него.

Н у г м а н

Да я и сам страшусь. Тебе признаюсь, друг:
Видал я много — даже слишком много —
Жестокости и зла,
но все же твердо верил,
Что справедливость в небесах царит.
Теперь ночей не сплю,—
впервые в жизни,
Хотя и страшно мне признаться в этом,
Я в милосердьи вечном усомнился
Хурмуза — повелителя вселенной —
И в мудрости его!
Зачем в тот день меня
Сковал бессильем он — и не позволил
Предотвратить беду?
Зачем он двадцать жизней —
Живой цветник надежды и отваги —
Решил на смерть послать?
Зачем такое бремя
Взвалил на исстрадавшуюся душу
Бахрама нашего?..
Ведь карой неизбежной
Закон возмездия теперь ему грозит!..
Еще так молод он,— а трудно молодому
Быть повелителем...

М а н и

(с глубокой горечью)

Да, друг,— какое счастье

Назира

Да я не за охотников волнуюсь —
За нашу госпожу.

В такую бурю
Могло случиться что угодно с ней!..
Она ведь нежная и хрупкая такая —
Как полевой цветок...

Мани

Ну, хватит. Не тревожься.
При ней охрана есть, народ бывалый,
А падишах — ее надежный щит.

Нугман

(тоже обращается к ней)

Нельзя тревожиться, а то беду накличешь!
Молись ахурам — светлым божествам,
Тому, кто чист, — они всегда помогут.

Назира

Не знаю, что со мной...
Так изнывает сердце,
Так бьется, что молиться не могу...
Мне кажется, с ума сейчас сойду —
Нет больше силы ждать!..

Мани

Постой-ка... Слышишь?

Из тумана доносится смутный гул.

Нугман

Хвала всевышнему, вернулись!

Назира

(радостно всплеснув руками)

Наконец-то!..

Вот уж, наверное, измучились, продрогли,
Не простудилась бы голубка наша...

М а н и

(напряженно прислушиваясь)

Тише!..

Что там за странный шум?..
И барабаны бьют...

Все слышней приближающиеся удары барабанов.

Н у г м а н

Толпа какая-то идет...

М а н и

(указывая в другую сторону)

Оттуда — тоже.

Н а з и р а

(растерянно озираясь)

Да что же это?..

Н у г м а н

(воинам)

Будьте наготове.

М а н и

Ужели вторглось вражеское войско?

Н а з и р а

Владыка неба!.. Помоги... Спаси нас!..

М а н и

(тревожно оглядываясь)

Да их не счесть!

Весь берег окружен!..

С двух сторон, перекликаясь, все громче гудят барабаны.

Н а з и р а

(плача от страха)

Теперь пропали мы... пропали...

М а н и

Замолчи!

(Повернувшись к Нугману.)

Что будем делать?

Н у г м а н

Ждать своей судьбы.

Нам больше ничего не остается...

Об этом я давно предупреждал Бахрама —

Предвидел эти дни.

И вот они настали.

Вслед за одной грозой идет другая —

Еще страшней.

М а н и

Гроза?..

Н у г м а н

А имя ей — народ.

Все ближе удары барабанов, мощный гул надвигающейся толпы.

В ы к р и к и

(из-за сцены)

- Сюда! Сюда!
- Весь берег окружайте!..
- Вот шахский стан!
- Он здесь, кровавый пес!..
- Смелей, друзья!
- Сейчас мы с ним сочтемся!..
- Бей их, проклятых! Бей!..
- Победа или смерть!..

С обеих сторон на берег врывается восставший народ — дехканы, ремесленники, ткачи, кузнецы, вооруженные пиками, кольями, кетменями. Большинство повстанцев — молодежь, но есть среди них и пожилые. Горящие гневом глаза, суровые лица, полные отваги и решимости.

Барабаны смолкли. В напряженном ожидании остановились повстанцы, готовые в любое мгновение смять жалкую горстку шахских воинов, которые сгрудились на краю берега, вокруг Нугмана, Мани и Назиры, держа наперевес свои длинные копья. Из толпы выступает вперед молодой предводитель повстанцев Ахман — высокий, широкоплечий, с порывистыми движениями, с красивым, мужественным лицом. Голова его обмотана окровавленной повязкой, струйка крови запеклась на виске. На нем — заплатанный крестьянский халат, а с перекинутого через плечо ремня свисает сабля в позолоченных узорных ножнах, добытая им, как видно, в недавней схватке с врагами.

Громким, властным голосом обращается Ахман к шахским воинам.

А х м а н

Победа или смерть!

Бросай оружие!

Шахская стража в смятении озирается.

Н у г м а н

(воинам)

Сражаться смысла нет...

Воины бросают свои копья и щиты. Нугман выступает вперед.

Вы кто такие, братья?

А х м а н

Тебе не братья мы.

Где падишах?

Н у г м а н

Сначала сам ответь: кто вы такие?

А х м а н

Где падишах?

(Обернувшись к повстанцам.)

Обшарить все шатры —
Живьем Бахрама взять!

Н у г м а н

Напрасно не трудитесь —
Бахрама нет.

А х м а н

Где он?

Н у г м а н

Не знаю, сын мой.
А если б знал — навряд ли бы сказал.

А х м а н

Ты — сразу видно — из вельмож.
Поберегись, старик,
с тобой не шутят!

Н у г м а н

А ты — дехканин,
тоже сразу видно, —
Что ж по-разбойничьи со мною говоришь?

Толпа повстанцев загудела от негодования.

Г о л о с а

- Сам ты разбойник!
- Кровь вы нашу пили!
- Терзали, грабили, душили наш народ!..
- Где падишах?
- Где этот пес кровавый?..
- Эй, отвечай, коль жизнь тебе мила!..

Н а з и р а

(в ужасе прижимаясь к Мани)

Кто это, кто?..

А что же с нами будет?..

Убьют, прикончат нас!..

А х м а н

(обернувшись к ней)

Не плачь, тебя не тронем.

(Грозно шагнул к Нугману.)

А вот тебя, старик, мы говорить заставим.

Ты, видно, старший здесь.

Ответишь, где Бахрам?

Опираясь на свой длинный посох, Нугман спокойно стоит перед ним.

Н у г м а н

Быть верным юному Бахраму-падишаху

Мне завещал покойный государь.

Ему поклялся я.

И клятву не нарушу.

Я смерти не боюсь.

Твори со мной, что хочешь —

Ни слова не добьешься от меня.

Ш а м с у р - б о б о

Постойте!..

Не губите!..

Его я знаю... Этот мудрый старец
Однажды мне помог...

Он — добрый, справедливый...

Ты помнишь ли меня, Нугман-ата?

А х м а н

Так ты Нугман?

Что ж сразу не сказал?

(Прячет кинжал в ножны.)

Я много слышал о тебе, почтенный.
Был я горяч, прости...

Но ведь и я поклялся:

Не перед шахом — перед всем народом,
И верен клятве буду до конца.

(Подходит к обезоруженным воинам.)

Где ваш Бахрам?

Что ж вы, глупцы, молчите?

Бойтесь, что вернется повелитель
И вас казнить велит?

Теперь его не бойтесь —

Правленье кончилось жестокого тирана,
Повержен трон его!

Избранникам народным

Отныне будет власть передана.

Час гнева наступил!

Сегодня вся страна

Охвачена бушующим пожаром,—

Нет края,

где теперь грозою не гремел бы

Наш гордый клич:

«Победа или смерть!..»

Вы тоже были жалкими рабами —

Вы злomu извергу безропотно служили,
Его кровавые приказы исполняли,
Как псы послушные...

Хотите искупить
Свою вину перед родным народом?
Тогда одумайтесь,
пока еще не поздно,
Вступайте в наш отряд!..

(Резко оборачивается, прислушивается.)

Что там такое?

Невдалеке слышались чьи-то громкие голоса.

В ы к р и к и

(за сценой)

- Бросай оружие!..
- Победа или смерть!
- Тащите их сюда!.. Попались, негодяи!..

А х м а н

Эй, что произошло?..

Г о л о с а

- Еще троих поймали!..
- Ведут сюда...
- Гонцы от падишаха...
- Сейчас узнаем, где проклятый шах!..

Толпа расступается. Несколько повстанцев вводят шатающегося от усталости Сухраба и еще двух его спутников — шахских слуг. Их плащи испачканы, изорваны, измученные лица грязны, волосы слиплись от пога, сапоги и одежда покрыты болотной грязью. Все трое еле держатся на ногах от изнеможения.

А х м а н

Откуда вы?

Н у г м а н

(шагнув вперед)

Да что с тобой, Сухраб?..

С у х р а б

Не спрашивайте...

Дайте отдышаться...

Нас только трое вырвалось из ада —
Еще не верится, что мы спаслись!..

Н у г м а н

Что?.. Что случилось?..

М а н и

Говори скорее —
Вас государь прислал?

С у х р а б

(исступленно выкрикивает)

Нет больше государя!..

(Безумным взглядом обводит толпу.)

Что смотрите?

Не верите?..

Кто хочет —

Седлай коней!..

(В бешеном порыве указывает вдаль).

Там — посреди степи —
Увидите кровавую трясину...
Попробуйте достать его оттуда!
Ха-хха-а!..

Пропал!..

И все, кто были с ним...

Мы только и спаслись!..

Н у г м а н

(выронив свой посох)

Не может быть!..

М а н и

Да он с ума сошел!..

С у х р а б

(задыхаясь, продолжает)

Всех погубил, проклятый!..
Всех — до единого!..
Товарищей моих...
И слуг, и воинов, и всех придворных,
И ловчих, и коней!..
Кровавую потеху
Устроить вздумалось...
И сам погряз в крови...
Туда ему, безумцу, и дорога!..

А х м а н

Погряз, ты говоришь?
В кровавую трясиину?
А ну-ка, повтори — я что-то не пойму..

С у х р а б

(в бешенстве обернувшись к нему)

Не понял?..
Повторить?..
Все, все погибли — понял?..
Я это видел сам — вот этими глазами...
Будь проклята судьба!
Будь проклят этот день!..

(Закрывает лицо, шатается, падает в изнеможении.)

А х м а н

Помочь ему.
Пускай в себя придет.
А успокоится — тогда расскажет...
Где спутники его?

Ш а м с у р - б о б о

Вон там — на берегу.
Один — едва живой,
без памяти лежит,

Другой беснуется — то плачет, то смеется,
Но если верить выкрикам несвязным,
Свершился божий суд!

А х м а н

Как это понимать?

Ш а м с у р - б о б о

Выходит дело так:

охотился Бахрам
Да в самую грозу — со всей своею свитой —
В болоте потонул...

А х м а н

Считаешь, это правда?

Ш а м с у р - б о б о

Да как сказать... Похоже, что не лжет.

П о в с т а н ц ы

(негромко переговариваются)

- Вы слышали? Погиб!..
- Со всей своею сворой...
- Жаль, не попался в руки нам, злодей!..
- В болоте потонул...
- И поделом ему!
- Теперь гореть в аду кремешном будет...
- А не солгал ли этот шахский воин?
- Нет, сразу видно — правду говорит...
- Погиб кровавый пес!
- И рук марать не надо...
- Сама судьба на помощь нам пришла!..

А х м а н

Спокойнее, друзья.

Сейчас мы все узнаем.

Пока не радуйтесь.

Быть может, это хитрость —

Уловка дерзкая...

А х м а н

(подойдя к нему)

Как чувствуешь себя?

С у х р а б

(с трудом)

Благодарю... Живой...
А вы откуда, братья?

А х м а н

Нас не бойся.
Мы — люди честные.
Нам можешь доверять.
Ждем твоего правдивого рассказа.

С у х р а б

(с глубокой усталостью)

Ну что ж... Ты прав...
Уж если уцелел я,
Так должен людям обо всем поведать.
Не знаю только,
где слова найду,
Чтоб вам достойно рассказать об этом...

(Опускает голову, горестно поникает.)

Трепещущая от волнения Назира боязливо приближается к Сухрабу,— чувствуется, что она и жаждет, и страшится услышать от него наконец о судьбе своей госпожи.

Н а з и р а

Скажи... Одно лишь слово!.. Где она?..

А х м а н

(кладет ему руку на плечо)

И все же вспомни, друг.
Нам очень надо знать,
Что все-таки случилось с падишахом.

С у х р а б

(начинает свой рассказ)

Известно вам:
был на охоте шах,
Семь дней прошло — и никакой добычи.
Был мрачен повелитель.
Лучших ловчих
Во все концы на поиски послал.
И вот вчера
бесчисленное стадо
Пасущихся джейранов и газелей
Мы увидели —
на краю равнины,
На самом берегу Больших болот.

М а н и

(печально вздохнув)

С того и началось...

С у х р а б

То было в полдень;
Когда об этом шаху доложили,
Велел он сбор трубить,
хотя с востока
Вставали тучи — близилась гроза.
Помчались в степь.
Когда ж увидел шах,
Какая ждет громадная добыча,
Так и затрясся...
Оцепить велел нам
Весь край болот — и началась резня!

А х м а н

Резня, ты говоришь?..

С у х р а б

Другого слова

Не подыскать!..

В кольцо попали звери:

Там — топи гиблые,

а здесь — убийцы,

И стрелы так и сыплются дождем!

Ручьями кровь текла...

Сухая степь

На пламенный цветник похожа стала

От луж багряных...

И чем больше крови,

Тем жарче распаялся падишах!

А х м а н

Да, кровь любил он...

С у х р а б

Сколько беззащитных

Убито было тварей —

счета нет!

И тщетно Дилярам в слезах молила,

Чтоб прекратил побоище Бахрам,—

Я видел:

в бешенстве, себя не помня,

Шах с дикой бранью оттолкнул ее —

И дальше поскакал,

в газелью стаю

Пуская с криком за стрелой стрелу!..

Н у г м а н

(горестно покачав головой)

Кровь и вино —

вот две багряных страсти,

Что в бездну мрака увлекли его...

С у х р а б

(продолжает)

Увидев, что нигде спасенья нет,
Дичь заметалась,
кинулась к болотам
В надежде перебраться через топь
И скрыться от убийц неумолимых,
Остановились мы...
Добычи было
Уже достаточно — и даже слишком:
Джейранов и газелей —
в лужах крови
По всей степи валялось без числа!..

М а н и

Какое зверство!..

С у х р а б

Но упрямый шах
От свежей крови будто обезумел —
Приказ нам отдал
продолжать погоню,
Хоть и сгущались тучи в небесах.
И вот в грязи зловонной по колено,
Измучены,
от злобы задыхаясь,
Стрелять в безгрешных тварей продолжая,
Через болото устремились мы...

Н а з и р а

А как же Дилярам?..

С у х р а б

Рыдая и молясь,
Опять она приблизилась к Бахраму
И руки нежные
простерла к падишаху,
Прося остановиться наконец!
А он, проклятый!..

Н у г м а н

(не выдержав)

Что же он?..

С у х р а б

Оскалясь,
Как лютый тигр, с рычаньем обернулся
И по лицу
с размаху
крепкой плетью
Красавицу хлестнул!..

Н а з и р а

(вскрикивает, как от удара)

Несчастливая моя!..

М а н и

Ее ударил?!..

С у х р а б

Был я рядом с ними —
И горький крик в ушах еще звенит!
В тот миг,

клянусь,

жестокого безумца
Готов я был на части разорвать,—
Но тут ударил гром,
упала тьма,
От молний, вспыхнув, небо расколосось,
И вихрь завыл,
и навалились тучи,
И ливень хлынул,— началась гроза.

Н у г м а н

(*потрясенный*)

Да, через край в тот миг перелилась
Святая чаша гнева и возмездья,
И стал неотвратимым приговор...

Закрыв лицо руками, Назира чуть слышно плачет.

С у х р а б

(*отхлебнув вина, продолжает*)

Вы помните,
какой была гроза:
Гром, вихри, молнии — конец вселенной!
А дождь какой!
Сплошные водопады,
Как в день потопа,
рухнули с небес.
Во тьме, оглушены, ослеплены,
Сгрудились мы
в зловещей котловине,
И, оглянувшись, сразу я увидел:
Всем нам конец!
Живыми не уйти!..

А х м а н

Но вы могли вернуться...

С у х р а б

Поздно было!
Земля и так болотистая там,
А этим ливнем яростным размыта,
Драконом стала
с тысячами ртов,—
И начал этот гибельный дракон
Заглатывать
в кровавую трясину

Назира

Да!.. Говори скорее!..

Сухраб

(глухо)

Тогда мужайся.

Не спаслась она...

Назира замерла, прижав руки к груди. Сухраб снова встает.

Да, я хотел... Хотел ее спасти...

Ведь я любил ее...

Любой ценою —

Ценою жизни собственной —

решил я

Сберечь от смерти нашу госпожу.

Ее коня схватил я за узду,

Чтоб вывести из гибельной трясины,

Но вырвалась она,

коня хлестнула —

И ринулась к Бахраму своему...

Мани

Безумица!..

Нугман

(негромко откликается)

О нет... Бесстрашная душа.

Назира, словно окаменев, продолжает молча стоять.

Сухраб

Так тяжело думать о ее кончине,

Что говорить об этом не хотел...

И все-таки скажу.

(С прорвавшейся болью.)

Я видел это, видел —
До самой смерти не смогу забыть!
Как птица белая,
она к нему метнулась,
Руками нежными за шею обняла —
И вместе с ним
в пучину
погрузилась,
Как в тучу погружается звезда!..

Слышатся негромкие, взволнованные восклицания.

Г о л о с а

- Погибла вместе с ним...
- Вот верная душа!..
- А сколько от него мучений натерпелась!
- Ведь видела, что зверь...
- А все-таки любила...
- И даже в смерти не рассталась с ним!..

Внезапно, лишь теперь до конца осознав эту страшную правду,
Назира с протяжным воплем хватается за голову.

Н а з и р а

О-о-о!.. Госпожа моя!..
Страдалица моя!..
Что сделали, несчастная, с тобою!..

*(Упав на колени, в отчаянье бьется
головой о камень.)*

Зачем... Зачем...
Зачем... тебя я отпустила?..
Цветочек мой...
голубка ты моя!..

(Припав к камню, застывает в безутешном горе.)

Тем временем взволнованный Ахман, собрав несколько своих соратников, о чем-то напряженно совещается с ними, чертит что-то на песке острием своей сабли,— видимо, советуясь с ними о плане дальнейшего продвижения их отряда.

Густой туман, застилавший глубину сцены, постепенно рассеивается. Все яснее виден противоположный берег озера, а вдали, на краю широкой равнины — величавая горная гряда с покрытыми снегом вершинами.

С у х р а б

(остановясь перед Нугманом)

Скажи, отец...

Ты столько в жизни видел,—
Но, верно, даже ты не сможешь объяснить:
За что, за что она его любила —
Убийцу, тигра злобного —
за что?..

Н у г м а н

(сурово и задумчиво)

Таков наш мир, сынок.

Жестокий, странный,
Но и прекрасный мир,— в нем свет и тень,
И ночь, и день,

и радость, и страданье
Слились в нерасторжимое единство.

Вот так слилась навек

и темнота Бахрама

С неугасимым светом Дилярам.

С у х р а б

Когда б ты знал, отец,

как я ее любил,—

Тебе признаться в этом не стыжусь...

Любил... мечтал о ней...

И ведь спасти сумел бы!..

Сама не захотела... О судьба!..

(Плачет, прижав к плечу Нугмана.)

В наступившей тишине снова слышатся приглушенные рыдания безутешной Назиры. В отчаянье прижимает она к груди белое покрывало своей погибшей госпожи. Стоящий рядом с ней Мани тщетно пытается успокоить ее.

Назира

(задыхаясь от слез)

Ах, госпожа моя!..
Уж лучше б я погибла!..
Не удержала я тебя... Не сберегла..
Зачем он был тебе?
Зачем ты пожелала
С ним вместе умереть, страдальца моя?..

Мани

Не плачь... Не плачь, сестра...
Она была звездой —
Лишь краткий миг гостила на земле.
Молись всевышнему, чтоб ей скорей позволил
Вернуться в небеса...

Нугман

(подойдя к ним)

Не за нее молитесь —
За душу мрачную погибшего Бахрама:
Две силы в нем мучительно боролись —
Огонь Хурмуза
с мраком Ахримана,
И пал он в этой яростной борьбе!
Да снизойдет всевышний судия
К его раскаяньям,
к его страданьям
И да пошлет ему прощенье и покой!..

Тем временем Ахман уже кончил совещаться со своими друзьями. Четверо повстанцев поднимают его на щите. Возвышаясь над вооруженной толпой, окруженный верными сподвижниками, с пламенными словами обращается он к своему отряду.

А х м а н

Вы слышали, друзья?
Самой судьбой
Дано нам избежать кровопролитья,—
Погиб Бахрам,
погиб тиран жестокий
Со всею хищной сворою своей.
Теперь близка победа!
Путь открыт
В твердыню рабства — в шахскую столицу!
Все шире наш поток:
с востока, с юга
На помощь нам соратники спешат.
Пускай дрожат
в своих чертогах пышных
Те, что народ бесстыдно угнетали,
Терзали нас,
налогами душили,—
Возмездье долгожданное идет!
Разрушим тюрьмы,
палачей казним,
Продажных судей и вельмож прогоним,
Всех кровопийц
к ответу призовем,
А их богатства раздадим народу,
По-братски будем жить,
трудиться дружно —
Пахать и ткать, и урожай делить.
Во имя новой жизни,
светлой жизни —
В поход, друзья!
Победа или смерть!

П о в с т а н ц ы

(потрясая оружием)

- Победа или смерть!
- Победа или смерть!
- В поход! В поход! На шахскую столицу!..

Ш а м с у р - б о б о

(подойдя к Нугману)

Скажи, святой мудрец:
а живы ль те злодеи,
Что кровь пролили сына моего?

Н у г м а н

За кровь его, мой брат,
уже пришло возмездье,—
Небесный суд быстрее, чем земной.

Н а з и р а

(продолжая горестно плакать)

О-о-о, наша Дилярам!.. О звездочка моя!..
Как жить нам без тебя?
Кто нас теперь утешит?..

А х м а н

(подойдя к обезоруженным шахским воинам)

Вам, слуги шахские,
обманутые братья,
Я вот что на прощание скажу:
Хотите к нам примкнуть?
Тогда идите с нами.
Мы примем вас, оружие вернем.
Сухраб и еще двое воинов выступают вперед.

В о и н ы

— Я — с вами!..
— И меня возьмите!
— И меня!..

А х м а н

(глядя на остальных)

А вы колеблетесь?
Что ж, принуждать не станем.

Ступайте по домам.

Но если вас увидим
В рядах врагов — тогда не пощадим.

(Повернувшись к отряду.)

В поход, друзья, в поход — на шахскую столицу!
За мною, братья!..

Загудели барабаны. Вооруженный отряд повстанцев двинулся вслед за своим предводителем. Но внезапно слышится громкий, взволнованный возглас — и все оборачиваются, останавливаются. Это старый Нугман — величавый, седовласый, словно древний пророк — протянув свой посох, указывает куда-то вдаль, и мудрое лицо его озарено нежданной радостью и просветлением.

Н у г м а н

Стойте!.. Стойте, люди!..
Звезда на небе...
Новая звезда!..

И в самом деле: вдалеке, над вершинами снежных гор, между разорвавшимися облаками, все ярче сверкает и переливается в бездонном голубом просвете, подобная драгоценному алмазу, лучистая звезда.

М а н и

А ветер — слышите?..
Как будто струны плачут...

Н а з и р а

(задыхаясь от волнения)

Что это... Боже... Голос госпожи!..

В наступившей тишине — вместе с плавным порывом свежего весеннего ветра, повеявшего с гор, — доносятся переливчатые звуки струн, все шире разливается над равниной далекий певучий голос. Чудится, будто не на земле рождается этот голос, а сама звезда поет эту песню — молодая, чистая звезда, сверкающая над горами, в недостижимой лазурной высоте.

Г о л о с Д и л я р а м

Долго сердце томилось,
но пришла долгожданная милость —
Снова в мир ты явилась,
молода, животворна, нежна,
Новой, радостной силой
ты пустыню сердец оросила,
Счастье в них воскресила,
о владычица мира — Весна!..

Затаив дыхание, слушают люди далекую песню.

С у х р а б

(изумленно озираясь)

Но я же видел, как она погибла!..

Н у г м а н

(сквозь слезы)

Вернулась в небеса...

А песнь ее живет...

М а н и

(восторженно)

Да песнь ее живет!..

Весенним ветром стала,

С природою слилась —

осталась на земле!..

Все ярче разгорается звезда. Все слышнее чудесная песня.

Г о л о с Д и л я р а м

Ты пришла, чаровница,
и пускай этой жизни темница
В храм добра превратится,
чтобы стали светлы времена,

Дай надежде и вере
стать сильней, чем любые потери,
Всем открой свои двери,
о владычица мира — Весна!..

Как замороженные, внимают люди певучему звону струн.

Ш а м с у р - б о б о

(тихо и взволнованно)

Я помню эту песнь...
На площади... В столице...
В тот самый день, когда погиб мой сын!..

А х м а н

(обращаясь к повстанцам)

Вы слышите, друзья?
К надежде, счастью, братству
Зовет ее пророческая песнь...

Сверкает лучистая звезда. Звонят переливчатые струны.

Г о л о с Д и л я р а м

Мир вам, люди, прощайте!
Вспоминать обо мне обещайте!
Жизнь от зла очищайте,
сейте новых надежд семена!
Пусть на долгие годы
оградит вас от горькой невзгоды
Свет и радость природы,
обновление мира — Весна!..

Голос Дилярам смолкает. Но мелодия ее песни продолжает звучать и шириться в оркестре, и на фоне этой плавной, светлой, торжествующей мелодии слышатся голоса Нугмана и Мани — их задумчивые, строгие, полные глубокой веры и убежденности слова, завершающие драму.

Н у г м а н

Пройдут столетия.
Разрушатся твердыни,

Жизнь устремится к новым берегам.
Но навсегда с людьми
останется отныне
Весна и радость — песня Дилирам!

М а н и

Пусть много в мире зла,
вражды, обмана, горя,
Надежда — как звезда: она всегда чиста.

Н у г м а н

Как луч спасительный,
среди бурь людского моря
Путь указуют нам любовь и красота.

М а н и

Да, будут вечно жить,
со злом и горем споря,
Искусство и любовь,
мечта и красота!

Сверкает звезда. Радостно торжествует музыка.